

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Ю.А. Сорокин, Н.Г. Суворова

**ЕВРАЗИЙСТВО Л.Н. ГУМИЛЕВА
К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ
СТЕПНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЕВРАЗИИ**

Учебное пособие

2015

УДК 930.1
ББК 63.2(2)д.я73
С 654

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОмГУ

Отв. ред. – д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского *А.П. Толочко*

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. *Т.Б. Смирнова* (ОмГУ им. Ф.М. Достоевского);
канд. ист. наук, доц. *С.А. Мулина* (ОмГАУ им. П.А. Столыпина)

Сорокин, Ю. А.

С 654 Евразийство Л.Н. Гумилева: к истории изучения степных цивилизаций Евразии : учебное пособие / Ю. А. Сорокин, Н. Г. Суворова. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. – 257 с.

ISBN 978-5-7779-1905-2

Рассматриваются основные аспекты научного творчества историка – этнолога Л.Н. Гумилева, показана сложная взаимосвязь его теории этногенеза и научного наследия евразийцев. Теоретические выводы Л.Н. Гумилева проанализированы на основе ряда конкретно-исторических сюжетов, а также в контексте их критики в современной отечественной литературе. Представлен обширный библиографический список научно-исследовательского и мемуарного наследия Л.Н. Гумилева, а также российских исследований по творчеству историка и евразийства.

Для специалистов в области истории, этнологии, историографии, исторической географии, регионоведения, а также преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных факультетов вузов.

**УДК 930.1
ББК 63.2(2)д.я73**

Работа проведена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, в рамках государственного задания вузам в части проведения научно-исследовательских работ на 2014–2016 гг., проект № 2619.

ISBN 978-5-7779-1905-2

© Сорокин Ю.А., Суворова Н.Г., 2015
© ФГБОУ ВПО «ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ФЕНОМЕН ЕВРАЗИЙСТВА	9
Глава 2. ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ Л.Н. ГУМИЛЕВА	57
2.1. Основные вехи биографии Л.Н. Гумилева.....	57
2.2. Учение Л.Н. Гумилева об этносе. Пассионарная теория этногенеза	67
2.3. Евразийство и Л.Н. Гумилев	96
Глава 3. ИЗУЧЕНИЕ Л.Н. ГУМИЛЕВЫМ ИСТОРИИ СТЕПНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЕВРАЗИИ. «СТЕПНАЯ ТРИЛОГИЯ»	107
3.1. Хунну / гунны	107
3.2. Тюрки	120
3.3. Монголы	135
3.4. Тюркские начала в русской истории. Золотая Орда и Русская земля	147
Глава 4. КРИТИКА ВЗГЛЯДОВ Л.Н. ГУМИЛЕВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	207
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	215
КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ	255

ВВЕДЕНИЕ

Истории территории, чаще всего именуемой Великая степь, как и истории народов, ее населяющих, просто не существует в том виде, в каком существуют, например, история античного Рима, средневековой Византии, Арабского халифата, Российской империи или Японии. Они просто не написаны, несмотря на обилие источников и специальной литературы по частным проблемам. Чрезмерно разросшаяся библиография лишь подчеркивает нерешенность проблемы. Соответственно, история степных цивилизаций студентам-историкам в России и не преподается в том виде, как читаются курсы лекций по истории Западной Европы или истории России. Интерес к державе Чингисхана – важнейшей, но далеко не единственной странице истории народов Великой степи, конечно, наличествует и в курсе русской истории, и в курсе истории Азии и Африки, но вот великий тюркский каганат, впервые в мировой истории соединивший исторические процессы, протекавшие в Средиземноморье и на Дальнем Востоке, обойден вниманием и в государственных стандартах, и в учебных рабочих планах¹.

Итак, существует противоречие между двумя доминирующими теоретическими установками: 1) общие закономерности истории человечества не могут изучаться без инвариантов; 2) история и культура степных народов самодостаточна и пора уже перестать изучать их лишь как назойливых соседей России, Китая и Ирана) и учебной практикой на исторических факультетах, фактически игнорирующей и степную культуру, и степную историю. Становится фактом обыденного сознания отброшенное наукой представление о кочевниках как о «трутных человечества», способных лишь разрушать, но не созидать. Познакомить студента с историей Великой степи, сформировать у них имму-

---

¹ Об этом ярко писал Л.Н. Гумилев. См. подробнее: *Гумилев Л.Н. Древние тюрки*. М., 1993. С. 4–6, 86–87.

нитет к «научным» тезисам, подобным приведенному, – одна из задач авторов данного издания.

При этом авторы вполне отдают себе отчет, что пытаться разрешить задачу, перед которой все еще пасует мировая историческая наука, излишне самонадеянно. Поэтому мы определяем аспект своего исследования следующим образом. Очень заметным, хотя и весьма спорным вкладом в отечественную науку в части изучения степных цивилизаций признается творчество Л.Н. Гумилева, одного из самых оригинальных мыслителей XX в., на долю которого выпала и разнузданная хула, ничего общего не имеющая с научной критикой, и бесстыдная похвала, игнорирующая научную составляющую его разнопланового творчества. Изучая построения Гумилева, авторы рассчитывают подвести предварительные итоги изучения степных цивилизаций Евразии в XX в., по крайней мере в части истории хунну, тюрков и монголов.

Но если брать конкретные научные построения, оказывается, что Л.Н. Гумилев не всегда выступал первопроходцем. Он разделил многие принципиальные выводы блестящей плеяды ученых-евразийцев, творивших в эмиграции в 1920-х гг. Его взгляды часто позиционируются как инвариант евразийства². В силу этого авторы выстраивают свое сочинение, опираясь на три составные части: исторические взгляды евразийцев, научная теория Л.Н. Гумилева, изучение степных цивилизаций Евразии, увязывая их в единое целое. При этом предметом исследования выступает все-таки научная доктрина Л.Н. Гумилева.

Еще одним обстоятельством, определившим выбор адресата данной книги, выступила ситуация в современной исторической науке. О ее кризисе модно говорить вот уже два десятилетия. Этот многофакторный кризис чаще всего позиционируется как методологический. Преодоление кризиса возможно на пути создания новых методологий, новых историософских теорий. Недостатка в последних нет. Набирают популярность новая социальная история, теория модернизации, интеллектуальная история (цивилизационный подход, постмодернизм, пост-

---

² О природе инварианта см. подробнее: Балакин Ю.В. Инварианты религиозного сознания. Из истории изучения. Проблема метода. Омск, 2014.

структурализм, синергетика) и проч. Эти теории проработаны в самом общем виде. Остается открытым вопрос о том, что они дают историку-конкретнику, как способствуют приращению исторического знания. Между тем полемика вокруг научного наследия Л.Н. Гумилева ведется уже полвека, накоплены серьезные аргументы «за» и «против». Таким образом, на примере научного творчества Л.Н. Гумилева студенту исторического факультета небезынтересен будет путь от отвлеченных теоретических конструкций, которые зачастую трудно даже назвать историческими, до сугубо частных, конкретно-исторических сюжетов, которые и составляют исторический нарратив. Он основан у Л.Н. Гумилева на фактах, обозначенных им как интегральные, что дает возможность уловить, по слову Гумилева, закономерности «невидимые, но не придуманные». На этой основе возникает универсальное знание. Появляется возможность, отмечал Л.Н. Гумилев, множество фактов свести к небольшому числу поддающихся оценке переменных, к эмпирическим обобщениям. Последние приобретают достоверность исторического факта, на их основе становится возможным выделение закономерностей, позволяющих понять самые разные явления в истории. Эти закономерности открыты Л.Н. Гумилевым путем обобщения, путем отсложения фактов от текстов источника, путем их изучения сравнительным методом³, что и составляет, на наш взгляд, сущность ремесла историка, которым и должен овладеть студент истфака.

Авторами накоплен известный опыт работы над заявленными проблемами⁴, который положен в основу данной книги.

---

³ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 30, 164.

⁴ Сорокин Ю.А. О новейшей критике евразийской концепции русской истории конца XV–XVI в. // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность. Астана; Омск; Томск, 2003. С. 13–15; *Его же*. Л.Н. Гумилев о взаимодействии Великой степи и Русского государства в IX–XVIII в. // Евразийство и Казахстан: труды Евразийского научного форума «Гумилевские чтения». Т. 1. Астана, 2003. С. 19–25; *Его же*. Гумилев о месте и значении Тюркского компонента в истории Евразии // Тюркская цивилизация: матер. науч. конф., посвященной 1400-летию Западно-Тюркского каганата. Кокшетау, 2003. С. 49–53; *Его же*. К вопросу об интерпретации Л.Н. Гумилева евразийских воззрений Н.С. Трубецкого // Народы Евразии: культура и общество. Астана, 2004. С. 25–26; *Его же*. Исторические

воззрения евразийцев в понимании Л.Н. Гумилева // Сотрудничество Казахстана и России – залог создания ЕвРАЗЭС: матер. Междунар. науч. конф. Кокшетау, 2004. С. 123–126; *Его же*. Л.Н. Гумилев об эмире Тимуре // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность. Омск, 2005. С. 32–36; *Его же*. Евразийство Н.С. Трубецкого: прошлое и настоящее // Евразия: народы, культуры, социумы. Астана, 2005. С. 19–23; *Его же*. Научное наследие академика В.В. Бартольда и евразийства // Вестник Кокшетауского государственного университета им. Ш.Ш. Уалиханова. 2006. № 3. (12). С. 38–40; *Его же*. Присоединение казахской степи к Российской империи: нарративный дискурс // Азиатская Россия во второй половине XIX – начале XX в. Проблемы региональной истории. Омск, 2008. С. 83–98; *Его же*. Взгляды Л.Н. Гумилева на русско-ордынские отношения XIII в. // Степной край Евразии: историко-культурное взаимодействие и современность: тез. докладов и сообщений VI Междунар. конф. Омск, 2009. С. 11–14; *Его же*. Концепция евразийства и современные научные каноны в освещении тюрко-славянских связей // Независимый Казахстан и научное наследие академика М. Козыбаева: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Т. 5. Петропавловск, 2011. С. 141–145; *Его же*. О концепции национальных и межнациональных отношений Н.С. Трубецкого // Валихановские чтения – 17: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Кокшетау, 2013. С. 13–18; «Антропологический поворот» современной историографии в контексте научного наследия Л.Н. Гумилева (тез. докл.): матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы истории и социально-гуманитарных наук». Кокшетау, 2014. С. 25–29; *Его же*. Основные идейные конструкции евразийцев в первой половине 1920-х гг. // Козыбаевские чтения – 2014: роль Казахстана в интеграции евразийского пространства: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Петропавловск, 2014. С. 140–145; *Суворова Н.Г.* Образы кочевников в имперском дискурсе: к характеристике мотивов колонизации степи в XIX в. // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: Международный Евразийский форум (III науч. конф.): тез. докл. и сообщ. Омск, 2003. С. 86–87; *Ее же*. Колонизация Сибири XVIII – начала XX в.: империи- и нациостроительство на восточной окраине Российской империи // История. Антропология. Культурология. Избранные лекции. Ч. 2. Омск, 2004. С. 3–58 (в соавторстве с А.В. Ремневым); *Ее же*. «Сельские обыватели» степи в административных проектах (70-е гг. XIX в.) // Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщ. V Междунар. науч. конф. Омск, 2007. С. 61–63; *Ее же*. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. М., 2008. № 11 (29). С. 132–179 (в соавторстве с А.В. Ремневым); *Ее же*. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: оценки и прогнозы имперских экспертов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом про-

Авторы не претендуют при этом ни на окончательность своих суждений и выводов, ни на истинность всех своих построений. Перед читателем – инвариант изучения научного наследия крупных русских ученых XX в. в контексте истории степных цивилизаций Евразии.

странстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI вв. / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 17–64 (в соавторстве с А.В. Ремневым); *Ее же*. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX в. Омск, 2013 (в соавторстве с А.В. Ремневым).

Глава 1

ФЕНОМЕН ЕВРАЗИЙСТВА

Евразийство – слово модное. Мода же, наряду с конъюнктурой, признается одной из высших форм актуальности. Модными стали также разнообразные интерпретации евразийских идей историками, культурологами, геополитиками, экономистами, философами. Модно стало щеголять евразийскими формулами, терминами и лозунгами. Возникло даже Общероссийское политическое общественное движение «Евразия», признанным лидером которого является А.Г. Дугин¹. Различные издательства беспорядочно и бессистемно переиздают, казалось бы, намертво забытые публикации авторов, которых они склонны ассоциировать с теоретиками или вождями евразийства. Эти издания снабжены комментариями, многие из которых очень интересны², но большая часть – вполне беспомощны и в научном отношении весьма уязвимы. Современные интерпретаторы и комментаторы евразийства, например, готовы толковать понятие очень широко: достаточно какому-либо автору признать факт тесных культурных контактов России с Востоком, плодотворных для их культур и цивилизаций, как его тут же объявляют евразийцем. Так в число евразийцев попала небезызвестная Е. Блаватская, к ним пытаются отнести Н.К. и С.Н. Рерихов и т. п. При такого рода подходе не ясными остаются многие принципиальные моменты, прежде всего – что есть евразий-

---

¹ См. подробнее: Евразийство: теория и практика. М., 2001.

² См., например: Русский узел Евразийства. М., 1997. Яркую вступительную статью С. Ключникова «Восточная ориентация русской культуры»; Мир России – Евразия. Антология. М., 1995. (с качественной вступительной статьей Л.И. Новиковой и И.Н. Сиземской «Евразийский локус» и др.).

ство: идея, политическая или даже геополитическая доктрина, научная (историческая, философская) концепция, особое видение русской и мировой истории, совокупное знание о мире, общественное движение, политическое течение, духовная составляющая мировоззрения русской интеллигенции, реальная политика, направление в искусстве, их совокупность или вообще нечто иное?

Попробуем разобраться.

Сам термин «Евразия», от которого и образовано «евразийство», используется в двух основных смыслах. Еще А. Гумбольдт под Евразией понимал великий континент, объединяющий две части света: Европу и Азию, подобно тому, как Южная и Северная Америка есть два континента, дающие одну часть света – Америку. Но откликаясь на книгу Н.С. Трубецкого «Евразия и человечество», географ П.Н. Савицкий в журнале «Русская мысль», издававшемся в Софии, написал статью «Европа и Евразия»³. Ученый противопоставил Евразию как собственно Европе (Западной), так и собственно Азии, под которой им понималась Передняя Азия, Индия, Дальний Восток. Территорию Евразии, почти совпадающую с территорией России, населяет, по мнению автора, некая евразийская общность народов с прочными межэтническими связями, что и обеспечивало создание межплеменных государственных образований, к которым П.Н. Савицкий, а затем и Г.В. Вернадский отнесли Гуннский союз, простиравшийся, по их мнению, от Енисея и до Дуная, затем – Тюркский каганат, затем – Киевскую Русь. Наследницей последней стала Россия, продемонстрировав беспрецедентное по своей компактности и широте распространения (шестая часть суши) бытие великорусской культуры и великорусского языка. Именно потому понятия «Россия» и «Евразия» так близки по своему смыслу, могут пониматься как синонимы.

Группа талантливых и достаточно молодых российских ученых, оказавшихся после Гражданской войны в эмиграции (географ П.Н. Савицкий, музыковед П.Н. Сувчинский, теолог Г.В. Флоровский, историки Г.В. Вернадский, П.М., Бицилли, А.В. Карташев, правовед Н.Н. Алексеев, филолог Н.С. Трубецкой

---

³ Русская мысль. 1921. Январь-февраль.

и некоторые другие авторы, примкнувшие к ним позднее), естественным образом испытывая горечь поражения, пытались осмыслить все историческое прошлое России – Евразии (и региона, и народов, его населяющих), чтобы лучше понять настоящее и предвидеть их будущее. Сами себя они называли «евразийцы» и работали, по их собственному признанию, в рамках катастрофического мироощущения. Первыми публикациями, заложившими именно теоретические основы евразийства, стали монографии Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1920), сборники «Исход к Востоку» (София, 1921), «На путях» (Берлин, 1922) и «Россия и латинство» (Берлин, 1923). Затем достаточно регулярно стали появляться различные монографии и статьи, периодические издания, такие как «Евразийский временник», «Евразийская хроника», газета «Евразия» и многие другие.

Евразийцы высказали ряд ключевых идей, которые они воспринимали как непреложную истину и которые стали краеугольным камнем их воззрений. Укажем некоторые.

1. Евразийцы позиционировались как «осознатели культурно-исторического своеобразия» России. Разумеется, идея о самобытности и своеобразии России и, как следствие, об особом русском пути далеко не нова, уходит корнями вглубь веков, чуть ли не к воззрениям старца Филофея с его идеей «Ромейского царства» и ее политической интерпретацией, известной как теория «Москва – третий Рим». Новации евразийцев в этой части заключаются, во-первых, в новаторском понимании сущности этого своеобразия, ими толкуемого как «синтез», «сопряжение» романо-германской цивилизации Европы с бытом и культурой Азии, в результате которой возникает третья, «евразийская», культура. Во-вторых, в признании того факта, что эта культура при всем ее своеобразии не уникальна в истории человечества. В один ряд с ней надлежит поставить эллинистическую и византийскую культуры, также толкуемых евразийцами как синтез традиций. В-третьих, в евразийской культуре, понимаемой в самом широком смысле, в том числе и как государственность, весьма значительно влияние «степной» цивилизации, особенно заметное с XIII в. Это влияние не просто значительно, но и весьма разнообразно, сказалось в деле строительства

«русской государственной храмины», на бытовом укладе русского народа, его языке и т. д.

2. Русская культура, по мнению евразийцев, тождественна русскому православию, более того, Русская православная церковь эмпирически и есть русская культура, становящаяся церковью. Своеобразное географическое положение русской культуры определяет ее особый евразийский, психологический уклад, для которого характерны органическая связь общественной жизни с природой, «материковый размах», «русская широта», безграничное «материковое» национальное сознание, которое для европейца кажется непатриотичным. Евразийский тип мышления не привязан к каким бы то ни было государственным и политическим реалиям, но только к «месту». Согласно теории евразийства существуют такие «места развития», в рамках которых географическая среда и социально-историческая среда сливаются воедино. Такому слиянию присущи свои определенные формы культуры, независимо от расового и этнического состава населения. Они полагали, что всем великим державам региона свойственен тип «военная империя»: скифам, гуннам, тюркам, монголам, русским.

3. Учение о государстве, принципиально важное для евразийцев, разработали Л.П. Карсавин и Н.Н. Алексеев. По их мнению, евразийская культура порождает особый тип государства, обеспечивающий единство и целостность всего евразийского нецерковного мира. Государство, по их мнению, стремится стать церковью, Градом Божиим; но при этом государство имеет дело с людьми, эмпирически – греховной средой, по их собственному выражению. Сфера государства поэтому есть сфера принуждения и насилия, противостоящая хаосу и анархии. Чем здоровее культура и народ, тем большей властью и большей жесткостью характеризуется государство, в котором гуманизм и сентиментальное прекраснотушение, по мнению евразийцев, совершенно не уместны. В сфере общественной жизни государство у евразийцев доминирует абсолютно. Оно выступает в роли верховного хозяина: управляет, планирует, координирует, дает задания, контролирует, карает и проч. Естественно, что в таком государстве верховная власть должна быть также очень сильной, но при этом не терять связи с народом, не упускать его идеалы.

Сама власть должна принадлежать «демократическому правящему слою», формирующемуся путем «отбора» из народа, имеющего общие с ним интересы и идеалы. Власть поэтому объявляется подлинно народной, в отличие от западных демократий, где все решает вульгарное большинство голосов. В идеальном государстве евразийцев выразить и защитить волю, интересы и чаяния народа может только правящий слой, вышедший из народа и связанный с ним единой общей идеологией, но не сам народ. Такое государство и определяется ими как идеократическое.

Но народ, масса, склонны к стихийным и деструктивным действиям. Задача государства состоит в пресечении подобных действий любыми средствами. От крайностей в этой части охранит общность мировоззрения, воплотившаяся в государственную идеологию. Последняя ни при каких обстоятельствах не может быть объектом критики. В таком государстве подавляется любое инакомыслие, любая оппозиционность, что евразийцев совершенно не смущало.

Довольно быстро многие из евразийцев осознали, что их идеократическое государство реализуется в СССР, за одним существенным элементом. Само строительство советского государства движется в правильном направлении, но коммунистическая идеология есть латинская, прозападная, атеистическая и антинародная. Но если большевики откажутся от коммунистической идеологии (а такая возможность евразийцами не исключалась), то (старая мессианская идея) Россия может повести за собой весь мир, укажет путь. Стало быть, чужую коммунистическую идеологию надобно вытеснить, заменяя ее идеологией евразийской.

Для этого требуется разрозненные идеи евразийцев, которые мы здесь и приводим, спаять в идеологию, придав ей очевидный политический подтекст. Внедрять ее в СССР должно с использованием готовых советских структур. В СССР уже есть единственная правящая партия – требуется, чтобы она заместилась евразийской. Игры эти закончились плохо: П.Н. Савицкий просидел в лагерях двенадцать лет, Л.П. Карсавин, Д.П. Святополк-Мирский и С.Я. Эфрон погибли в заключении и т. п.

Подобный этатизм евразийцев встретил однозначное отрицание и самую нелюбезную критику П.М. Бицилли (по-

сле его недолгого евразийства), Ф.А. Степуна, Г.П. Федотова и мн. др., но наиболее последовательным, серьезным и убежденным критиком евразийского учения об идеократическом государстве стал один из отцов основателей евразийства – Г.В. Флоровский. Блестяще обобщив построения своих бывших единомышленников, он указал на корни их ошибок. Предавая анафеме западные теории, они сами восприняли гегелевский тезис («змеиное положение», по Флоровскому): все разумное – действительно, все действительное – разумно». Поэтому евразийцы не верили в случайность, в тупики, химеры и зигзаги исторического развития, отсюда их признание большевизма и их стремление заменить коммунизм на свою православно-евразийскую идеологию, веруя, что это вернет Россию на ее подлинный путь. По Флоровскому же, и коммунизм большевиков, и идеология евразийцев равно химеры. Евразийский соблазн рассеется от собственной слабости, но оставит «евразийскую правду», полагал Г.В. Флоровский.

4. Евразийцы, в частности Н.С. Трубецкой, полагали, что неперменным условием бытования Российского единого государства (хоть империи, хоть СССР) является существование некоего единого субстрата государственности. Критерий для его выделения может быть либо национальным (этническим), либо классовым (например, пролетарским). Но последний, по его мнению, способен объединить лишь отдельные части и лишь на время. Постоянное и прочное объединение обеспечит лишь национальный (этнический) субстрат. До революции в качестве такового выступал русский народ – государствообразующая нация. Однако в СССР в силу ряда причин это сделалось решительно невозможным, при этом никакая другая нация (этнос) с такой колоссальной исторической ролью справится не в состоянии. Одновременно евразийцами признавалась идея целостности и неделимости России, сохранения ее в прежних географических рамках. Возникал глобальный вопрос огромной практической важности – если русский народ уже не в состоянии обеспечить столь дорогого сердцу каждого евразийца единства России, то кто же его обеспечит, где искать этот новый национальный субстрат? Н.С. Трубецкой так отвечал на этот вопрос: «Национальным субстратом того государства, которое прежде на-

зывалось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом.

Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством»⁴. При таком подходе заметим, евразийство есть национализм, если угодно, национальная идея. (В скобках отметим, что в СССР, как известно, доминировал пролетарский интернационализм, противопоставлявшийся так называемому буржуазному национализму; еще и потому евразийские идеи не могли быть приняты в Советском Союзе ни ученым сообществом, ни партийными деятелями).

До сего дня понятие «национализм» трактуется в негативном ключе, хотя, строго говоря, национализм есть прежде всего любовь к своему народу, подобно тому, что патриотизм есть любовь к своему отечеству. Национализм, по Н.С. Трубецкому, может быть истинным или ложным⁵. Учитывая актуальность этого сюжета в наши дни, остановимся на нем чуть подробнее.

Князь Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938) – незаурядный русский ученый-языковед, талантливый философ и выдающийся историк. Принято считать, что Н.С. Трубецкой – ведущий теоретик евразийства. Во всяком случае, именно в его работах впервые с наибольшей полнотой выражен принципиальный отказ от европоцентризма, поставлен под сомнение линейный прогресс человечества, обоснован тезис о равноценности социально-культурного вклада различных народов в историческое развитие человечества в целом. Со временем Н.С. Трубецкой сосредоточился на разработке концепции национальных и межнациональных отношений, или, как он сам выражался, на изучении «истинного и ложного национализма». Его перу принадлежит ряд программных статей на этот счет, в том числе

---

⁴ Трубецкой Н.С. Общеевразийский национализм // Евразийство: теория и практика. М., 2001. С. 12.

⁵ См. подробнее: Сорокин Ю.А. О концепции национальных и межнациональных отношений Н.С. Трубецкого // Валихановские чтения – 17: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Кокшетау, 2013. С. 13–18; Его же. Евразийство Н.С. Трубецкого: прошлое и настоящее // Евразия: народы, культуры, социумы. Астана, 2005. С. 19–23.

«Об истинном и ложном национализме» (впервые издана в сборнике «Исход к востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», София, 1921), «Русская проблема» (впервые издана в сборнике «На путях. Утверждение евразийцев», Москва, Берлин, 1922), «О туранском элементе в русской культуре» (впервые издана в сборнике «Евразийский временник», Берлин, 1925, Кн. 4.), «Мы и другие» (там же), «Общевеэразийский национализм» (впервые издана в сборнике «Евразийская хроника», Париж, 1927, вып. 9).

Н.С. Трубецкой в решении заявленной проблемы отталкивался от основополагающей аксиомы: «европейская цивилизация не есть общечеловеческая культура», поэтому любой и каждый неромано-германский народ должен преодолеть собственный эгоцентризм (по Трубецкому, эгоцентрист представляет себя центром Вселенной, венцом создания) и оградить себя от обмана «общечеловеческой цивилизации», от стремления стать «настоящим европейцем». Действия народа на этот счет могут быть выражены афоризмами «познай самого себя» и «будь самим собой»⁶. Формы познания чрезвычайно разнообразны, характерны как для индивидуального, так и для коллективного самопознания. Н.С. Трубецкой полагал, что два эти начала тесно связаны между собой и равно проявляются в самобытной национальной культуре. Именно поэтому, смеем мы добавить, человек, не признающий или даже стыдящийся национальной культуры своего народа, не может быть ни патриотом своего Отечества, ни достойным гражданином своего государства.

Тот факт, что культуры различных народов самобытны, для Н.С. Трубецкого есть высшее благо. Одновременно он признает, что у народов, близких друг другу, культуры будут схожи. Но общечеловеческая культура, обязательная для всех народов, для Н.С. Трубецкого невозможна, так как она сводима либо к удовлетворению только лишь материальных потребностей при полном игнорировании потребностей духовных, либо к навязыванию чуждых для данного народа форм жизни. В любом случае общечеловеческая культура не может быть ни под-

---

⁶ Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 36–37.

линной, ни истинной⁷. Н.С. Трубецкой никогда не слышал о глобализации в ее современном понимании, но он ее прозорливо предчувствовал и категорически не принимал еще в 1921 г.

Отвергая «общечеловеческую культуру», Н.С. Трубецкой принимает не каждый национализм. Истинным, морально и логически оправданным национализмом для него является лишь тот, который исходит из самобытной национальной культуры или направлен к ней. Такой национализм поддерживает все, что способствует самобытной национальной культуре, и устраняет все, что ей может мешать. Н.С. Трубецкой со всей страстью обрушивается на ложные в его понимании виды национализма. К таковым ученый относит следующие:

1. Если для национализма самобытность национальной культуры не важна, а важна лишь государственная самостоятельность, при которой данный народ получит признание «больших народов», «великих держав», то этот национализм не является истинным, может приобретать уродливые, карикатурные формы, ибо он не желает «быть самим собой», а желает именно быть «как другие», «как большие». Очень скоро при таком подходе государственная самостоятельность и великодержавность превращаются в самоцель, от всей культуры остается только «родной» язык, получивший статус государственного. Но и этот последний, по мысли Н.С. Трубецкого, «приспосабливаясь к новым, чужим понятиям и формам быта, сильно искажается, впитывает в себя громадное количество романо-германизмов и неуклюжих неологизмов. В конце концов, официальные "государственные" языки многих "малых" государств, вступивших на такой путь национализма, оказываются почти непонятными для подлинных народных масс, не успевших еще денационализироваться и обезличиться до степени "демократии вообще"»⁸.

2. Еще один вид ложного национализма для Н.С. Трубецкого – воинствующий шовинизм, т. е. стремление распространить язык и культуру собственного народа на возможно большее число иноплеменников, искоренив в них всякую национальную самобытность. Шовинизм густо замешан на тщеславии и на отрицании равноценности народов и культур.

---

⁷ Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме. С. 42.

⁸ Там же. С. 43.

3. Культурный консерватизм, искусственно отождествляющий национальную самобытность с какими-нибудь уже созданными в прошлом культурными ценностями или формами быта и не допускающий никаких изменений в них, даже если они уже перестали соответствовать изменившейся национальной культуре, также является ложным национализмом. В данном случае доминирует подход: «не культура для народа, а народ для культуры». Ложный национализм, по Н.С. Трубецкому, в любом случае губителен, так как приводит либо к национальному обезличиванию, денационализации культуры, либо к размыванию народа, носителя культуры, либо к застою, предвестнику смерти⁹.

С горечью Н.С. Трубецкой констатирует, что истинного русского национализма на протяжении XVIII–XX вв. в России не было, а было лишь разнообразнейшее сочетание трех основных форм ложного национализма. Ученый указывает в подтверждение своего тезиса на следующие факты: начиная с Петра I Россия стала по преимуществу страной милитаристской и крепостнической, началось ожесточенное гонение на все истинно русское, национальная русская культура официально признавалась варварством, имело место духовное засилье европейских идей. Все это вкупе привело к кошмарам XX в.¹⁰ Две основополагающие идеи доминировали, по Н.С. Трубецкому, в сознании русского интеллигента. Для одних важна Россия как великая европейская держава; этот статус должно было поддерживать любой ценой, включая полное порабощение народа, отказ от просветительных и гуманистических традиций европейской цивилизации и т. п. Для других важнее прогрессивные идеи европейской цивилизации, которые они хотели бы реализовать в стране даже ценой отказа от государственной мощи. Обе идеи, по мнению автора, равно чужды русскому народу, обе отвергаются евразийством, для которого характерно, подчеркнем еще раз, отрицательное отношение именно к императорской России, в том числе к имперской идеологии, имперской политике и проч.¹¹.

---

⁹ Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме. С. 44.

¹⁰ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 76.

¹¹ Трубецкой Н.С. Мы и другие // Там же. С. 78–81.

Истинным национализмом для Н.С. Трубецкого является общевразийский национализм. Свою мысль ученый обосновывал так. До революции Россия была страной, хозяином которой был русский народ, «инородцы» были не хозяевами, но домо-чадцами. В годы революции и гражданской войны русский народ спас государственное единство, пожертвовав во имя этого своим статусом «хозяина». Нерусские народы приобрели, в свою очередь, статус, которого в империи они никогда не имели, а русский народ стал лишь первым среди равных. Н.С. Трубецкой, безусловно, считал, что те права, которыми наделены нерусские народы СССР, не могут быть отняты ни при каких обстоятельствах. Любые попытки отнять или умалить эти права вызовут ожесточенное сопротивление. Это стремление крайне сомнительно с моральной точки зрения и будет непопулярно, прежде всего среди русских, хотя и вызовет восторги у недоброжелателей России. Имперская Россия с доминирующим положением русских безвозвратно ушла в прошлое¹².

Настоящие геополитические реалии заставляют нас развить эту принципиальную мысль ученого следующим образом. На территории бывшего СССР возникли новые независимые государства, и только безусловное признание их международно-правового статуса соответствует представлениям об истинном патриотизме, понимаемом в духе Н.С. Трубецкого. Попытки русских почвенников восстановить империю на прежних началах отвратительны с моральных позиций и практически невозможны. Тот факт, что они называют себя евразийцами, оскорбителен и нелеп. «Крайний русский национализм» стал фактором антигосударственным, разлагающим государство, порождающим сепаратизм. Н.С. Трубецкой писал: «Крайний русский националист оказывается именно с государственной точки зрения сепаратистом и самостийником, подобным другим "национал-сепаратистам"»¹³. Эта мысль Н.С. Трубецкого особенно актуальна в современной России.

Соответственно, намерение современных коммунистов возродить СССР на основе коммунистической идеи и пролетар-

---

¹² Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Россия между Европой и Азией... С. 90–91.

¹³ Там же. С. 92.

ского интернационализма смотрится обратной стороной медали по отношению к идеям русских националистов, мечтающих возродить Российскую империю. Пролетарский интернационализм и крайний национализм смыкаются, как и все крайности, причем на почве отрицания сегодняшних реалий и отрицания евразийства по Н.С. Трубецкому.

Истинным национализмом народов, населяющих территорию бывшей Российской империи и бывшего СССР и располагающих сегодня суверенными государствами, может быть только евразийство – вот конечный вывод из построений Н.С. Трубецкого. При этом национализм каждого конкретного народа должен «комбинироваться» с общевразийским национализмом. «Каждый гражданин евразийского государства должен сознавать не только то, что он принадлежит к какому-то народу (или к такой-то разновидности такого-то народа), но и то, что самый этот народ принадлежит к евразийской нации. И национальная гордость этого гражданина должна находить удовлетворение как в том, так и в другом» – писал Н.С. Трубецкой¹⁴. Братство народов Евразии должно стать фактом не только подсознательного притяжения, но и фактом сознания, т. е. ясного понимания того, что в евразийском братстве народы связаны друг с другом «по общности своих исторических судеб». Отторжение народа от евразийского единства может быть осуществлено, по мысли Н.С. Трубецкого, только путем искусственного насилия и приведет к страданиям. Ученый полагал, что общевразийский патриотизм можно сформировать путем перевоспитания самосознания народов Евразии. С прозорливостью, близкой к гениальности, Н.С. Трубецкой писал: «Уже один тот факт, что все евразийские народы (а, кроме них, ни один народ в мире) вот уже сколько лет совместно переживают и изживают коммунистический режим, – уже один этот факт создает между всеми этими народами тысячу новых психологических и культурно-исторических связей и заставляет их всех ясно и реально ощущать общность их исторических судеб»¹⁵. Воистину, в 1927 г. евразиец Н.С. Трубецкой лучше и тоньше понимал геополитиче-

---

¹⁴ Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм. С. 96–97.

¹⁵ Там же. С. 98.

скую ситуацию, чем легион современных российских геополитиков. Ученый прав и в другом – осознание единства многонациональной евразийской нации заставляет совершенно по-новому выписать историю народов Евразии, в том числе и русского народа. Именно поэтому противники истинного евразийства так оскорбляются новейшими достижениями как казахстанской, так и российской историографии. (Мы не берем, разумеется, крайности в их развитии).

5. В конечном счете Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое – заявляли евразийцы. Любое отторжение любого народа от этой целостности возможно только искусственным путем и должно привести к страданиям. Принадлежность к братству народов Евразии должна стать существенным фактом народного сознания; эта принадлежность для каждого евразийского народа должна быть сильнее и ярче его принадлежности к любой другой группе народов по любому другому признаку (язык, религия и проч.). Если же такого самосознания единства многонациональной евразийской нации не произойдет, то «Россия – Евразия» рано или поздно начнет распадаться на части к величайшему несчастью и страданию всех.

6. В этом братстве евразийских народов, утверждал П.Н. Савицкий, нет противоположения «высших» и «низших» рас; взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивание, здесь легко просыпается воля к «общему делу». Эти традиции полностью восприняла Россия «в своем основном историческом деле»¹⁶.

Л.П. Карсавин дополнил рассуждения евразийцев о «многонациональной нации» учением об иерархии «соборных личностей»: индивидуальные личности – личности сословные – личности малороссийские, великорусские и др. – общерусская личность, – соборная всеевразийская личность¹⁷.

7. Евразийцы, во всяком случае, авторы сборника «Исход к Востоку», ясно отдавали себе отчет в том, что их построения зачастую лишены именно научной аргументации, доказательности; они даже готовы признать возможные определения своих

---

¹⁶ Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. С. 17.

¹⁷ Исход к Востоку. Философия Евразийства. М., 2008. С. 30.

оппонентов в собственный адрес – «безумцы». Они строят повествование в «субъективно-психологическом ключе», заявляют о своей категорической приверженности «последовательному индивидуализму» (выражаясь словами более привычными, евразийцы – апологеты личностного начала в истории). В политическом отношении для них, по крайней мере, в 1921 г., высшая правда – отвержение социализма, признание факта его материального и духовного убожества, «ужас и отвращение» «к бесчеловечности и мерзости большевизма», утверждение Церкви. Они «приветствуют тот факт, что эпоха науки» сменяется «эпохой веры», ибо, по их мнению, попытки разрешить научными средствами основные, конечные проблемы существования – «кошунственны и бессмысленны»¹⁸.

8. Основой методологии евразийцев, по мнению современных ученых С. Панарина и Д. Раевского, являются метафизический и эмпирический подходы, или описательные исследования методами географии, антропологии, археологии, этнографии, истории. Они дополняются «философией» (этнософией, историософией); и служат средством построения цельной системы идей, претендующей на практическое воплощение. Это приводило к тому, что увлечение внутренней логикой метафизических построений плохо увязывалось с наличными фактически данными, «с презренной эмпирикой»¹⁹.

Совокупность этих идей (т. е. евразийская идеология) трактовалась последующими поколениями исследователей весьма неоднозначно. Множество интерпретаций, различающихся не только нюансами, можно свести к некоторым основным позициям:

– Совокупность евразийских идей может восприниматься как проявление русского утопизма. Это означает, что евразийцы придумали и историческое прошлое, и историческое настоящее России, игнорируя всю совокупность накопленных в науке фактов, не обращая внимания на источники, уже введенные в научный оборот, не интересуясь их критикой и т. п. Красивая идея, рассуждали оппоненты евразийцев, но никак не связанная с

---

¹⁸ Исход к Востоку. Философия Евразийства. М., 2008. С. 34–35.

¹⁹ Евразия: люди и мифы. М., 2003. С. 13.

реальным прошлым. Идея, которая в силу этого, ничего не объясняет. Идеей невозможно руководствоваться и в будущем. Утопия, мечта, игра разума – вот сущность евразийских построений.

– Совокупность евразийских идей воспринималась как проявление русского национализма и даже великодержавного шовинизма, во многом из-за тезиса об исключительной роли православного вероисповедания и идеократического государства.

– Некоторые авторы находили основания для сближения евразийцев с большевизмом, а чуть позже – и с фашизмом. В данном случае во внимание принимался тот факт, что в политическом отношении многие евразийцы высказывались за создание евразийской партии (союза) в качестве единственной правящей партии. И еще: в литературе доказан устойчивый характер взаимодействий евразийцев с чекистской организацией «Трест», выдававшей себя за монархическую организацию в России. «Трест» влиял на евразийскую пропагандистскую работу, отправлял в Советскую Россию евразийскую литературу, организовывал конспиративные командировки евразийцев в СССР, что и вылилось в итоге в «советизацию» евразийских кружков²⁰.

– Нередко совокупность евразийских идей воспринималась как вариант авторитарного мышления, что подкреплялось идеей идеократического государства. К русской монархии, к русскому самодержавию евразийцы относились трепетно. Именно поэтому их иногда позиционируют как убежденных русских монархистов.

– Замечательный русский философ – эмигрант В.В. Зеньковский обратил внимание на последовательный, упертый антизападнический характер евразийства. В наши дни эта мысль подхвачена видным американским историком А.Л. Яновым. Сами евразийцы не стеснялись подчеркивать славянофильскую основу своих идей, хотя многое у славянофилов они не приняли (место и роль крестьянской общины, в частности). Представление о Западе как о чуждой и враждебной России силе и в прошлом, и в настоящем многие евразийцы положили в основу

---

²⁰ Никитенко Е.В. Евразийство 1920-х гг.: история противостояния и сравнительный анализ идеологии и деятельности пражского и парижского (кламарского) центров движения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011. С. 11.

своих научных разработок. Современные исследователи евразийства предпочитают рассуждать о варианте практической реализации антиглобалистской борьбы, предложенной евразийцами: сохранение национально-территориального единства страны, сплочение общества на идейной или вероисповедной основе, сильное государство, сильная власть и пр.

Евразийские идеи встретили не только поддержку, но и самую нелюбимую критику в эмигрантских кругах. С таковой выступили Н.А. Бердяев, А.А. Кизеветтер, Г.А. Ландау, Г.П. Струве, В.В. Зеньковский, В.С. Варшавский, И.В. Гессен и мн. др. Разумеется, критиковалась не только упомянутая выше совокупность идей, но и религиозные воззрения, сочетание духовного и материального начала, прежде всего применительно к культуре, литературно-публицистическую деятельность евразийцев, их толкование самоидентификации России, политический характер движения, фракционную борьбу внутри евразийства и пр.

Укажем на некоторые принципиальные моменты этой критики, процитировав выдержки из работ упомянутых авторов.

А.А. Кизеветтер: «"Евразийство" есть настроение, вообразившее себя системой»; «Европейская культура – вот враг, которому нужно объявлять борьбу во имя лучшего будущего России»; «В евразийстве настроение поглощается собой все. Ему принесены в жертву и последовательность мысли, и точность исторических ссылок и справок»; «...Все их новшества состояли в замене слова "Россия" книжно-лабораторным термином "Евразия"»; по мнению евразийцев, «в национальных культурах нет общечеловеческих элементов, человечество в своей культурной жизни разбито на взаимно чуждые культурные миры, нет и не может быть таких общекультурных ценностей, которые бы имели значение общечеловеческое»; «Не в развитии экономических и юридических начал, а лишь в религиозной области лежит ключ к разрешению проблемы человеческого счастья»; «Этой фантастической русско-татарской Евразии они присвояют миссию стать во главе всего внеевропейского мира против европейской культуры, тлетворной, насильнической и дышащей на ладан. А в противоположность этому гниющему европейскому западу (как давно, подумаешь, он уже гниет: еще наши деды,

если не прадеды, в 40-х гг. XIX в. твердили об этом гниении, а все никак сгнуть не может) Евразии предлагается и предрекается явить миру небывалую картину экономического прогресса под пятой патриархального деспотизма»²¹.

Н.А. Бердяев: «Евразийство носит явную печать индивидуальной религиозно-философской системы, которая без достаточных оснований выдается за православие»; «Своим этатизмом, своей мечтой о совершенной организации жизни через государство евразийцы порывают с традицией нашей национально-религиозной мысли, порывают с славянофилами и Достоевским, и, в сущности, как это ни страшно, вступают на путь европеизации и американизации России»; евразийство «есть настроение десятилетия, противопоставляющего себя всем остальным десятилетиям»; евразийство «должно освободиться от соблазнов утопии, от эксцессов этатизма, от вожденной диктатуры партии»²².

П.М. Бицилли: «Евразийская православная партия – внутренне-противоречивое понятие. "Православие" и "Евразия" – сферы несовпадающие»; евразийская программа «весьма несложна. Все остается, как оно есть сейчас, с той только – внешне ничтожной, по существу же колоссальной – разницей, что большевизм сменяют антибольшевики, слуг антихриста – слуги христовы»; «Евразийская теория в своих основах не нова. Это старое заблуждение, существующее с тех самых пор, как существует государство и церковь»; «Портретная галерея евразийских предков пестра, и Аксаковыми, Киреевскими и Хомяковыми далеко не исчерпывается. Из-за их благодушных и величавых ликов выглядывают в ней физиономии Магницкого и архимандрита Фотия, и зловещая маска Ленина»²³.

И.А. Ильин: «Всякая великая национальная культура – самобытна. Но тайна самобытности такова, что кто начнет ее нарочно искать, выдумывать, высиживать, расколупывать, сочинять для нее рецепты и стряпать ее по этим рецептам, – тот неизбежно впадет в самое жалкое оригинальничание. Ибо на этих путях духовная самобытность не создается, а утрачивается»; «Эти вызывающие парадоксы, это щеголяние заведомыми

---

²¹ Киззеветтер А.А. Евразийство // Мир России – Евразия. С. 315–328.

²² Бердяев Н.А. Утопический этатизм евразийцев // Там же. С. 329–335.

²³ Бицилли П.Н. Два лика евразийства // Там же. С. 335–349.

историческими искажениями и двусмысленными трюками, эта манера рисоваться своими вывертами, этот грубый схематизм, эта подчеркиваемая "бесстрашная" прямолинейность, этот географический материализм; все снижающий и упрощающий; и иногда – особенно у одного из этих мудрецов – явное подсмеивание над слушателем. Над самими собой (говорящими) и над всей "доктриной" в целом»; евразийский рецепт «совсем не противопоставляет русскую самобытность – заимствованию; нет, он противопоставляет одно заимствование и подражание, неодобряемое, другому заимствованию и подражанию, похвальному: долой пресмыкание перед западом! Да здравствует пресмыкание... перед востоком! Перестанем быть полунемцами, полуфранцузами. Станем подлинно русскими татарами!». Надо признать, «что для увлечения евразийством нужны два условия: склонность к умственным вывертам и крайне незначительный уровень образованности, уровень рабфака и комсомола»²⁴.

Г.Ф. Флоровский: «Судьба евразийства – история духовной неудачи. Нельзя замалчивать евразийскую правду. Но нужно сразу и прямо сказать, это – правда вопросов, неправда ответов, – правда проблем, а не решений»; у евразийцев «верные, беглые наблюдения разрослись в торопливый и мечтательный синтез»; «наивная доверчивость и органическая работа темных подсознательных сил соединяется в евразийском сознании с жутким, хотя и мечтательным упоением власти»²⁵.

Нетрудно заметить, что эта критика нередко приобретает характер полемики, в которой главное – не доказать свою правоту, а уязвить соперника, огульно охаять его аргументы. Сами критики евразийства также уязвимы для критических ответных стрел; очень редко в этой полемике используется научный аргумент. Критикуется, наконец, политическая доктрина евразийства, гораздо реже – ее историческое содержание.

На слабости многих построений евразийцев указывают и современные авторы, например, А.И. Уткин²⁶. Под его пером они сведены к следующим:

---

²⁴ Ильин И.А. Самобытность или оригинальность // Мир России – Евразия. С. 349–354.

²⁵ Флоровский Г.Ф. Евразийский соблазн // Там же. С. 357.

²⁶ Уткин А.И. Запад и Россия: история цивилизаций. М., 2000. С. 324–328.

1. Всемирная эксплуатация евразийцами того постулата, что Запад вступил в фазу упадка и перестал быть локомотивом исторического прогресса. Разумеется, что была реакция на мировую войну, шпенглеровскую концепцию «заката Европы», традиции русской исторической, философской и религиозной мысли. Но Запад довольно скоро вернул себе статус центра мирового развития, чего евразийцы не захотели увидеть, продолжая нарочито противопоставлять новациям и прогрессу Запада русскую самобытность.

2. Если Запад клонится к закату, то почему все-таки нужно избегать с ним контактов, особенно если они хотели видеть Россию его преемником. В итоге евразийцы явно переоценили потенциал русский и недооценили западный.

3. Евразийцы самым удручающим образом смешивали факторы и обстоятельства. Опираясь, например, термином «Евразия», они легко определяли его географические границы, но так и не смогли внятно определиться с соотношением европейских и азиатских начал (а возможно, и некоторых иных) в евразийском идеале. Они не смогли доказать, почему отношения России с Азией должны быть более интимными и теплыми, чем с Западом.

4. Евразийцы, утверждая, что Азия ближе России, никак не конкретизировали это свое утверждение. Но обойтись без этого невозможно. Скажем, какова будет роль православия и РПЦ в мире ислама и буддизма? Россия ведь должна стать евразийской империей и одновременно – православным царством. Как это возможно соотнести в теории и на практике?

5. Отрицая романо-германский мир, евразийцы исходят из его единства. Насколько это справедливо?

6. Евразийцы в качестве одного из своих истоков позиционируют славянофилов. Но последние выступали за единство России со славянами, а не Азией и, будучи гегельянцами, безусловно, признавали единую всемирно-историческую логику, в которую они желали бы вплести Россию. Но евразийцы придерживались противоположных позиций.

7. Евразийцы «проявляют излишнюю комплементарность» по отношению к степному господству на Руси.

8. Евразийцы «идеализированно изображают допетровскую Русь», что приводит к «самолюбованию» и «воспеванию

эпохи самоизоляции». (Оставим на совести автора утверждение, что Россия при первых Романовых находилась в «самоизоляции». Это вздорное утверждение, противоречащее твердо установленным фактам, нет нужды комментировать).

Критика А.И. Уткина евразийских воззрений типична для современных ученых: в тех или иных вариациях она сводится к упомянутым пунктам. Это означает, что современные авторы часто подходят к евразийскому феномену поверхностно, критикуя не сущностные начала, а лишь некоторые выводы из этих сущностей. Еще одним примером такой критики является брошюра А.В. Горбатова и Ю.И. Михайлова²⁷.

Считается, что применительно к евразийству в литературе и эмигрантской, и западной, и советской лучше всего изучены именно идейные составляющие – многочисленные исторические, историософские, культурологические, геополитические и иные концепции, предложенные евразийцами. Мы и сосредоточимся на изучении этих аспектов, оставляя в стороне проблемы, связанные с политизацией евразийства, причинами и предпосылками их раскола, фракционной борьбой внутри евразийства и проч.

Именно поэтому под евразийством мы будем понимать не столько общественно-политическое течение или общественно-политическое движение, возникшее в среде русской эмиграции в начале 1920-х гг.²⁸, но совокупность идей и научных теорий, характерных для этого движения, и главным образом в части истории великих степных цивилизаций. Научная составляющая евразийства – вот что ставится нами во главу угла, выступает предметом исследования.

Принципиально важно при этом различать собственно евразийские воззрения на русскую историю и воззрения тех авторов, которые изначально позиционировали себя как евразийцев, но на деле были чужды тем теоретическим основам евразийцев, о которых шла речь выше. Чтобы понять это, охарактеризуем, пусть и очень лапидарно, евразийское движение.

---

²⁷ Горбатов А.В., Михайлов Ю.И. Основные школы и концепции культурологии. Кемерово, 2000.

²⁸ Такого определения придерживаются, скажем, Л.В. Пономарева, Н.Ю. Степанов и некоторые другие авторы. См. подробнее: Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 3, 160.

Предпосылки его появления не сводимы только лишь к пролетарской революции, гражданской войне и иным послеоктябрьским реалиям. В литературе доминирует мнение, согласно которому зарождение евразийства, в том числе и его идейной составляющей, опосредованно рядом исторических, национальных и культурных факторов, которые вкупе с событиями политического характера (не последнюю роль сыграла Первая мировая война) кардинально изменили интеллектуальный и духовный фон, в контексте которого и кристаллизировались евразийские идеи.

В современной литературе разработана периодизация, выделены этапы становления и развития евразийства. Наиболее авторитетную периодизацию предложил С.С. Хоружий²⁹; его поддержали И.В. Вилента, В.Я. Пащенко, Е.В. Никитенко, М.Я. Рожанский, Р.А. Урхалов и многие другие.

Первый этап (1921–1925 гг.) характеризуется возникновением, становлением и подъемом евразийства. Начинается он изданием первого сборника «Исход к Востоку», а заканчивается акцией П.Н. Савицкого, поставившего вопрос о необходимости определиться: либо остаться группой ученых, занимающейся новыми ценностями русской культуры, либо трансформироваться в мощную организованную группу³⁰. На этом этапе и были найдены основные теоретические постулаты евразийства. На этом же этапе отошел от евразийства Г.В. Флоровский. Изначально он видел в евразийстве стремление духовно преодолеть трагедию русского народа и не желал принять то, как «торопливо» его товарищи пытались создать новое политическое направление, новую партию и т. п. Замечательному русскому богослову, кроме того, были не близки попытки выхолостить творческую и, главным образом, духовную составляющую русской культуры.

Второй этап укладывается во вторую половину 1920-х гг. Из Берлина и Восточной Европы центр евразийства перемещается в Париж, где возникает евразийское издательство во главе с П.Н. Сувчинским. На этом этапе к евразийству присоединились

---

²⁹ Хоружий С.С. Карсавин, евразийство и ВКП // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 78–87.

³⁰ Никитенко Е.В. Указ. соч. С. 14.

Н.Н. Алексеев, Л.П. Карсавин, Д.С. Святополк-Мирский, С.Я. Эфрон. Но в декабре 1928 г. с евразийством порывает Н.С. Трубецкой. Н.С. Трубецкой написал «Письмо в редакцию», датированное 31 декабря 1928 г., в котором сам объяснил причины своего ухода: «За последнее время окончательно обнаружилась невозможность примирения тех крупных идеологических разногласий, которые существуют в евразийской среде. Раскол стал фактом, который невозможно замалчивать. В частности, приходится отметить, что газета "Евразия" в вышедших до сих пор номерах отражала почти исключительно только одно из течений евразийства, при том течение, склонное к замене ортодоксально-евразийских идеологических положений элементами других, ничего общего с евразийством не имеющих учений (марксизм, федоровство)... Поэтому я заявляю о своем выходе из газеты "Евразия" и евразийской организации. От своих убеждений, высказанных мной в ряде статей за моей подписью... и в моих книгах "Европа и человечество" и "К проблеме русского самопознания" – от этих своих убеждений я не отказываюсь. Но нести ответственность за теперешнюю эволюцию евразийства я при создавшихся условиях не могу и не хочу»³¹. Выбор Трубецкого понятен. Он был прежде всего ученым, необходимость вести организационную и агитационную работу его тяготила. Сам Н.С. Трубецкой настаивал на необходимости развивать собственные евразийские теории права, экономики и проч., увязывать их между собой, приводить в систему, снимать внутренние противоречия, привлекать новых ценных работников, но не политиков, а ученых. Потеряв Н.С. Трубецкого, евразийство невероятно много потеряло в научном отношении.

Наконец, на третьем этапе, в 1930-е гг., евразийство затухает как политическое движение, а его незаурядные идеи уже не находят среди эмиграции ни интереса, ни сочувствия. Размежеванию евразийцев (так называемому кламарскому расколу) способствовало издание в Париже газеты «Евразия», авторы которой были предельно лояльны к СССР и коммунистической идеологии. Их совершенно не интересовали, скажем, религиозный вопрос или экономическая платформа евразийцев.

---

³¹ Трубецкой Н.С. Письмо в редакцию // Мир России – Евразия. С. 300–301.

С таким поворотом решительно не согласился П.Н. Савицкий и его сторонники, осевшие в Праге. 5 января 1929 г. П.Н. Савицкий написал статью «Газета Евразия не есть евразийский орган»³², весь пафос которой сводится к тому, что газета не просто не евразийский орган, а именно антиевразийский орган. Последовавшая затем советская операция «Трест» дискредитировала евразийцев окончательно.

Общая тенденция развития евразийства от напряженных духовных исканий и выработки идейных конструкций к политической организации, пропагандирующей большевистскую идеологию и успехи СССР, не может быть поставлена под сомнение. При этом научная концепция евразийства, скажем еще раз, оказалась невостребованной, пропадала втуне. Ее реанимация произошла в СССР благодаря трудам Л.Н. Гумилева.

Но прежде чем перейти к осмыслению его жизни и творчества, подчеркнем еще раз, что идейная, научная составляющая евразийства бытовала лишь в 1920-х гг. среди русских эмигрантов. Евразийский период в творчестве многих выдающихся ученых был очень короток. Они не были евразийцами, они ими стали в 1920-х гг., они перестали ими быть позже. Таков путь Бицилли, Флоровского, Трубецкого, Савицкого и др. Стало быть, только их творчество этих лет мы и будем считать евразийством³³. При желании мы легко найдем вполне евразийские построения в пятидесятилетие «от Севастополя до Порт-Артура», т. е. с 1856 г. по 1905 г. Россия, после Крымской войны утратившая европейскую гегемонию, переносит тяжесть своей внешней политики в обширный регион между Каспием и Тихим океаном, эпизодически возвращаясь к турецким войнам. По мнению современного ученого В.Л. Цымбурского, этот поворот русской

---

³² Мир России – Евразия. С. 304–312.

³³ Мы не можем согласиться с мнением, согласно которому евразийство возникло еще в XIX в., его крупнейшим теоретиком был Н. Данилевский, изложивший евразийский взгляд на историю в своей известной работе «Россия и Европа» (1862 г.), а в 1920-х гг. в среде русской эмиграции «началось новое развитие идей евразийства». Именно так толкует этот сюжет известный казахстанский историк Ж.А. Ермакбаев. См. подробнее: *Ермакбаев Ж.А. Теория этногенеза и евразийские идеи Л.Н. Гумилева в преподавании исторических дисциплин. Астана, 2003. С. 49.*

внешней политики вызвал среди русских мыслителей невиданное одобрение. Была реанимирована теория о «славяно-туранском» происхождении русских А. Мицкевича и Ф. Духинского, имевшая изначально русофобский заряд. А.И. Герцен заговорил о русских как о славянах, смешанных с чуждью и туранскими племенами, главное дело которых в Азии. Ему вторил Ф.М. Достоевский, трактуя Азию как главный исход в судьбе России, а К. Леонтьев призывал русских «славяно-туранцев» «стрясти романо-германских прах с наших азиатских подошв». Патриарх «пантюркизма» И. Гаспринский возвещал «русско-тюркское согласие», а В.С. Соловьев ласкал слух себе и читателям «панмонголизмом». Поздний славянофил В. Ламанский развивал доктрину трех миров, добавляя к Европе и Азии Россию – Срединный мир, противопоставляемый и Европе, и Азии³⁴.

Рассмотрим подробнее истоки евразийства, которые формировались как в оппозиционных, так и во вполне официальных идеологемах, существовали и в виде научных конструктов, и действенных колонизационных практик на азиатских окраинах Российской империи. Имманентное присутствие «предчувствий евразийства» в российском общественно-политическом дискурсе подтверждают его жизненность и обусловленность собственно российским пространством. Образы пространства, включавшие или исключавшие Россию из Европы или Азии, являлись субъективными и ценностными суждениями³⁵, но проходили проверку не только в интерпретациях и конструкциях ученых, политиков, публицистов, но и в реализации азиатского вектора российской политики, направленного на освоение, интеграцию «уже своего» или «еще чужого» Востока. Преемственность поколений российских интеллектуалов в начале XX в. еще не была окончательно разрушена и, хотя евразийцы были «порождением русского изгнаничества»³⁶, это не исключало слож-

---

³⁴ Цымбурский В.Л. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Евразия: люди и мифы. М., 2003. С. 22–23.

³⁵ Бассин М. Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 278.

³⁶ Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004. С. 17.

ных, многоуровневых и опосредованных связей с интеллектуальной средой позднеимперской России и Европы³⁷. Очевидно, что историю идеи о самобытном пути развития России, своеобразии и значимости географического пространства Евразии, синтезе европейских и азиатских элементов в русском этносе и культуре невозможно представлять в виде процесса последовательного и поступательного накопления (протоевразийских) компонентов, которые в сумме и дадут результирующую концепцию. Данное уравнение имеет слишком значительное число неизвестных, как объективных, так и субъективных слагаемых, упущение или допущение которых чревато неоправданными, а главное сложно опровергаемыми и доказуемыми связями. Стоит отметить, что формирование этих идей происходило в сложном по составу и характеру интеллектуальном пространстве позднеимперской России, включавшем академических ученых-теоретиков (историков, философов, филологов), общественно-политических деятелей и мыслителей (от консерваторов до радикальных демократов), а также имперских экспертов. На долю последних выпадала особая задача выбора и апробации на практике тех идеологем, которые были порождены кабинетными учеными, поэтами и философами. Направления и методы территориальной экспансии, колонизационные практики обеспечивались научной экспертизой, а результативность имперских мероприятий по освоению новых пространств, в свою очередь, отражалась в ретроспективных и перспективных оценках российской действительности. Евразийцы в статусе эмигрантов вряд ли могли себе позволить внедрять свои идеи в действительность, способствовать строительству новой Евразии. Однако они не соглашались с оценкой своих построений как утопических и, создавая евразийскую концепцию истории России, встраивали в нее оценки имперского прошлого, советского настоящего, перспективы евразийского будущего.

Европеизированная идеология XVIII в., подкрепленная научными изысканиями российских историков и географов, впер-

---

³⁷ Глебов С. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М., 2010; Белашанко А.В. Социокультурные концепции русского евразийства: зарождение и эволюция доктрины: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2005.

вые предложила российскому обществу восприятие азиатской части своей территории как «чужой», «дикой», «не-европейской». Усиливалось противопоставление внутренних европейских и азиатских территорий России сравнением с Европейскими империями и созданием нового, не только цивилизационного, но и этнокультурного деления территории на метрополию и колониальные владения³⁸. Эта позиция сохраниться на протяжении всего имперского периода, но она не останется единственной и однозначной.

Уже славянофилы, определяя самобытность России, прежде всего отказывались от чужой Европы, что и предопределяло их поиск своего Востока. Свое пространство они определяли не в узко национальном или этническом понимании, но в конфессиональном ключе, как единый православный славянский мир. Восток, соглашался Ю.Ф. Самарин с историком Д.А. Валуевым, – «это значит не Китай, не Исламизм, не Татары, а мир славяно-православный, нам единоплеменный и единоверный, вызванный к сознанию своего единства и своей силы явлением Русского государства»³⁹. Такое понимание не исключало азиатские окраины из своего пространства, напротив, оно определяло направление «ухода» от Европы, Романо-Германского или Католико-Протестантского мира. Отличие России от Европы виделось славянофилам и в государственном устройстве. Не только в исторической ретроспективе ссылались славянофилы на факт добровольного призвания власти, но и в перспективе видели те же основания – «добровольность, свобода и мир»⁴⁰. Принцип добровольного присоединения, а не насильственного завоевания и подчинения станет важной составляющей последующих предевразийских и собственно евразийских представлений о специфике русского и российского собирания земель и народов.

Идеальный Восток славянофилов как источник веры, как неевропейское прошлое еще был слабо связан с пространственными характеристиками, и поэтому «своя Азия» как настоящее

---

³⁸ Бассин М. Указ. соч. С. 278–279.

³⁹ Самарин Ю.Ф. О мнениях современника исторических и литературных // Сочинения Юрия Федоровича Самарина. М., 1877. Т. 1. С. 98.

⁴⁰ Аксаков К.С. Об основных началах русской истории // Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. М., 1861. Т. 1. С. 8.

и, возможно, будущее самобытной России будет четко сформулировано только у поздних славянофилов.

Панслависты, вслед за славянофилами, оспаривали отождествление России с Европой, но уже по-новому конструировали образ ее территории. Н.Я. Данилевский, опровергая идею географов XVIII в. о естественном разграничении Европы и Азии по Уральским горам, предлагал два очевидных вывода из этого заключения: не только западные окраины России не являются частью Европы, но и азиатские окраины – не вполне Азия. Пространство Российской империи выделяется им как особое политическое образование, исторический феномен, обусловленное наличием «естественно-географического региона». Объективное условие единства пространства являлось предпосылкой стихийных, естественных, постепенных, спокойных, беспрепятственных колонизационных процессов. Не территориальная экспансия по-европейски, а естественное продолжение «русского мира», историческое и этнографическое единство заселения соответствовало существенному физиографическому единству земельного массива, на котором оно возникло⁴¹. Эта позиция о естественности и предрасположенности России к территориальной экспансии для евразийцев также станет своего рода оправданием целостности имперского пространства.

Н.Я. Данилевский, аргументируя специфику России в ряду европейских держав ее размерами, этим же обосновал ее «экспансивную силу». Однако расширение пространства расселения русского народа имело характерные особенности. Это было именно свободное расселение, а не государственное завоевание. При этом не только пространство оправдывало экспансию, но и качество населения этих территорий. Признавая право каждой народности развивать собственные интересы («дорасти до собственной нации»), Данилевский предположил, что народности, присоединенные русским народом и на западе, и на востоке либо еще не сложились в исторические нации, либо уже потеряли свою национальную самостоятельность⁴².

---

⁴¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Романо-германскому. СПб., 1895. С. 523.

⁴² Там же. С. 23.

Неевропейский путь развития предполагал для России, по мнению Н.Я. Данилевского, укрепление политического патриотизма, крепость, цельность и единство государственного организма и обрусение окраин⁴³. Всё, за исключением обрусения, вполне вписывалось в евразийский сценарий. «Уподобительная сила Русского народа, претворяющая в свою плоть и кровь инородцев, с которыми приходит в соприкосновение»⁴⁴, будет принята евразийцами при условии, что русский народ следует рассматривать как часть евразийской общности (иногда даже евразийской расы). Вырывая русских из славянского мира, евразийцы перенесут их «ассимиляционный котел» нового евразийского народа.

У В.И. Ламанского меняются слагаемые и акценты в едином пространстве Евразии. Появление «Азийско-Европейского континента» свидетельствовало не только о трансформациях в восприятии географического образа пространства, но изменении исторических условий в поздней имперской России, с ее ориентацией и особой значимостью «восточного вектора», отражение российских успехов и просчетов уже почти 300-летнего движения на Восток, в результате которого Россия заполнила единое пространство «одной верой, одним языком, одной национальностью»⁴⁵. Свое пространство Азии («русская Азия» у М.И. Венюкова⁴⁶ и «Срединный мир» В.И. Ламанского; русская Евразия, северная Евразия, Средний мир Евразии у В.П. Семенова-Тянь-Шанского⁴⁷) не совпадало с границами потенциального «большого славянского мира» или уже реализованных собственно азиатских окраин. Противоречия между объективно (географически) своей Азией и чужим азиатским пространством снималось единством перспективы: «чисто азиатские земли» ста-

---

⁴³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Романо-германскому. СПб., 1895. С. 69.

⁴⁴ Там же. С. 532.

⁴⁵ Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. Пг., 1916. С. 19–20.

⁴⁶ Венюков М. Колонизация русской Азии // Венюков М. Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них. СПб., 1868. С. 413–431.

⁴⁷ Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Пг., 1915.

новились или должны были становиться «славянским миром». Большое российское пространство, объединившее внутреннюю Европу и русскую Азию, оправдывалось не только географическими условиями, но и этнологическим и историко-культурным сходством. Схожесть географических и климатических условий закреплялась постоянным притоком русских поселенцев, несущих свою веру и свое хозяйственное устройство, делая из Азии, Азиатскую Россию⁴⁸. Не по-евразийски панслависты отвергали ценность азиатских культур, признавая возможное слияние только на основе русской культуры. Азиатский компонент «Срединного мира» оценивался последовательно с европоцентристских позиций как отсталый, дикий, «лишенный практически всех надежд на независимое и суверенное будущее»⁴⁹. Единственной перспективой этих народов была Россия и ее «благородное владычество», несущее христианство и просвещение.

Национальные движения на западных окраинах, региональное (областническое) движение на востоке существенно скорректируют идею самобытного пути, он утрачивает однозначно славянские (и иногда) собственно национальные ограничители.

Обосновывая установки на имперскую экспансию, К.Н. Леонтьев отстаивал идею слияния России с Тураном, при этом полагая, что самобытную цивилизацию составляет не славянский мир, а Россия со всеми азиатскими владениями («славяно-азиатская цивилизация»). Началом процесса утверждения этой цивилизации – великого восточного монархически-православного союза во главе с Россией – должно было стать завоевание Константинополя, что, в свою очередь, привело бы к окончательному разрешению восточного вопроса. Как считал Леонтьев, Западу будет противостоять не славянская федерация, а Восток с греческим и азиатским элементами «под эгидой русского самодержавия». Византизм К.Н. Леонтьева предполагал трансляцию российской модели на окраинные, а также славянские территории, включавшую самодержавие и православное христианство. Он писал: «под его (византизма) знаменем, если мы будем ему верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск

---

⁴⁸ Ламанский В.И. Геополитика панславизма. М., 2010. С. 199–202.

⁴⁹ Там же. С. 15–16.

и целой интернациональной Европы, если бы она, разрушивши у себя все благородное, осмелилась когда-нибудь и нам предписать гниль и смрад своих новых законов о мелком земном всеблаженстве, о земной радикальной всепошлости!»⁵⁰. Спасать славян в Европе России нужно было от «европейства», в частности, от конституционализма («Не для того же русские орлы перелетали за Дунай и Балканы, чтобы сербы и болгары высиживали бы после на свободе куриные яйца мещанского европейства...»⁵¹). Именно угроза европеизации западных славян делала возможным и оправданным поворот России на Восток: для «достижения своей цивилизации русским выгоднее проникаться турецкими, индийскими, китайскими началами и охранять крепко все греко-византийское, чем любезничать с Ригерами, Наперстками, Смолками, Фитами»⁵². В отличие от жесткой критики азиатских народов предшественниками, К.Н. Леонтьев признает своеобразие и самобытность каждого народа и каждой культуры. Он допускает «кровное соединение с туранским» и любым другим элементом, не разрушающим религиозное и бытовое единство («разнообразие в единстве»).

Изменение ракурса наблюдения за российским пространством, а также новое видение перспектив имперского разнообразия (отход от универсалистских, европоцентристских концепций) во второй половине XIX в. было связано с новациями в российской академической среде, а также потребностями государства эпохи реформ. «Движители реформ» – просвещенные бюрократы были заинтересованы в использовании научных методов получения информации для эффективного управления государством. Возникновение Императорского русского географического общества, а позднее и переселенческих структур, активная деятельность военных топографов и статистиков создавали своеобразный передаточный механизм между имперскими властями и обществом⁵³. В деятельности этих структур

---

⁵⁰ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 104.

⁵¹ Там же. С. 356.

⁵² Там же. С. 452.

⁵³ Найт Н. Наука, империя и народность: Этнография в русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии последних лет. С. 155–198; Сыздыкова Е.С. Российские военные

особо четко прослеживается взаимовлияние имперского пространства, процессов нациостроительства на формирование научных знаний, официальной идеологии, выработку определенного политического курса на Дальнем Востоке, в Степном крае и Сибири вообще⁵⁴. Прежде всего это касалось своеобразия колониционных практик империи, в рамках которых отношение строителей империи – русского крестьянства и коренных народов – не были связаны исключительно с подчинением и эксплуатацией, но предполагали различные варианты разнонаправленной интеграции, ассимиляции. Также сложившиеся в европейской науке иерархии наций и народностей однозначно не вписывались в российский научный и официальный дискурс. Деление народов на развитых (цивилизованных) и отстающих (дикарей), причем с попаданием русских и славян в группу «догоняющих» делало более привлекательным «выстраивание своего понимания нации вокруг понятия «народность», через отличительные черты, уникальность и специфику»⁵⁵. Этнограф Н.Н. Надеждин предложил в качестве нового направления отечественной науки – изучение «самообразной бытности человечности», «совокупности отличительных черт, теней, оттенков»⁵⁶. Цель этих исследований в изучении народной идентичности (народности) через совокупность всех свойств наружных и внутренних, физических и духовных, умственных и нравственных, из которых складывается «национальная физиономия». Именно это направление своими исследованиями позволило более тщательно наполнить пространство «Срединного мира».

Уместно в этой связи будет упомянуть статистика, географа, геополитика В.П. Семенова-Тян-Шанского, которого вполне справедливо относят к непосредственным предшественникам

и Казахстан: социально-политическая и экономическая история Казахстана на XVIII–XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России). М., 2005.

⁵⁴ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX–XX вв. Омск, 2004; *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.

⁵⁵ Найт Н. Указ. соч. С. 187–188.

⁵⁶ Надеждин Н.Н. Об этнографическом изучении народности // Записки Русского географического общества. Кн. 2. СПб., 1848. С. 61.

евразийцев, предложившим «с определенным опережением» «важные компоненты» евразийского дискурса независимо от евразийцев-эмигрантов⁵⁷. Выделяя русскую Евразию, В.П. Семенов-Тянь-Шанский включал в нее Поволжье, Урал, Сибирь как уже колонизованные территории, но не ставшие при этом исключительно славянскими. Их этническое наполнение представлялось в виде смешения русско-славянского, тюркского и финно-угорского компонентов. Не заботясь о чистоте «славянской расы», русские легко и свободно смешивались с коренными народами, не только распространяя европейскую культуру, но и усваивая азиатские черты. Сохранение этого многообразия объяснялось особенностью восточно-славянской колонизации, «в душе всегда предпочитавшей мирное внедрение завоеванию», большей частью бессознательно стремившейся не к истреблению аборигенов азиатского происхождения, а к равноправному слиянию с ними⁵⁸.

Особому восприятию российского пространства как «срединного мира», наделенного чертами Востока и Запада способствовали работы русских историков и философов. Так, рассуждая на тему «Россия – Европа или Азия», В.О. Ключевский указывал: «Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем и Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой; но природа положила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии или в нее влекли Азию»⁵⁹. Философ В.С. Соловьев в статье «Мир Востока и Запада» писал: «Империя двуглавого орла есть мир Востока и Запада, разрешение этой вековой распри великих исторических сил в высшее всеобъемлющее единство. [...] Настоящая империя есть возвышение над культурно-политической однородностью Востока и Запада, настоящая империя не может быть ни исключительно восточною, ни исключительно западною державою». Свойства географиче-

---

⁵⁷ Селиверстов С.В. В.П. Семенов-Тянь-Шанский: становление евразийской интеллектуальной тенденции в начале XX в. // Вестник Омского университета. Вып. 3. 2011. С. 131–134.

⁵⁸ Семенов-Тянь-Шанский В.П. Указ. соч. С. 441.

⁵⁹ Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения. Т. 1. М., 1956. С. 47.

ского пространства предопределяли не только характер человеческого сообщества, сформированного этим пространством, но и политику империи, созданной им. Традиционное противопоставление внутри и внешнеполитического курса Российской империи колониальной и национальной политике европейских государств наполнялось в сочинениях мыслителей теократической, социально-политической лексикой. Национальная политика России, по В.С. Соловьеву, должна была соответствовать отличительным сторонам русского народного характера и носить «всепримиряющий» имперский и христианский характер⁶⁰. Осуждая насильственную унификацию в отношении рас и народов, бюрократически понимаемую русификацию, философ указывал на отступление от природных свойств империи, ее деградацию, утрату имперского сознания.

Профессор Николаевской академии Генерального штаба, один из теоретиков отечественной политической географии А.И. Макшеев, расставляя приоритеты, прямо писал: «Движение на Восток, составляющее одну из самых важных сторон исторической жизни русского народа, совершалось под влиянием условий географических, этнографических, экономических и политических»⁶¹. Географическое своеобразие обусловило формирование государства протяженного, а характер колонизационных мероприятий закреплял своеобразное (отличное от европейских империй) отношение к присоединяемым территориям и населению. «История колонизационного движения русских на Восток, – уточняет Макшеев, – не лишена, конечно, обычных в этом деле фактов несправедливости и насилия, но нигде не представляет презрения и ненависти к инородцам».

Эта же мысль последовательно аргументировалась в сочинениях русского путешественника и военного географа М.И. Веньюкова. Отношение русских к присоединяемым к империи народам носит кардинальные отличия от колониальных отношений европейских метрополий: «Туземные племена северной Азии не истребляются русскими, сливаются с ними; за сибирскими

---

⁶⁰ Соловьев В.С. Мир Востока и Запада // Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 604–605.

⁶¹ Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., 1890. С. 43.

дикарями русский человек не охотится с ружьем и собакой, как англичанин за маорисами в Новой Зеландии, он их не спаивает спиртом и не расстреливает из винтовки как североамериканец краснокожих индейцев, не обращает в рабочий скот, как те же американец, англичанин, испанец и португалец негров, не делает из них племен крепостных, обложенных барщиной, как голландец из малайцев Зондского архипелага. Религиозная нетерпимость совершенно чужда русским людям... Ни о какой племенной, ни о социальной вражде в разнородном населении Сибири нет и речи. Полное политическое спокойствие царствует на всем обширном пространстве от Урала до Тихого океана, несмотря даже на прилив туда стольких элементов беспорядка в лице ссыльных преступников. И в общегосударственном смысле северная Азия является не мятежною колонией, которая истощала бы свою метрополию усилиями на поддержание политических уз, а простым продолжением великой империи, политическое могущество которой только черпает в завоеванной стране новые силы»⁶².

Значимость именно Востока для спасения империи от ее «болезней роста», для возвращения ее на свой путь развития подчеркивал Ф.М. Достоевский. В «Дневнике писателя» 1881 г. он писал: нельзя забывать о том, что «русский не только европеец, но и азиат», обвинял общественность в том, что она считает, что «Россия до Урала, а дальше мы ничего знать не хотим», не желает интересоваться азиатскими делами, не сознает значение азиатского направления политики, обвиняя правительство в непроизводительных затратах. Она готова отдать Сибирь «на откуп жидам, американцам, англичанам», «продать по частям на сруб – уступить Китаю, напустить американцев», только бы «избавиться от этого хлама»⁶³. Восток возрождает, по мнению Достоевского, старую Русь и позволял строить свою империю, преодолевая европейские опасности: «...там наши богатства, там "у нас океан", там наше спасение от надвигающегося с Запада коммунизма»⁶⁴.

---

⁶² Венюков М.И. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб., 1877. С. 114–115.

⁶³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1984. Т. 27. С. 73, 78–79.

⁶⁴ Там же. С. 36–38.

Редкий для имперских экспертов интерес к христианизации азиатских окраин, к распространению православия для замены его гуманными началами «мусульманского изуверства, и, следовательно, к освобождению человеческой личности от поглощения ее узкими требованиями ислама» проявляли религиозные мыслители и представители русской православной церкви, особенно миссионеры⁶⁵. Православным иерархам на азиатских окраинах приходилось встраивать свои представления на конфессиональное многообразие сибирского населения в достаточно жесткую государственную иерархию (ценных, полезных, эффективных) колонизаторов. Сложность положения церковных деятелей была обусловлена необходимостью сохранять преданность государственным идеалам, поддерживать местную власть, но при этом не забывать и о собственных интересах, не всегда совпадающих с интересами светской власти.

Переходным звеном от славянофильских идей обособленности и превосходства славянского мира перед азиатскими народами и культурами к евразийской идее близости этих элементов парадоксальным образом становятся и представления сибирских областников⁶⁶. Последовательно доказывавшие обособ-

---

⁶⁵ Тихомиров Л.А. Христианские задачи России и Дальний Восток // Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии. М., 1999; *Его же*. Христианские задачи России и Дальний Восток // Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии. М., 1999; Суворова Н.Г. Православные миссионеры о степном колонизаторе (по материалам Омских Епархиальных ведомостей начала XX в.) // Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщ. VI Междунар. науч. кон. Омск, 2009. С. 70–74.

⁶⁶ О сибирских корнях областничества см. в статьях М.В. Шиловского и С.В. Селиверстова и др.: Шиловский М.В. Сибирские корни евразийства // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1: Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 102–111; *Его же*. Сибирские областники как предшественники евразийцев // Евразийство и Казахстан: тр. Евразийс. науч. форума. Астана: Изд-во ЕНУ, 2003. Т. 1. С. 25–29; Селиверстов С.В. Пути интеграции в евразийском регионе в 1917 г.: Г. Н. Потанин, А. Букейханов, М. Чокай // Азиатская Россия во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы региональной истории: сб. науч. ст., посвященный 60-летию профессора, доктора исторических наук А.П. Толочко. Омск, 2008. С. 162–171; *Его же*. Историко-цивилизационные представления Г.Д. Гребенщикова: Европа, Азия, Сибирь // Верхнее Прииртышье в XVII–XXI вв.: национально-государственное и этнокультурное взаимодействие: сб. науч. ст. Новосибирск, 2009. С. 130–145; *Его же*. Миссия «образованных туземцев»:

ленность сибирского пространства в географическом, экономическом, административном и антропологическом планах, они, тем не менее, ближе других оказывались к евразийским представлениям об азиатских народах, идее равенства культурных типов и праве каждого народа на свой путь развития. Учитывая активную и достаточно плодотворную деятельность областников, направленную не только на разработку своих идей, но и на их реализацию, вполне уместной будет характеристика областничества не только как предтечи евразийства, «частного проявления общеевразийской идеи», но и как вариант «практического евразийства».

Несомненным новаторством областников и возможным компонентом в евразийской теории стала разработка идеи о надэтнической территориальной идентичности сибиряка⁶⁷. Для обоснования особого сибирского характера и физического типа сибиряка областники использовали новейшие для своего времени научные достижения физической антропологии⁶⁸. Начав со щаповской идеи особой «сибиро-русской» народности, они до-

---

Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин на страницах «Томских губернских ведомостей» (середина 1860-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 68; *Его же*. Н.М. Ядринцев: особенности «западнической» тенденции в областничестве (середина 1860-х – начало 1890-х гг.) // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX вв.: сб. матер. Междунар. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 139–145; *Павлинская Л.Р.* Сибирь в контексте евразийской теории // Евразия: Этнос, ландшафт, культура. СПб., 2001. С. 20–83; *Михайлов Д.* Евразийство в национальном дискурсе Сибири // Вестник Российской нации. 2014. № 1; и др.

⁶⁷ *Ремнев А.В.* Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3 (62). С. 109–128; *Ремнев А.В., Жигунова М.А., Суворова Н.Г.* Сибирский ракурс региональной идентичности // Междисциплинарные исследования в отечественной этнографии/этнологии / отв. ред. Г.А. Комарова. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2012. С. 50–73; *Суворова Н.Г.* «Сибирская нация» в исторических конструкциях и административных практиках XIX в., или Как из крестьян делали сибиряков (по итогам совместного исследования с А.В. Ремневым) // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология и практики исследования: программа и тезисы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 219–221.

⁶⁸ *Могильнер М.* Homoimperiі: История физической антропологии в России (конец XIX – начало XX в.). М.: Новое литературное обозрение, 2008.

вели толкование «сибирскости» до своеобразного учения об образовании в Сибири под влиянием ряда факторов особого культурно-антропологического типа (и даже «сибирской расы») по образцу того, как это происходило в Америке. Поэтому они с таким вниманием фиксировали изменения в русском антропологическом типе и его этнографических чертах из-за смешанных браков и бытовых заимствований в пище, одежде, жилище и даже обрядах, появление специфических сибирских групп русских, таких как «гураны» или «карымы». Однако устойчивых метисных групп (тем более зафиксированных особым правовым статусом) в Сибири не сложилось, со временем они должны были сделать выбор и ассимилироваться в каком-то большом этносе, преимущественно в русском, который всегда оставался «открытым» через русскую культуру и православие⁶⁹. Расовое смешение областники приветствовали до тех пор, пока оно оставалось «повышающим», действующим «положительно» на «примитивное мирозерцание» инородцев и не «понижало» физические и культурные способности самих русских. Сближение русских с инородцами, подчеркивал Н.М. Ядринцев, оставаясь в рамках социальной теории эволюционизма, «может быть наиболее благоприятным для русской расы ввиду сохранения ее высоких расовых черт и способностей. В этом случае важен перевес качественный, кроме количественного в русском населении. Без сомнения, сила сохранения расовых и национальных черт обуславливалась высотой культуры, умственным развитием и теми средствами, которыми обладает население». Схожим образом оценивались и бытовые заимствования. Высокий статус «русской расы» в Сибири, по их убеждению, поможет сохранить просвещение и образование, направленное не только на детей, но и на взрослое население. Но по мере просвещения азиатских народов их культурное влияние на русских будет нарастать, поэтому так важно поддержать «русскость» в Сибири «постоянным обновлением и подкреплением высшей расы путем колонизации»⁷⁰.

---

⁶⁹ *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005.

⁷⁰ *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония [1882 г.] / под ред. С.Г. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. С. 57, 58.

Однако реально оценивая возможности русского колонизатора, областники вместе с прочими имперскими экспертами опасались за итоги высокой просвещенческой миссии⁷¹. Невысокий уровень «цивилизованности» русских переселенцев и старожилов, хотя и уменьшал дистанцию между ними и местными народами, воспринимался как фактор чреватый опасностью культурной деградации. Таким образом, переселение русских крестьян на окраины империи и новое иноязычное и иноверческое окружение становилось серьезной проверкой самих русских на их национальную устойчивость, приверженность к православию, а социокультурная адаптация могла привести не только к смене идентичности, но и утрате антропологических черт русского человека. С одной стороны, это работало на их концепцию «сибирского народа», а с другой – внушало опасение с «цивилизационной» точки зрения. Все громче раздавались голоса об угрозе самому русскому народу, который подвергается «отунгизиванию», «объякучиванию», «отатариванию», «обурячиванию», «окиргизиванию» и т. д.⁷².

Особенно много способствовали возбуждению этой фобии областники, которые в поисках этнографической и антропологической специфики сибиряков обратили пристальное внимание на отклонения в русском этнокультурном типе населения. Н.М. Ядринцев даже подготовил специальную исследовательскую программу, призывая тщательно собирать сведения и анализировать факторы воздействия инородцев на русских, особенно отмечая случаи физического и умственного понижения уровня последних. Его соратник по областническому движению Г.Н. Потанин пришел к выводу: «Обзор приведенных нами фактов заставляет сомневаться в существовании у русского народа ассимиляционной способности. Мы можем говорить только об ассимиляционной деятельности русского народа, интенсивность которой зависит от целого ряда условий, причем главным регу-

---

⁷¹ Ремнев А.В., Суворова Н.Г. «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные культуртрегеры» // *Ab Imperio*. 2008. № 2. С. 157–222.

⁷² Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // *Российская империя в зарубежной историографии*. С. 199–227.

лятором является культурное превосходство русских над инородцами, так как, где этого условия нет, русский элемент сам поддается инородческому влиянию и утрачивает свою национальность»⁷³. Много инородческих заимствований фиксировалось областниками в быту и языке сибиряка, что стало почти хрестоматийным, войдя в учебные издания и популярные книги⁷⁴. Фактически, наблюдая за трансформацией русского населения в Сибири, областники не только зафиксировали процессы формирования «сибирской нации» (предтеча «евразийской нации») на современном этапе, но и приняли активное участие в ее конструировании.

Прибывающие из Европейской России через два или три поколения «осибирячивались», усваивали те черты, которые казались многим наблюдателям отличными от истинно русских. Подобно англичанину, который превратился в янки, «русский преобразается в сибиряка»⁷⁵, имеющего даже свой особый антропологический тип и яркие этнографические особенности⁷⁶. На страницах газет и журналов Н.М. Ядринцев и его соратники доказывали, что в Сибири, как и в Америке или Австралии, нет аристократии и жестко разделенных сословий, все чувствуют себя равноправными. Правда, как и янки, сибиряк грубоват, недостаточно образован, но зато в нем развито чувство собственного достоинства и предприимчивости.

Особое место в ряду экспертов по вопросам колонизации азиатской России принадлежало Н.М. Ядринцеву – ученому, публицисту и чиновнику. И дело не только в его «оппозиционно-ссылном» прошлом (для Сибири это как раз типично), его уникальность заключалась в том, что он создал и сумел донести (обнародовать) и до общества, и до чиновников свои оригинальные

---

⁷³ Потанин Г.Н. Сибирские казаки // Живописная Россия. Западная Сибирь. СПб., 1884. Т. XI. С. 77–78.

⁷⁴ Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1902. С. 143–145.

⁷⁵ Петри Э. Сибирь как колония // Сибирский сборник. СПб., 1886. Кн. II. С. 93.

⁷⁶ Головачев П. Указ. соч. С. 143–145; Кузнецов В.К. Русские старожилы в Сибири и Средней Азии // Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. С. 185–187; Свержунова Н.В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб.: Питер, 2002.

и вполне аргументированные взгляды на колонизацию региона. Хотя в областнической историографии отмечается однозначный вклад в евразийское наследство Г.Н. Потанина, благодаря его исследованиям в области фольклора народов Центральной Азии⁷⁷. Однако позиции Н.М. Ядринцева по вопросу просвещения и перспектив развития сибирского региона не вполне оправданно определяют как «западнические».

Ядринцев действительно отстаивал необходимость для сибирского населения самых широких программ просвещения, понимая под ними не европеизацию, а прагматичное образование, подготовку специалистов для всех отраслей производства. Недостаток техников, учителей, врачей, чиновников виден во всех сферах труда и промышленности, а отсутствие интеллигенции («местного образованного слоя») влияет на умственный склад сибирского общества и его общественную жизнь. Отсутствие образования, невежество населения чревато для общества «дичанием, отступлением от культуры русского населения, понижением расы вследствие метизации, а также обыворочечением русского элемента»⁷⁸. Собственная сибирская интеллигенция, как и интеллигенция туземных народов, имела, с точки зрения областника, несомненные преимущества перед временной, приезжей («навозной»). Только наличие этого компонента делало жизнь общества сознательной, открывало перспективы «новой поры исторической жизни», означало становление местной науки, литературы, власти. Развитие гражданских чувств, бескорыстных стремлений и идеалов, сформулированных местной интеллигенцией (иначе, гуманизация общества) позволит разрушить «эгоистическую, сухую, черствую и грубоживотную» жизнь сибиряков. Важно, что просвещение у областников не рассматривалось как привилегия русского населения, напротив, каждая национальность желающая сохранить свою самостоятельность должна была пройти путь цивилизации. «При-

---

⁷⁷ Селиверстов С.В. Г.Н. Потанин: сибирское областничество между западничеством и евразийством (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. Вып. 300-1. 2007. С. 107–115; Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: Биографический очерк. Новосибирск, 2004.

⁷⁸ Ядринцев Н.М. История освоения Сибири. М., 2013. С. 455.

витие цивилизации» через строительство школ и распространения православия становилось залогом спасения инородческих племен от вымирания в настоящем и гарантом их развития в будущем. Просвещение и христианизация инородцев не предполагало, по мнению Ядринцева, использования ни в качестве методов, ни в виде результата русификацию. Напротив, русификация характеризовалась как «неумелый и грубый» бюрократический метод разрушения основ самобытной народности. Обрусевшие инородцы как «дурные элементы» туземного общества, эксплуататоры, взяточники противопоставлялись образованным инородцам, сохранившим любовь к собственному племени, его судьбе.

Показательным примером непосредственного влияния областнических взглядов на интеграционные процессы европейских и азиатских традиций в рамках сибирского пространства можно считать непосредственное участие областников в переселенческом деле, формировании колонизационных программ, а также презентации колонизационных проектов, критике их недостатков в прессе. В 1876 г. при Главном управлении Западной Сибири был создан специальный комитет «для обсуждения мер к водворению в степи русских поселений и определения количества земли, нужного киргизам для оседлости», членом-делопроизводителем которого стал приглашенный на службу Н.Г. Казнаковым Н.М. Ядринцев, только что вернувшийся в Омск из ссылки⁷⁹.

Областник, защищая интересы всего сибирского населения, подчеркивал необходимость сочетать интересы пришлых оседлых земледельцев и кочевых инородцев, хотя бы как равнозначных подданных. Принесение интересов инородцев в «жертву» земледельческой культуре в принципе признавалось возможным, но оправданием этому должны были быть преимущества, выгоды и благоденствие всего степного населения. Н.М. Ядринцев признавал за сибирскими инородцами право сохранения собственной культуры и хозяйства, а потому не видел необ-

---

⁷⁹ ИсаОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 13681. Л. 43. См. подробнее: *Ремнев А.В.* Н.Г. Казнаков и Н.М. Ядринцев (Из истории общественной жизни Сибири 70-х гг. XIX в.) // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск, 1992. С. 46–60.

ходимости в обязательной, принудительной седентаризации⁸⁰. Оседлость не рассматривалась им как однозначный критерий прогрессивности, тем более если она сопровождалась разорением людей. К сожалению, план Ядринцева постепенного просвещения инородцев с помощью школы и церкви, с сохранением культурного многообразия Сибири, проигрывал радикальным унификационным планам «чиновников-прожектеров», нацеленных на быстрый результат.

Идеолог областничества признавал необходимым «взросление киргизского населения», развитие его гражданских качеств, «пробуждение инородческого ума», допускал и позитивное воздействие русских переселенцев на аборигенов. Привлекая общественное внимание к этой проблеме на страницах «Восточного обозрения», Ядринцев осуждал не степную колонизацию, а ее бюрократическую реализацию. Кабинетные, «ташкентские» планы «цивилизаторов» в отношении «безответного» казахского общества, такие как насаждение лесов в степи, «приручение киргиз к земледелию» и обрусение казахов чрез насаждение русского языка критиковались именно за реализацию, искажающую и выхолащивающую достойные и правильные идеи⁸¹. Переход к оседлости и даже крещение не рассматривались областниками как однозначный прогресс аборигенов, особенно если это наносило экономический ущерб или способствовало умалению православия в глазах аборигенов. Средством их спасения, пробуждения духовных сил и залогом будущего существования инородцев, как и у русских, было только просвещение. В работах Н.М. Ядринцева под «колонизацией» понимаются различные практики освоения окраинных территорий: хозяйственные, административные, научные, культурные. Исходя из этого, само понятие «колония» не имело однозначных негативных коннотаций. Характерной чертой его колонизационных предложений является их последовательно просибирский характер, направленный на реализацию интересов не только территории в целом, но и всего ее населения.

Важно отметить, что взгляды областников на перспективы интеграции «своей Азии» были не чужды и определенной

---

⁸⁰ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 175.

⁸¹ Восточное обозрение. 1882. № 19. С. 2–8.

части местных администраторов. Чиновники не были изолированы от академической среды и благодаря образованию, а также активному сотрудничеству с учеными, общественными деятелями могли являться «носителями» аналогичных представлений. Во второй половине 60-х гг. XIX в., обсуждая перспективы присоединенных степных территорий, сибирская администрация в рамках Степных комиссий рассматривала альтернативные колонизационные проекты, наполненные как европоцентристскими, так и вполне евразийскими представлениями о новых азиатских участниках имперского строительства.

В записках, проектах и отчетах степных чиновников и научных экспертов, представленных западно-сибирскому генерал-губернатору Н.Г. Казнакову, были предложены альтернативные варианты интеграции территории казахских степей с опорой на русского крестьянина – земледельца, казака или «киргиза-пахаря». Выработка административного решения на высоком уровне опиралась на богатый фактический материал, представляемый чиновниками всех звеньев, а также обобщенные научные сведения и зарубежный колониальный опыт.

Имперские эксперты обосновывали необходимость и возможность активного проникновения русского элемента в степь тем, что наступил момент, когда «умиротворение» степи уже произошло, внешние границы империи отодвинуты к югу, поэтому в отношении казахов можно действовать более решительно. «Для распространения между киргизами *гражданственности*, – проявляя идеологический модерн, заключала комиссия, – сближения их с русскими и развитие производительных и промышленных сил страны, нельзя не признать полезным и необходимым водворение в степи русского населения, которое, принадлежа к *высшей расе*, будет иметь благодетельное влияние на быт народа и подготовит его к полному соединению с Россией. В этих видах колонизация русским населением киргизских степей, которые, вследствие последних завоеваний наших в Средней Азии, обратились во внутренние провинции империи, имеет важное значение для всего государства. Степная комиссия в 1865 г. пришла к выводу, что «прочное, крепкое прикование земель этих навсегда к России и постепенное органическое их

слияние с нею может быть единственной целью нашей администрации в среднеазиатских владениях»⁸².

Администраторы-практики выражали, как правило, не только более осторожную, но и более оправданную позицию, предлагая сохранение кочевого хозяйства и традиционное для пограничного степного пространства сотрудничество кочевников и земледельцев, а не вытеснение скотоводов. «Сделать киргиз оседлыми, значит убить скотоводство, чего вовсе нежелательно, тем более, что лишив кочевников этого источника благосостояния, мы ничего не можем дать им взамен. Более желательно было бы устройство в степи русских поселений; но и к этому Акмолинская область представляет мало удобств по отсутствию леса, а местами и пресной воды» – отмечал в своем отчете военный губернатор Акмолинской области В.С. Цытович⁸³. Такую же осторожную позицию занимал западно-сибирский генерал-губернатор А.О. Дюгамель, предлагая сохранять степь для кочевых племен⁸⁴. Отмечая близость и взаимное тяготение степной и земледельческой культур, генерал-губернатор Н.Г. Казнаков признавал необходимым допустить русскую колонизацию, чтобы усилить прогрессивное влияние оседлого хозяйства на кочевое. «...Доколе киргизы будут одиноко совершать в пустынных пространствах степей огромные орбиты своих кочевков вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию и будут числиться русскими только по переписям. Сопредельные с ними по линии казаки, по малочисленности своей, не принесли делу обрусения киргизов ощутительной пользы, но сами научились поголовно киргизскому наречию и переняли некоторые, впрочем, безвредные привычки кочевого народа. Осторожное водворение внутри самой степи, поныне еще неразрешенное, оседлого русского населения, без стеснения, однако, кочевков, частое общение русских с киргизами не на одной только пограничной линии, а на местах постоянных киргизских зимовок; наглядный ежедневный пример более удобной жизни, награды и поощрение киргизам, на-

---

⁸² По проекту положения Киргизской Степной комиссии об управлении киргизскими степями (1868 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 120. Л. 60.

⁸³ ИсаАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11285. Л. 369–370.

⁸⁴ Автобиография А.Ю. Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 7.

чинающим соединять кочевую с земледельческую жизнь, т. е. таким, которые кочуя летом, обсеменяют поля весною, а осенью собирают жатву и занимаются сенокошением, избавляющие от неминуемой гибели стада их в случае зимней гололедицы, представляет, мне кажется, свод единственных средств, могущих смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа, у которого в недавнем еще времени воровы и разбойники пользовались почетным именем барантачей» – писал в отчете Н.Г. Казнаков, ссылаясь на позицию историка Н.Н. Балкашина⁸⁵.

Как вспоминал позднее Г.Е. Катанаев, Казнаков «был убежденным сторонником колонизации степей русскими людьми и не верил в непригодность их для земледелия. Его возмущала почти полная земельная неиспользованность двух обширнейших степных областей, в то время как во многих губерниях внутренней России русские крестьяне задыхались от тесноты. «Не несут одной из самых тяжелейших повинностей – воинской и платят в казну всего по 3 рубля с кибитки в год за безграничное пользование землей. Где это видано?» – говаривал он, когда речь заходила о киргизах⁸⁶.

При таких обширных планах, Казнаков не мог смотреть на Акмолинскую и Семипалатинскую области «как безлюдные, сухие, безводные и неспособные к оседлой культуре приграничные [подчеркнуто Г.Е. Катанаевым] пространства»⁸⁷. Главной же задачей было не только упорядочение казахского землевладения, определение территорий кочевков и установление границ казахских волостей, но главное – внедрение в их среду русских поселений хотя бы по основным трактам, что создало бы полосы «русской территории, непреходимой для киргиз, мало считавшихся дотоле с тем, что “мое”, что “твое”»⁸⁸. «Взросление киргизского населения», развитие его гражданских качеств возможно и необходимо было ускорить через водворение в степи русских крестьянских поселений, а не на основе самобытной кочевой цивилизации. Самостоятельный переход кочевников к

---

⁸⁵ ИСАО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13200. Л. 370–371.

⁸⁶ Катанаев Г.Е. На заре сибирского самосознания. Воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска. Новосибирск, 2005. С. 98.

⁸⁷ Там же. С. 101.

⁸⁸ Там же. С. 99.

земледелию («медленная эволюция от "вечнокочующих" к "временнокочующим"»), кроме того, был затруднен социальным расстройством кочевого общества, поскольку богатым он был не выгоден. Не допуская русских переселенцев в степь и стимулируя процессы седентеризации кочевников и развитие у них земледелия (учреждением экономических центров, в виде образцовых ферм, практических земледельческих школ) государство тем самым создавало «заповедное для русских киргизско-мусульманское государство» – публицистически замечал Н.Н. Балкашин⁸⁹.

«Мягкий вариант» внедрения и ожидание развития земледелия, без стеснения кочевников, оправдывался интересами коренного населения, укрепляющего через обмен с земледельцами собственное благосостояние. Тем не менее степная колонизация не рассматривалась как «благотворительный акт» в пользу кочевого населения. Государство преследовало собственные цели в степи, в том числе укрепление торговых путей, поддержание спокойствия на окраинной территории, повышение доходности, многие из которых не противоречили и интересам кочевников. Но это могло отвечать и интересам местного населения, так как считалось, что «с водворением земледелия в степях, основное благосостояние киргизов, их скотоводство, упрочилось бы и тем более средств представилось бы для их эксплуатации»⁹⁰. Автор записки, не используя понятий «метрополия» и «колония», тем не менее предложил достаточно современное видение положения степной окраинной территории в составе империи. Цивилизация, просвещение, экономическое развитие предоставлялись даже не в обмен, а за счет «киргизских земских средств», поэтому исходя из возрастающих потребностей региона, должна была возрастать и его доходная часть. Империя становилась более прагматичной, активно включая в свою политику экономические мотивы и предлагая меры, повышающие ее эффективность. Законность эксплуатации включенных территорий, однако, не предполагала извлечение у населения средств выше казенных податей, например, на содержание казаков и чиновников, русских школ, городских садов. Развитие гражданственности и цивилизованности должно было постепенно уравни-

---

⁸⁹ Катанев Г.Е. Указ. соч. С. 38.

⁹⁰ ИсаОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Т. 1. Л. 39 об.

нивать и в правах, и в обязанностях коренных жителей степи и остальных верноподданных империи. Исключив возможность распространения на кочевников воинской повинности, исследователь полагал справедливым взамен ее увеличить кибиточную подать. Промежуточной, подготовительной ступенью к полноценным воинским обязанностям могло бы служить участие кочевников в конных иррегулярных ополчениях, в случае военных действий или беспорядков на соседних территориях⁹¹.

Поглощение степных окраин представлялось имперским идеологам как постепенное расширение национального русского ядра, так и как создание русских анклавов («островков русского мира») в стратегических зонах Русской Азии. С этого времени переселенческое движение становилось важной частью общественного и политического дискурса, придавая ему не только региональное, но и национальное измерение. Вместе с тем во взглядах имперских наблюдателей, теоретиков и практиков на крестьянское переселение никогда не существовало единства. Но при очевидной разнице в масштабах и целях теоретических концепций и объяснительных моделей, их объединяла схожая цивилизационная риторика и признание исключительной важности роли русского крестьянина в политическом, экономическом, социокультурном и ментальном расширении России. Предлагаемые идеологические формулы, уже не замыкались в служебных документах или научных трактатах, а тиражировались и пропагандировались журналами и газетами, становясь важным фактором формирования общественного мнения, стереотипизации исторического и географического смыслов крестьянского движения на восток.

Подобных высказываний легко можно сыскать любое требуемое количество; упомянутых авторов можно и должно толковать как предтечу евразийства, но ни в коем случае их идеи

---

⁹¹ А такая возможность активно обсуждалась в это же время: см.: Ремнев А.В. «Русская гражданственность», «обрусение» и имперская армия: к дискуссии о воинской повинности казахов в 70-х гг. XIX столетия // Азиатская Россия во второй половине XIX – начале XX в.... Омск, 2008. С. 117–141; Уяма Т. Взгляды царских генералов на кочевников и их воинственность (По поводу неосуществленного плана о формировании конной милиции в Туркестане) // Урбанизация и нomaдизм в Центральной Азии: история проблемы: матер. Междунар. конф. Алматы, 2004.

нельзя считать евразийскими. Таковыми их сделали в 1920-е гг. Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий и их коллеги. Это обязывает поставить вопрос о широких заимствованиях ими из творчества мыслителей второй половины XIX – начала XX в. Во всяком случае, последовательно понимать историю России вне европейских структур и проблем, трактовать специфику российского пространства евразийцы учились у своих предшественников.

С другой стороны, мы совершенно не готовы считать евразийскими труды многих современных авторов, несмотря на их декларативные заявления. Геополитические исследования А.Г. Дугина, которого некоторые исследователи в России и на Западе ассоциируют в части идей с наследием национал-социализма и фашизма (тот факт, что сам А.Г. Дугин позиционирует себя как евразийца, возглавляет ОПОД «Евразия», много занимается пропагандой своих политических взглядов, много публикует и публикуется, подготовил «Манифест современного евразийского движения» с характерным названием «Евразия превыше всего»⁹²), ничего не меняет в наших глазах, ибо он занят политикой и геополитикой, но не изучением научной составляющей евразийства). Мы не готовы относить к евразийству построения талантливейшего поэта Олжаса Сулейменова, утверждавшего казахское национальное чувство средствами литературного творчества. Мы не готовы считать евразийскими стремления тюркок-мусульман России к национальному, религиозному и культурному возрождению и т. п. Мы признаем, вслед за современным французским ученым Марлен Ларюэль, что евразийство – идеология изменчивых очертаний, допускающая противоречивые подходы, а люди, ее создающие, не сходятся ни в одной исходной посылке, за исключением одной – общего и одинакового для всех понимания России как империи и в ее прошлом, и в ее будущем⁹³, но если использовать термин очень строго, то остается лишь одна проблема – вправе ли мы считать теории Л.Н. Гумилева евразийскими? Всем прочим в праве позиционировать себя как евразийцев мы отказываем.

Итак, обратимся к творчеству Л.Н. Гумилева.

---

⁹² См. подробнее: Основы евразийства. М., 2002.

⁹³ Евразия: люди и мифы. С. 50–51.

Глава 2

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ А.Н. ГУМИЛЕВА

2.1. Основные вехи биографии А.Н. Гумилева

Существуют две научные биографии Л.Н. Гумилева. Одну из них подготовил его коллега, вместе с ним проработавший тридцать лет на географическом факультете ленинградского университета, – профессор С.Б. Лавров¹. Другая также написана ученым, доктором философских наук В.Н. Деминым. Она вышла в широко известной серии «Жизнь замечательных людей», что изначально предполагало ориентацию на массового читателя и известный оттенок популяризаторства². В литературных обзорах указывают еще и на книгу А.П. Карельской³, но для нас она оказалась недоступна.

Весьма часто ученые вводили сюжет о биографии Льва Николаевича, обращаясь к изучению более общих вопросов, подготавливая, например, учебные пособия. Примером такого рода работ может служить брошюра профессора Ж.А. Ермакбаева⁴.

Сам Л.Н. Гумилев оставил ряд автобиографических заметок, среди которых выделяются «Автобиография», «Автонекролог», «Воспоминания о родителях»⁵. Эпистолярное наследие ученого опубликовано, хотя и далеко не полностью⁶. Сохранились

---

¹ Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М., 2000.

² Демин В.Н. Лев Гумилев. М., 2007.

³ Карельская А.П. Л.Н. Гумилев. М.; Ростов на Дону, 2005.

⁴ Ермакбаев Ж.А. Теория этногенеза и евразийские идеи Л.Н. Гумилева в преподавании исторических дисциплин. Астана, 2003.

⁵ Лавров С.Б. Указ. соч. Приложения.

⁶ См., напр.: Гумилев Л.Н. Тридцать писем Васе (В.А. Абросову). 1949–1956 гг. // Мера. 1994. № 4; «И зачем нужно было столько лгать?» Письма

многочисленные его интервью журналистам различных изданий. Отечественная историческая литература располагает рядом сборников воспоминаний о Льве Николаевиче⁷. Культура публикаций очень высока. Укажем и на отдельные мемуары, пользующиеся заслуженным вниманием в науке, одним из героев которых является Л.Н. Гумилев⁸. Особое место в этом ряду занимают воспоминания Н.В. Гумилевой – вдовы ученого, размещенные на сайте «Гумилевика»⁹.

Все эти материалы легли в основу нашей справки о жизни выдающегося ученого.

25 апреля (8 мая) 1910 г. два крупных русских поэта – Н.С. Гумилев и А.А. Ахматова – обвенчались. По обыкновениям Серебряного века брак мало к чему обязывал супругов. Богемный образ жизни почитался единственно возможным. Тем не менее 18 сентября 1912 г. Анна Андреевна счастливо разрешилась от бремени сыном, названным в полном соответствии с семейной традицией Гумилевых Львом. Мальчик родился в Петербурге, но крестили его в Царском селе, где и обреталась семья. С началом Первой мировой войны Николай Степанович ушел добровольцем на фронт. Образ жизни Анны Андреевны изменился мало. Ребенка на свое попечение приняла бабушка, Анна Ивановна Гумилева, перевезшая мальчика в родовое имение Слепнево в Тверской губернии, близ г. Бежецка.

Родители маленького Льва официально развелись в 1918 г.; почти сразу они создали новые семьи, так что с сыном «звездные» родители виделись очень редко. Впрочем, Анна Андреевна хотя бы посылала свекрови, которую она очень любила и продолжала звать мамой, 25 рублей ежемесячно. Кроме бабушки, которую уже в зрелом возрасте Лев Николаевич величал «анге-

---

Льва Гумилева к Наталье Варбанец из лагеря. 1950–1956. СПб., 2005; Письма А.А. Ахматовой к Л.Н. Гумилевым // Звезда. 1994. № 4.

⁷ См., например: Вспоминая Л.Н. Гумилева. Воспоминания. Публикации. Исследования. СПб., 2003; Живя в чужих словах. Воспоминания о Л.Н. Гумилеве. СПб., 2006.

⁸ Чуковская Л.К. Воспоминания об Анне Ахматовой. Т. 1–3. М., 1997; Герштейн Э. Мемуары. М., 2002.

⁹ Сайт «Гумилевика»: URL: <http://gumilevica.kulichki.net/fund/fund32.htm>; Гумилев Н.В. Воспоминания // Лавров С.Б. Лев Гумилев...

лом доброты и доверчивости», воспитанием малыша занималась его вдовья тетка Александра Степановна Гумилева, в замужестве Сверчкова, учитель начальной школы. После расстрела 24 августа 1921 г. облыжно обвиненного в антисоветском заговоре Николая Степановича, все понимающая тетка хотела усыновить мальчика, чтобы дать ему свою фамилию и тем обеспечить будущее, но совсем еще юный Лев решительно отказался.

Жизнь в Бежецке была нелегкой – сын расстрелянного контрреволюционера довольно рано испытал это на себе. Ученический коллектив дружно проголосовал за лишение Льва Гумилева учебников как представителя паразитического класса. В своих многочисленных интервью, данных уже в зрелые годы, Лев Николаевич утверждал, что увлекся историей с шести лет, хотя этот предмет и был изъят из школьной программы. Учитель литературы и обществоведения А.М. Переслегин долгие годы руководил чтением мальчика, затем юноши. С 17-летним Львом учитель обсуждал творчество Канта, интуитивизм, этические и эстетические проблемы. Светлый образ наставника Гумилев пронес через всю жизнь. Сорок лет спустя, он писал старику-учителю нежнейшие, почтительнейшие благодарные письма. Вот пример такого письма от 30 июля 1968 г.: «Дорогой Учитель, милый Александр Михайлович! ... И то, и другое родилось из наших бесед, когда Вы уделяли глупому мальчишке столько времени и внимания. С 1928 г. моя мысль работала, будучи толкнута Вами. Сейчас я стар и в остром переутомлении от сверхнапряжений, но передо мной все чаще встают картины детства и Ваш светлый образ. Обнимаю Вас. Лева»¹⁰. Таковую же светлую память ученый сохранил и о Бежецке, называя его «Отчизной, если не Родиной».

Кстати, многие биографы Л.Н. Гумилева обычно негативно отзываются о тетке – А.С. Сверчковой, позиционируя ее как малоприятную, алчную и весьма неумную женщину. Авторы воспоминаний, напротив, чаще всего отзываются о ней как о добром, отзывчивом, благородном человеке. Она содержала старуху-мать и племянника, и все это на мизерную учительскую зар-

---

¹⁰ Живя в чужих словах. Воспоминания о Л.Н. Гумилеве. СПб., 2006. С. 29.

плату в 62 рубля при постоянном страхе. От тетки мальчик перенял стеснительность, «стародевичью стыдливость» – наглухо застёгивал воротник и рукава¹¹. Впрочем, сохранилось свидетельство В.К. Лукницкой, согласно которому А.А. Ахматова расстраивалась и грустила, «что такой эгоистичный и с такими мещанскими взглядами на жизнь человека, как А.С. Сверчкова, воспитывает Леву» и это может ему повредить. Мемуарист приводит примеры недостойного поведения Сверчковой. Та написала пьесу и намеревалась предложить ее ленинградскому ТЮЗу. Резюме В.К. Лукницкой: «Какое пустое и неприятное честолубие!». В другой раз Сверчкова заговорила о трудностях жизни в Бежецке – втроем на 62 рубля. Реплика мемуариста: «а тех 25 рублей, которые А.А. (Ахматова. – Ю.С., Н.С.) ежемесячно посылает, Сверчкова не хочет и считать». Конечный приговор, вынесенный ею А.С. Сверчковой: «лживая, лицемерная, тщеславная, глупая и корыстная женщина. Ее влияние, несомненно, исключительно вредно»¹². Пусть так, но воспитала, вырастила и выучила мальчика все-таки не великая мать, а скромная провинциальная тетка из заштатного Бежецка. Справедливости ради отметим, что журналист В.К. Лукницкая приводит не свое мнение, но свидетельства своего знаменитого мужа – П.Н. Лукницкого, автора широко известных книг «Труды и дни Н.С. Гумилева», «Встречи с Анной Ахматовой».

В 1929 г. Л.Н. Гумилев, так и не закончив в Бежецке школу, переезжает к матери в Фонтанный дом, где она жила со своим третьим мужем Н. Пуниным в гражданском браке. Здесь же обреталась его законная жена А.Е. Аренс с дочерью. Этот Пунин, по мнению С.Б. Лаврова, написал (и опубликовал) фактический донос на Н.С. Гумилева, послуживший одной из причин его расстрела¹³. Естественно, к его сыну он относился враждебно. Он даже отказывался кормить его обедом, на том основании, что не может кормить весь город. Жил Лев в конце неотапливаемого коридора, спал на сундуке, но школу закончил.

---

¹¹ Живя в чужих словах... С. 40.

¹² Лукницкая В.К. Любовник, рыцарь, летописец. Еще три сенсации из Серебряного века. СПб., 2005. С. 105–132.

¹³ Лавров С.Б. Указ. соч. С. 54–55.

Через биржу труда он устроился в геологический институт, чернорабочим уехал в экспедицию на Байкал искать слюду (лето 1931 г.), затем последовала экспедиция в Таджикистан, где Гумилев прожил 11 месяцев, что позволило ему заниматься вещами более интересными – археологией. Он участвовал в раскопках палеолитических стоянок в Крыму, затем в археологических экспедициях М.И. Артамонова, изучавшего Хазарский каганат. Благодаря любовной связи с Эммой Герштейн, служившей в Центральном бюро секции научных работников ВЦСПС, Гумилева приняли в профсоюз, что позволяло ему получить постоянную работу (до этого он как «лишенец» мог претендовать только на временную или сезонную). Нежное, хотя и горькое, ибо было безответным, чувство к Льву Николаевичу Эмма Герштейн пронесла через всю жизнь, что и отразилось в ее знаменитых мемуарах.

Осенью 1934 г. Гумилева приняли на исторический факультет ЛГУ. 1 декабря был убит С.М. Киров, на ленинградскую партийную организацию и ленинградцев обрушилась волна репрессий. Сам Гумилев писал по этому поводу: «...в Ленинграде началась какая-то фантасмагория подозрительности, доносов, клеветы и даже (не боюсь этого слова) провокаций»¹⁴. В обстановке тотальной бдительности студенческая группа потребовала его отчисления, а комсомольская ячейка истфака это и осуществила, выдав студенту Гумилеву характеристику, делающую невозможной обучение в вузе.

В августе 1935 г. последовал арест, по иронии судьбы вместе с Н.Н. Пуниным. Последовали знаменитые письма А.А. Ахматовой и Б.Л. Пастернака И.В. Сталину. В ноябре они были освобождены, а Гумилева даже восстановили на истфаке ЛГУ. Но уже в марте 1938 г., когда Гумилев учился на четвертом курсе, последовал новый арест. Приговор военного трибунала Ленинградского военного округа: лишение свободы с содержанием в исправительно-трудовом лагере сроком на десять лет, с поражением в политических правах и конфискацией личного имущества. Наказание отбывать назначено было на строительстве Беломорканала. Последовавшее затем «переследование» привело к изменению приговора: пять лет с отбыванием в Норильске.

---

¹⁴ Цит. по: Демин В.Н. Указ. соч. С. 54.

Этот пятилетний срок закончился 10 марта 1943 г. По тем правилам расконвоированный заключенный должен был оставаться на месте до окончания войны. Воспользовавшись случаем, Гумилев под угрозой самоубийства выхлопотал возможность отправиться добровольцем на фронт. С осени 1944 г. он в действующей армии, в зенитной части. Войну же закончил в Берлине, попутно описав боевой путь своего 1376 полка 31 дивизии Резерва Главного командования. Был представлен к снятию судимости, награжден двумя медалями.

Демобилизовавшись, Гумилев вернулся в Ленинград. Декан истфака профессор В.В. Мавродин не возражал против того, чтобы его бывший студент сдал экзамены за 4 и 5 курсы экстерном и защитил дипломную работу, что Гумилев успешно осуществил. Следом он поступил в аспирантуру Института востоковедения, работал в археологических экспедициях М.И. Артамонова. Грянувшее затем приснопамятное постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» привело к новому витку репрессий: из аспирантуры выгнали, диссертацию по истории первого тюркского каганата к защите не приняли, характеристику выдали соответствующую. Гумилев устроился библиотекарем в психиатрическую больницу, где и выслужил краткую, но положительную характеристику. Ректор университета А.А. Вознесенский защищаться на основе этой характеристики дозволил, но на работу в ЛГУ взять, конечно, не мог. 28 декабря 1948 г. диссертация была блестяще защищена, а молодой кандидат наук сделался старшим научным сотрудником государственного музея этнографии.

Не прошло и года после защиты, как 6 ноября 1949 г. по обвинению в антисоветской деятельности Гумилев был вновь арестован и приговорен к десяти годам исправительных трудовых лагерей. Наказание он начал отбывать в Караганде, затем сидел в Междуреченске и, наконец, в Омске. Однако времена становились другими, да и все-таки Омск не Таймыр. Даже находясь в заключении, Гумилев продолжал научные занятия – да не лежа под нарами и все храня в памяти, как на рубеже 1930–1940-х гг. Ему присылали книги, он работал библиотекарем, мог делать записи, которых накопилось довольно много. Вот как об этом пишет А.Ф. Савченко, инженер-строитель, семь

лет сидевший вместе с Гумилевым: «Ко времени нашего знакомства общая обстановка и условия жизни заключенных в лагере существенно изменились в лучшую сторону по сравнению с прошлыми годами. После прихода с работы и ужина у работяг еще оставались и время, и силы, и желание для разных личных дел, развлечений и, самое главное, для разговоров. Лагерь того времени был полон интересных людей...»¹⁵. Когда же «политических», т. е. осужденных по статье 58, отделили в лагере от уголовников – «жизнь в лагере стала относительно спокойной». Но и здоровье Гумилева стремительно ухудшалось – сказывались, конечно, и 14 (в общей сложности) лет лагерей, и возраст. Именно в лагере Гумилев получил инвалидность, что хотя бы освобождало от тяжелого физического труда.

Наконец, 11 мая 1956 г. Особая комиссия по реабилитации сняла все обвинения против Гумилева, и он получил свободу. Вернувшись в Ленинград, устроился дворником в Музей этнографии, а в декабре того же года – принят на работу в Эрмитаж, в отдел первобытного искусства. Тогда же он получил крохотную комнатку (12 м²) в конце Московского проспекта – первое собственное жилье в жизни, где он, наконец, мог спокойно писать, переплавляя сырые лагерные материалы в текст докторской диссертации, в текст монографии. Книга «Хунну» была опубликована в 1960 г. – первая монография 48-летнего ученого. В ноябре 1961 г. с некоторыми мытарствами Гумилев защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук и опубликовал ее текст в виде монографии «Древние тюрки» (1967 г.). По его собственному признанию он работал над текстом книги более тридцати лет, с 1935 г.

Новоиспеченного доктора наук пригласили на работу на географический факультет ЛГУ на должность старшего научного сотрудника в одну из университетских структур – Институт географии, официально называвшейся Научно-исследовательский географо-экономический институт (НИИГЭИ) при географическом факультете Ленинградского государственного университета. Много и охотно в это время Лев Николаевич сотруд-

---

¹⁵ Савченко А.Ф. Семь лет рядом со Львом Гумилевым // Живя в чужих словах. СПб., 2006. С. 157.

начал и с Всесоюзным географическим обществом, финансировавшим экспедиции и издававшим научные труды, даже возглавлял секцию этнографии Ленинградского отделения. Сам себя в это время Гумилев называл «доктором истории Востока»¹⁶.

5 марта 1966 г. скончалась А.А. Ахматова. И в литературе, и в мемуаристике доминирует мысль, что последние пять лет между матерью и сыном произошел тяжелый разлад. Лев Николаевич даже отказывался встречаться с матерью. После ее кончины он вынужден был включиться в борьбу (с бесконечными судебными тяжбами и заседаниями) за ее наследство и архив. И.Н. Пунина, дочь Н.Н. Пунина, хорошо зная о том, что все материалы должны быть переданы в Пушкинский дом, стала его потихонечку распродавать. Истец Гумилев дело против И.Н. Пуниной не выиграл.

В 55 лет Лев Николаевич счастливо женился, заслужив покой и тихое семейное счастье. Улучшились и бытовые условия – вновь комната в коммуналке, но уже в 30 м². Наталья Викторовна взяла на себя большую часть технической составляющей работы: научилась печатать на машинке, позднее освоила компьютер. Почти четверть века она печатала и обрабатывала рукописные тексты мужа – при норме три машинописных листа в день.

Уже в 1970 г. вышла в свет заключительная книга так называемой степной трилогии – «В поисках вымышленного царства». История гуннов, история тюрок, история монголов – трех величайших народов Великой степи – была наконец написана. «Степная трилогия» – книги, написанные ученым-историком, но не только для ученых-историков, по крайней мере, последняя. И по форме, и по стилю изложения материала, и по языку ее текст «выбивается» из привычного ряда научных публикаций, была сознательно лишена автором многих атрибутов научности, адресовалась массовому читателю. Автор предисловия к ней, авторитетный ученый-археолог, профессор С.И. Руденко особенно отметил научный метод, которым воспользовался автор. Он состоял в следующем: применение исторической дедукции к накопленному материалу, в отличие от общепринятой индукции. Сам Гумилев называл его «криминалистическим», а свою

---

¹⁶ Ардов М.В. Из воспоминаний // Живя в чужих словах. С. 216.

работу – «криминалистическим исследованием». Одновременно Гумилев участвует в написании коллективной монографии «Татаро-монголы в Азии и Европе».

Интерес к методологии вылился в написание фундаментального исследования «Этногенез и биосфера земли», ставшее трудом всей жизни ученого, венцом его научной карьеры, её главным стержнем. Впрочем, публикацию текста не разрешили, хотя и позволили депонировать рукопись в ВИНТИ, т. е. научной общественности она все-таки какое-то время была доступна. Книга вызвала яростные споры, в которых сам Гумилев принимал активнейшее участие. Трудно однозначно определить, с какой целью этот текст Гумилев трансформировал в диссертацию, на этот раз на соискание ученой степени доктора географических наук, которую он и попытался защитить в мае 1974. 19 членов совета из 21 были «за». Однако ВАК вынесла отрицательное заключение с любопытным обоснованием – «за хорошее знание истории»¹⁷.

В жизни ученого начиналась новая черная полоса. На него обрушилась волна критики, так сказать, разнокалиберной. С одной стороны, в ней активно участвовал академик Ю.В. Бромлей, директор академического Института этнографии, академик Б.А. Рыбаков, директор академического Института археологии, члены-корреспонденты АН СССР И.Р. Грегулевич, К.В. Чистов. С другой стороны, на «гумилевщину» обрушился писатель В.А. Чивилихин в своем романе-эссе «Память», за вторую часть которой он получил Государственную премию в 1982 г., вместе с ним – А.Г. Кузьмин, В.В. Каргалов. Обвинения, предъявляемые Гумилеву, очень скоро формализовались: биологизм, географический детерминизм, евразийство. Тогдашний редактор газеты «Советская Россия» по отделу культуры и литературы в своих мемуарах прямо указывает организатора – «незабываемый Отдел пропаганды и культуры ЦК КПСС»¹⁸.

Однако главную разгромную статью в журнале «Вопросы истории» публикует доктор исторических наук В.И. Козлов. После этого статьи Гумилева печатать перестают, равно и его от-

---

¹⁷ Демин В.Н. Указ. соч. С. 172.

¹⁸ Ларионов А.В. К нему склонялась Святая Русь // Живя в чужих словах. С. 428.

веты критикам; книга «Этногенез и биосфера Земли» последовательно изымалась из планов издательства Ленинградского университета, а затем из планов издательства «Наука». Правда, в это время Гумилев много работал как лектор. Его лекции пользуются невероятной популярностью. Он выезжает читать лекции в другие города, посетил, в частности, новосибирский Академгородок. Чуть позже запрет на публикации Гумилева наложит Президиум Академии наук. Если ранее Лев Николаевич мог печататься хотя бы в специализированных и ненаучных изданиях, например, в журнале «Декоративное искусство», то после постановления Президиума пропала и эта возможность. Наконец, в 1987 г. ВИНТИ перестает печатать и рассылать подписчикам копии текста «Этногенез и биосфера Земли».

При этом Гумилев становится все популярнее. Он много ездит по стране с лекциями, выступает в качестве научного консультанта на радио и телевидении. Эти публикации выступления тоже не всем нравятся: «Все это как-то легковесно, несолидно, этаким научный Аркадий Райкин, виртуоз на профессорской кафедре»¹⁹.

Времена, однако же, были другие – горбачевские, перестроечные. Имя Л.Н. Гумилева, пусть и в меньшей степени, чем имена А.Д. Сахарова и А.И. Солженицына, становятся символами перестройки. В 1987 г., после обращения Гумилева в Отдел науки и высших учебных заведений ЦК КПСС и запроса А.И. Лукьянова в Институт истории, запреты были сняты. В следующем году – 22 публикации, в издательстве ЛГУ выходит, наконец, «Этногенез и биосфера Земли» (1989 г.), еще через год – капитальная монография «Древняя Русь и Великая степь», отмеченная премией им. А.В. Луначарского; начинают публиковаться многочисленные интервью с ученым (первое – беседа с Э.Я. Варустиным в журнале «Аврора»²⁰).

Но в 1989 г. Л.Н. Гумилева поразил инсульт. Он еще борется, он еще обдумывает план новой книги, он еще успеет дожидаться сигнального экземпляра книги «От Руси до России» (в 1996 г. она будет рекомендована как факультативный учебник по истории для 8–11 классов). Но 15 июня 1992 г., как принято

---

¹⁹ Ардов М.В. Указ. соч. С. 226.

²⁰ Аврора. 1990. № 11.

писать в таких случаях, «после тяжелой продолжительной болезни» Л.Н. Гумилев скончался. Он похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. Перу Л.Н. Гумилева принадлежит более 200 статей, 14 монографий (включая, разумеется, и коллективные), а также эффектные лекции, записанные на радио и на телевидении, стихи, драмы, рассказы, многочисленные поэтические переводы.

2.2. Учение Л.Н. Гумилева об этносе. Пассионарная теория этногенеза

Л.Н. Гумилев, несмотря на сложнейшие жизненные коллизии, являлся весьма плодовитым автором, оставившим значительный след не только в исторической науке, но и в востоковедении, этнологии, географии. Его обширное научное наследие, включает ряд монографий и более 200 статей; при этом в ряде своих публикаций Лев Николаевич, ни мало не теряя в научности, выступил как талантливый популяризатор, пытавшийся (с переменным успехом) трансформировать свои научные достижения в факт обыденного сознания, сделать их общедоступными и общепринятыми. Позднее это отольется в особое мнение, согласно которому научное сообщество, во всяком случае, академическая наука, относилась к построениям Л.Н. Гумилева скептически и критически, а поддерживали его в околону научной среде. Иначе: популяризатор Гумилев гораздо выше ученого Гумилева.

Значительная часть научного наследия Л.Н. Гумилева остается малоизученной и по большому счету почти не введенной в научный оборот. Укажем на так называемые лагерные тетради, переписку, в том числе и с евразийцами, деловую переписку по поводу издания его монографии, отзывы и рецензии самого Гумилева на труды других ученых и рукописные отзывы и рецензии других ученых на труды Гумилева и пр. Все эти материалы наличествуют в его личном архиве, хранящемся в Музей-квартире Л.Н. Гумилева в Санкт-Петербурге, и изучались прежде всего А.В. Вороновичем²¹.

---

²¹ Воронович А.Н. Материалы личного архива Л.Н. Гумилева как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012.

Литература, посвященная жизни и научному творчеству Л.Н. Гумилева, чрезвычайно обширна: на начало 2012 г. А.Н. Вороновичем выявлено 795 публикаций²².

Современный петербургский исследователь предложил также периодизацию творчества Л.Н. Гумилева в контексте той историографической ситуации, которая складывалась вокруг его публикаций. Им выделено четыре периода.

1960-е гг., когда, по мнению А.Н. Вороновича, произошло становление Л.Н. Гумилева как ученого. Опубликованы основные его работы по кочевниковедению и первые статьи о пассионарной теории этногенеза. Недоброжелателями Гумилева высказано мнение, что только в эти годы творчество Гумилева являлось строго научным, он работал в «академическом русле исторической науки». Коллеги Льва Николаевича не остались равнодушными к его научным построениям. В отзывах на монографии «Хунну» и «Древние тюрки» многие востоковеды, особенно синологи, высказали ряд серьезных критических замечаний. Их раздражала вольность Гумилева в обращении с источниками, целый ряд неточностей и натяжек, произвольность гумилевских интерпретаций и т. п. С этих же позиций критиковали работы Л.Н. Гумилева по хазарской проблематике. Основная претензия – «неакадемичность». Появились и первые отклики на теорию пассионарности. Наряду с традицией хуления в эти же годы зародилась апологетика трудов Л.Н. Гумилева, представленная пока что положительными рецензиями на его публикации. От себя добавим, что относить становление Гумилева как ученого к 1960-м гг. нам представляется странным. В начале 1960-х гг. Льву Николаевичу исполнилось 50 лет; он уже был кандидатом исторических наук и очень скоро ВАК утвердит его докторскую диссертацию.

1970–1987 гг. Издание основных трудов Л.Н. Гумилева в рамках кочевниковедения, прежде всего в части взаимоотношений Древней Руси и Великой степи; публикация ряда статей по теории этногенеза; депонирование рукописи книги «Этногенез и биосфера Земли». В это время началось «блокирование» трудов ученого. Нормой становится критика его взглядов, бы-

---

²² Воронович А.Н. Указ. соч. С. 6.

ли определены и сформулированы основные претензии к научным построениям Льва Николаевича: антимарксизм, географический детерминизм, биологизаторство. Воронович отмечает любопытный феномен: число опубликованных работ самого Гумилева заметно сокращается, а число публикаций, ему посвященных, существенно возрастает. Разумеется, речь идет и о воспоминаниях, и о письмах, опубликованных в это время, в которых упоминался Лев Николаевич.

На первый план выходит обсуждение взглядов Л.Н. Гумилева на историю кочевых народов, прежде всего монголов. Они вызывали резкую критику, на фоне которой положительные оценки творчества ученого почти незаметны. В литературе отвергаются как общие построения ученого, его теории и их составляющие, так и конкретные наработки, например, вопросы датировки «Слова о полку Игореве». Однако наибольшее внимание вызвала серия статей Л.Н. Гумилева в журналах «Природа», «Вестник ЛГУ», связанных с теорией этноса и этногенезом, поданных автором в свете пассионарного подхода. Сам академик Ю.В. Бромлей, лидер советской этнографии, директор Института этнографии АН СССР, опубликовал несколько статей по поводу трудов Гумилева, открыв шлюзы дискуссии, в которой поучаствовали и противники, и сторонники Гумилева.

Отдельно принято выделять критику воззрений Гумилева, осуществленную писателем В.А. Чивилихиным в книге «Память»²³ и последовавшей за ней дискуссией, в ходе которой большинство участников солидаризировалось с позициями В.А. Чивилихина. Сие означает, что споры вокруг научных построений Гумилева заметно переросли границы собственно научной дискуссии, стали достоянием общественности, феноменом культурной жизни советского общества. В ход пошли не только научные аргументы, но и эмоционально окрашенные негативные построения, имевшие целью дискредитировать прежде всего автора, а уже потом его научные представления.

1987 – начало 1990-х гг. Стремительный рост популярности Л.Н. Гумилева в условиях горбачевской перестройки. Общество увидело в построениях ученого вожака альтер-

---

²³ Чивилихин В.А. Память // Наш современник. 1980. № 8–12.

нативу историческому официозу. Издаются и переиздаются его основные работы. Напечатана, наконец, «Этногенез и биосфера Земли». Сам Гумилев становится героем многих публицистических сочинений, широко публикуются интервью с ним, многие из которых скомпилированы интервьюерами. Критиковать самого Гумилева становится «не модным», тем не менее критика его научных построений не стихает, неприятие его научного наследия многими специалистами даже усиливается. Если критика взглядов Л.Н. Гумилева на историю хазар и тюрков еще укладывается в рамки представлений о научной дискуссии, то его изучение монголов и взаимоотношений Руси со степью продолжало оставаться объектом критики, ничего общего с наукой не имеющей. Также сурово разбирается пассионарная теория.

Наконец, четвертый этап творческой судьбы Л.Н. Гумилева Воронович начинает *после 1992 г.*, когда объектом изучения становятся как различные аспекты жизненного пути ученого, так и его научное наследие. Интерес к Гумилеву не спадает. Были изданы работы, приуроченные к различным юбилеям ученого, прошел ряд конференций, ему посвященных, с публикацией материалов²⁴. Издано несколько библиографических указателей: один из них составлен под редакцией А.Г. Каримуллина, другие составлены В.Л. Полушиным, Е.В. Бойковой, Ю.В. Зобниным и С.Л. Слободнюком²⁵.

Опубликовано значительное число воспоминаний об ученом, часть его эпистолярного наследия. Биографические справки о Л.Н. Гумилеве включались в словари и энциклопедические издания. Имя Гумилева подхватили авторы, также предпринимавшие попытки радикальной ревизии истории. Стало уже привычным сравнение идей Л.Н. Гумилева и А.Т. Фоменко.

---

²⁴ См., например: Л.Н. Гумилев – Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии: матер. конф. Т. 1–2. СПб., 2002.

²⁵ Лев Николаевич Гумилев: библиографический указатель / под ред. А.Г. Каримуллина. Казань, 1990; Зобнин Ю.В., Слободнюк С.Л. Дополнительные материалы к библиографии работ о Н.С. Гумилеве (1988–1990) // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиографии. СПб., 1994. С. 659; Полушин В.Л. Гумилевы. 1720–2000: Семейная хроника. Летопись жизни и творчества Н.С. Гумилева: XX столетие. Родословное древо. М., 2004; Бойкова Е.В. Библиография отечественных работ по монголоведению: 1946–2000 гг. М., 2005.

Наибольшие споры вызывала гумилевская теория пассионарности, обсуждаются построения ученого в части изучения степных цивилизаций. Общие труды по этнологии, этнопсихологии, геополитике не обходят стороной гумилевские воззрения. Современные авторы пытаются развить или опровергнуть отдельные составляющие теории пассионарности, разрабатываются концепции культуругенеза, обсуждается содержание ключевого понятия «этнос», рассматриваются вопросы этнопсихологии, особенно в части исторического развития и современного состояния русского этноса, при этом акцент делается то на биологической, то на космологической составляющей теории этногенеза. В рамках цивилизационного и формационного подходов ее непрерывно сравнивают с другими концепциями²⁶. Не так уж редко построения Л.Н. Гумилева используются при анализе сюжетов, для историков совершенно диковинных, например, коллективного бессознательного этноса²⁷. Авторы, доказывающие ошибочность построений Л.Н. Гумилева, по-прежнему не стесняются в выражениях. Так, В. Корниенко свою публикацию озаглавил «Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука»²⁸.

Наконец, концепцию Л.Н. Гумилева изучают политические деятели и в России, и за ее пределами, его именем назван университет, по сочинениям Льва Николаевича снимаются фильмы, ему посвящают стихи, он фигурирует как герой романов и пр.

Очень немногим ученым в исторической науке удавалось создать теорию, вызывающую такой неслыханный интерес. Остановимся на некоторых составляющих творческого наследия Л.Н. Гумилева, соглашаясь с мнением, высказанным в литературе, согласно которому «критически осмысливать концепцию

---

²⁶ См., например: *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации и судьба России (опыт метаисторического исследования). Ч. II. М., 2001; *Железнов Ю.Д., Абрамян Э.А., Новикова С.Т.* Человек в природе и обществе. Введение в эколого-философскую антропологию. М., 1998; *Уткин И.А.* Запад и Россия: история цивилизаций. М., 2000; *Мосионжик Л.А.* Технология исторического мифа. СПб., 2012; и мн. др.

²⁷ *Егоров Б.Е.* Российский клинический психоанализ – новая школа. М., 2002.

²⁸ Реальность этнических мифов. М., 2000. С. 34–52.

Гумилева очень сложно»²⁹. Спорить с Гумилевым о частностях, по мнению Д.С. Лихачева, не интересно. Профессор Р.Ф. Итс, написавший предисловие к ленинградскому изданию книги «Этногенез и биосфера Земли» (1990 г.) полагал, что о ней нельзя «писать ни в традиционном стиле, ни в стиле библиографо-критическом». Поверим сентенции Р. Киплинга:

«Расспрашивайте про меня

Лишь у моих же книг».

Чтобы понять теорию Гумилева, обратимся к трудам самого Гумилева, а не к сочинениям его многочисленных интерпретаторов, тем более, что сам Лев Николаевич позаботился о том, чтобы свои веские научные построения сделать всеобщим достоянием.

Свое мнение на этот счет Л.Н. Гумилев излагал первоначально в виде докладов на заседаниях Отдела этнографии Географического общества СССР, начиная с 1966 г. Они затем публиковались в специальном издании, некоторое так и называлось – «Доклады Географического общества СССР». Ряд этих докладов, последовательно дополнявших друг друга («О термине этнос», «Этнос как явление», «Этнос и категория времени») и последующие публикации в журналах «Природа» и «Вестник ЛГУ» позволили ученому апробировать свои идеи на этот счет и представить их в законченном виде в монографии «Этногенез и биосфера Земли». Позже, желая популяризировать свои выводы, автор адаптировал их для массового читателя в книге «Конец и вновь начало. Популярные лекции по народоведению». Еще позже Лев Николаевич написал оригинальную статью с грустным названием «Биография научной теории, или Автонекролог», в которой подвел итог своего творчества³⁰. Вполне понятно, что в этом случае оказалась опущенной вся историографическая составляющая, вся полемика с оппонентами, критика источников и проч., зато конечные выводы Гумилева стали более конкретными, определенными, без нюансов и полутонов. Так, собственно, и полагалось в популярных изданиях – опускать

---

²⁹ Можайскова И.В. Указ. соч. С. 367.

³⁰ Гумилев Л.Н. Биография научной теории, или Автонекролог // Знания. 1988. № 4. С. 202–216.

аргументы в пользу того или иного довода, ибо по слову самого Гумилева: «...все доказательства в науке действительны лишь при определенной степени эрудированности оппонента»³¹.

Популярно изложить фундаментальную научную теорию весьма непросто. Такие попытки в историографии уже предпринимались во множестве. В отечественной историографии называется число таких попыток. По некоторым данным, их более 150. Выполнены они с разной степенью успеха, ибо популяризаторство неизбежно предполагает упрощение, спрямление, отсутствие вариантов, ущербность аргументации и проч. Тут ничего поделывать нельзя – таковы законы жанра. Сам Л.Н. Гумилев, популяризируя свою теорию, не смог избежать этих неизбежных следствий популярного изложения.

Вот в чем, на наш взгляд, состоит квинтэссенция теории Л.Н. Гумилева.

Человечество как биологическая форма – единый вид с огромным количеством вариаций, распространившийся в постледниковый период от одной полярной области до другой. *Homo sapiens* при этом – существо не стадное, но и не индивидуальное. Он существует в коллективе. Природу этого коллектива можно, в зависимости от избранного аспекта, определять то как общество, то как народность (этнос). При этом каждый человек одновременно и член общества, и представитель народности (этноса). Оба эти понятия несоизмеримы, лежат в разных плоскостях, хотя и существуют одновременно подобно длине и весу, соотносятся как «зеленое» и «мокрое». Аксиомой для Гумилева является тот факт, что общественное развитие у человека никак не связано с его биологической организацией. Ни один человек не может существовать вне общества и вне народности, т. е. вне этнической принадлежности. Последняя зафиксирована в сознании индивида не абсолютно, а относительно. В родной Казани человек назовет себя татаринoм, но, приехав в США из России, он будет позиционироваться как русский. Чокан Валиханов в разные периоды своей жизни считал себя то русским, то казахом. Следовательно, этническая принадлежность по отношению к сознанию и психологии есть явле-

---

³¹ Цит. по: *Можайскова И.В.* Указ. соч. С. 366.

ние внешнее. Этнос, стало быть, – коллектив индивидов, противопоставляющий себя другим коллективам индивидов по какому-либо признаку. Каков же этот признак?

По мнению Гумилева, нет признака универсального, применимого к любому этносу в историческом времени. Язык, происхождение, материальная культура, идеология, религия, общность территории, единая политическая организация и проч. могут выступать ведущими признаками этноса, а могут, в других случаях, и не выступать. Гумилев исходит из того, что признак «мы такие-то, а вы все прочие – другие», встречающийся повсеместно, может выступать как ведущий признак этноса с большим основанием, чем любой другой. Но чем конкретно различаются этносы? Чтобы понять это, требуется изучить возникновение и исчезновение этносов, установить принципиальные различия этносов между собой и уяснить характер этнической преемственности. Совокупность трех этих проблем образует, по мнению Гумилева, проблему этногенеза.

Гумилев, по сути дела, отказывается отвечать на вопрос, когда появились этносы, полагая, что честнее признать свое незнание, чем строить гипотезы, не подкрепленные фактами. Он определяет хронологические рамки своих исследований в три тысячи лет: с XII до н. э. по XIX в. н. э. на том основании, что именно этот период порядочно изучен в науке и свободен и от аберрации дальности, и от аберрации близости.

Как методолог Л.Н. Гумилев стоит на философской платформе монизма, т. е. признает, что законы природы вечны, неизменны, едины и действуют на все живое, в том числе на человека. Применительно к исследовательской практике это означает, что наши знания на этот счет, полученные на основе изучения современного мира, будут истинными и по отношению к более ранним эпохам. Например, законы классической механики, сформулированные Ньютоном, на Земле действовали в любую эпоху. Ведущей методикой у Гумилева является методика «синхронистическая», позволяющая сочетать твердо установленные в науке факты в определенной последовательности, что позволит выявить новые связи между этими старыми, хорошо известными, общепринятыми фактами на основе «статистической вероятности и внутренней логики развития». Иначе:

историческое у Гумилева поверяется и дополняется логическим, и на этой основе делаются некоторые элементарные обобщения, которые в естественных науках почитаются столь же достоверным, что и факты.

Человечество, антропосфера, испытывает, по Гумилеву, целый ряд воздействий извне, изучаемых отдельными науками: общественное движение, скажем, историческим материализмом, физиология человека – биологией, языки – лингвистикой и т. п. Какая же наука наиболее эффективно позволит изучить этнос? – вопрошает Гумилев и сам же отвечает: совокупность трех наук: история, география (ландшафтоведение), биология (экология и генетика). Тогда этнос можно определить как специфическую форму существования вида *Homo sapiens*; а этногенез, по Гумилеву, есть локальный вариант внутривидовой эволюции, определяющийся сочетанием истории и ландшафта. Подобные построения Л.Н. Гумилева и трактовались его оппонентами как биологизаторство.

Реальный этнос и этноним (этническое наименование) далеко не одно и то же. Этнонимы «римляне», «тюрки», «татары» и др. свое содержание меняли очень заметно, и поэтому этноним не может быть признаком этноса, ибо отражает прежде всего традиции и стремления. Иначе: под одним этнонимом могут скрываться совершенно разные народы, именно поэтому этническое наименование не может быть признаком этноса.

Этническая целостность не совпадает ни с семьей, ни с общественной системой. Этнос, делает важнейший вывод Гумилев, – явление не социальное. Одновременно этнос – явление не биологическое, т. е. этнос не есть раса и этнос не есть популяция. В конечном счете, приходит к выводу Л.Н. Гумилев, в арсенале гуманитарных наук нет терминов, понятий, дефиниций, которые позволяют выявить содержание термина «этнос». Это не редкость в гуманитарных науках – термин может широко использоваться, но его содержание не определено (таковы термины «время», «сила», «ум», «зло» и мн. др.). Причины этого Гумилев видит в том, что наука резко отграничивает все, относящееся к человеку, от остальной природы, как живой, так и мертвой (единственное исключение – медицина). Но стоит лишь признать, что человеку, как и любому животному, свойственен ин-

стинкт размножения, стремление распространить свое потомство на максимально возможный ареал и способность приспосабливаться к окружающей среде (адаптация)³²; стоит только признать, что человек включен в биоценоз – общее целое, исторически, экологически и физиологически связанные общностью условий существования на основе «цепочки питания», а также любой и каждый биоценоз связан с определенным участком земной поверхности, как немедленно последует признание, что этническое деление человечества есть один из способов его адаптации к разнообразию земных ландшафтов, проявлявшемся не столько в структуре этносов, сколько в поведении.

Этнос, по Гумилеву, – в первую очередь явление географическое. Многообразие ландшафтов земли предполагает многообразие этносов. Структура этноса, в свою очередь, воспринимается как этническая целостность и также зависит от ландшафта. При этом каждый этнос имеет свою неповторимую структуру, в основе которой могут лежать роды, фратрии, племена, консорции, конвиксии и проч. Разрушение структуры, т. е. утрата этнической целостности, приводит к инерции бытия этноса, т. е. размыванию традиции. Когда же иссякает и вид, этнос перестает существовать.

Строго говоря, в таких построениях Гумилева нет ничего нового или оригинального. Это охотно признает и сам исследователь, едва ли не в каждой своей работе цитируя Аристотеля. Последний полагал, что этнос – «это не сводимая ни на что другое особенность, делающая предмет тем, что он есть»³³. Именно поэтому термин «этнос» не может быть категорией спекулятивной философии, ибо дан нам в ощущениях как свет, тепло, цвет, вкус и т. п. Стало быть, и изучаться он должен как природное явление, в отличие от формаций, цивилизаций, культурно-хозяйственных типов, культуры, религии, государства и проч.

В истории зафиксировано немало случаев, когда человек менял свою этническую принадлежность и делал это сознатель-

---

³² В книге «Мои университеты» А.М. Горький писал, что людям нужен кусок хлеба, крыша над головой и женщина. Гумилеву это кажется правильным.

³³ Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М., 1993. С. 59.

но, по своему произволу. Когда уроженец Франции или Италии поступал на службу к султану, он становился турком, а европейцы придумали для таких людей специальный термин – «ренегат». Что изменилось в ренегате? Очевидно, что ни анатомия, ни физиология, ни генофонд и проч. Изменяется стереотип поведения, связанный с принятием ислама, инкорпорацией в новый коллектив и т. п. Ренегат порывал с прошлым, чтобы включиться в новый коллектив, т. е. совершал акт приспособления к новой среде, адаптировался к ней. Процесс же индивидуальной адаптации (факт твердо доказан) связан прежде всего с поведением, проявлялся через поведение. По классическому определению поведение есть совокупность реальных действий, внешнее проявление жизнедеятельности. В более узкой трактовке поведение есть соблюдение человеком общепринятых правил взаимоотношений и выполнение определенных форм действий³⁴. Человек ведет себя иначе, адаптируясь к новой среде, как следствие, неизбежно, по мнению Гумилева, будет меняться этнос, к которому он принадлежит. Итак, этническая принадлежность реализуется через поведение. Разные этносы в одинаковых ситуациях ведут себя по-разному.

Человек – часть биосферы и, подобно всему живому, чтобы существовать, должен черпать энергию. На Земле три основных, естественно существующих ее вида: энергия солнечная, энергия распада внутри Земли (хтоническая), энергия космическая, но не солнечная, пришедшая из глубин галактики. Последняя приходит редко, неритмично и изучена менее всего. Но раз человек не существует вне этноса, то эта энергия питает не только индивид, но и этнос.

Тоньше понять это явление помогает систематический подход, который Гумилев заимствует у американского биолога Лео фон Берталанфи. Американец, будучи биологом, попытался исследовать ключевое для биологии понятие «вид», трактуя его как «открытую систему» – внимание обращается не на отдельные элементы, составляющие эту систему, а на связи между ними. Системы могут быть открытыми, закрытыми, жесткими, корпускулярными (при которой элементы не связаны

---

³⁴ См. подробнее: Российская педагогическая энциклопедия. Т. 2. М., 1991. С. 156.

между собой, но нуждаются друг в друге). Культура, например, может быть описана как система жесткая и замкнутая, семья – как система корпускулярная и т. п. Этнос и толкуется Л.Н. Гумилевым как особого рода закрытая система.

Итак, этнос есть биофизическая реальность, порожденная кормящим ландшафтом, всегда существующая в определенной социальной оболочке. Они (реальность и оболочка) существуют неразрывно; форма не должна противопоставляться содержанию. Иначе: спор о том, доминируют ли в этносе социальные начала, для Гумилева беспредметен, как спор о том, что такое яйцо – белок или скорлупа. Когда академик Ю.В. Бромлей, доказывая, что социальные факторы вкупе с этническим самосознанием и образуют этнос, он, по мнению Гумилева, тщился доказать, что реальное бытие этноса определяется его сознанием, что в конечном смысле нарушает закон сохранения энергии, ибо этногенез есть процесс, протекающий в вульгарной физической работе (войны, строительство, освоение новых территорий и проч.). Для работы нужна энергия, измеряемая в калориях, киловаттах, килограммах и проч.

Какова же природа этой энергии? В.И. Вернадский в капитальной монографии «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», описал ее как геобиохимическую энергию живого вещества биосферы. Это та самая энергия, которая получена от солнца и из космоса растениями посредством фотосинтеза и затем усваивается животными и человеком через пищу. Эта энергия разнонаправлена, взаимно гасится различными системами. Но она реально существует, переходит в другие виды энергии, имеет энергетический эквивалент и проч. Эта энергия по-разному сказывается на биологических особях, человеческих индивидах в том числе.

Она влияет также и на поведение. А ведь «в основе этнического деления лежит разница в поведении особей, составляющих этнос»³⁵. Если это так, то геобиохимическая энергия живого вещества биосферы Земли, по Гумилеву, лежит в основе процесса этногенеза.

---

³⁵ Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. Популярные лекции по народоведению. М., 2001. С. 47.

Сам механизм описывается Гумилевым следующим образом. Геобиохимическая энергия живого вещества биосферы распределяется по земному шару неравномерно, что немедленно должно отразиться на поведении этносов и отдельных индивидов в различные эпохи и в разных регионах. Эффект, производимый вариациями этой энергии, описан Гумилевым как особое свойство характера людей и назван пассионарностью – от латинского *passio* – страсть. По своей сути она противоположна инстинкту; потому исследователь иногда толкует пассионарность как антиинстинкт. Люди, обладавшие пассионарностью – пассионарии, в жизни поступают иначе, чем предписывает им инстинкт и часто заменяющий его здравый смысл. Пассионарность реализуется как непреодолимое внутреннее стремление (часто неосознанное) к деятельности, имеющей вполне осознанную, сознательно избранную цель. Какова это цель – совершенно не важно. Чаще всего она иллюзорна. Пассионарию достижение цели принципиально важно; важнее жизни, не только своей – по русской пословице «своя головошка – полушка, чужая шейка – копейка».

Пассионарность, таким образом, есть черта психологической организации человека, в основе которой врожденная способность абсорбировать из внешней среды энергии больше, чем требуется для самосохранения. Излишек этой энергии трансформируется в целенаправленную работу. Понятно, что интеллектуальная активность также требует затрат энергии, как и активность физическая, но в отличие от последней ее труднее зафиксировать, особенно применительно к историческому прошлому.

Механизм связи между пассионарностью и поведением очень прост. Обычно у людей, как и у живых организмов, энергии столько, сколько необходимо для поддержания жизни. Если же организм человека способен «вобрать» энергии из окружающей среды больше, чем необходимо, то человек по-особенному формирует отношения с другими людьми и связи, которые позволяют применить эту энергию в любом из выбранных направлений. Возможно создание новой религиозной системы или научной теории, строительство пирамиды или Эйфелевой башни и т. п. При этом пассионарии выступают не только как непосредственные исполнители, но и как организаторы. Вкла-

дывая свою энергию в организацию и управление своими современниками на всех уровнях социальной иерархии, они, хотя и с трудом, вырабатывают новые стереотипы поведения, новую этническую систему, новый этнос, видимый для истории.

Очевидно, считал Л.Н. Гумилев, пассионарий с его энергоизбыточной психологической конструкцией оказывается способным активно влиять на поведение и психологическое состояние окружающих его людей. Эту способность Гумилев называет пассионарной индукцией. Пассионарий увлекает своим примером, навязывает окружающим свои психологические установки, а главное – свою цель. Повышенная активность и энтузиазм от пассионария легко передается его окружению; не являясь пассионариями, люди начинают вести себя как пассионарии. Соответственно, отдаляясь от пассионария, они довольно быстро возвращаются к прежнему разумному трезвому суждению, становятся «гармоничными» людьми. Пассионарная индукция проявляется именно при личных контактах; это особенно заметно в условиях войны.

Л.Н. Гумилев на целом ряде исторических фактов установил, что пассионарная индукция эффективнее всего действует, если пассионарий и «гармоничные» люди принадлежат одному этносу. Пассионарная индукция и позволяет этносу действовать как единое целое. Этот феномен единства этносов ученый объясняет, вводя понятие «пассионарное поле», или «поле в этнологии». Проявление пассионарной индукции как раз и регулируется пассионарным полем – своеобразным ареалом действия пассионария, которая не может, конечно, обнимать весь мир и все человечество.

Пассионарное поле тесно увязывается Л.Н. Гумилевым с феноменом «комплементарности», т. е. подсознательного ощущения этнической близости или чуждости. Пассионарное поле, как и любое другое биологическое поле (факт их существования – аксиома в естествознании), колеблется, и ритм его колебаний, по Гумилеву, может порождать как чувство близости, так и чувство, близкое к антипатии. Жизнь в ритмах чуждого поля и порождает ностальгию – отнюдь не тоску по березкам, но стремление вернуться в среду со своими, родными колебаниями этнического поля. Этническое поле может и расколоть-

ся, если на месте единого ритма, единой привычной частоты колебаний, появляется несколько новых ритмов, определяющих новые стереотипы поведения, резко расходящихся с прежними, что порождает потерю прежней комплементарности и созданию на ее месте новой.

Итак, пассионарность определяет способность этнических коллективов совершать работу, наблюдаемую историками. Она чаще всего толкуется в исторической науке посредством термина «активность» – миграционная, военная, экономическая, природопреобразовательная и любая другая. По Гумилеву, эта активность определяется количеством энергии в этносе, т. е. количеством пассионариев, их долей по сравнению с долей гармоничных людей. Чем она выше, тем большей будет активность этноса. Пассионарность, следовательно, имеет энергетическую природу и означает, помимо прочего, способность индивида – пассионария или целого этноса совершать работу во имя достижения цели, что требует длительного эмоционального, физического, интеллектуального, волевого напряжения. Будучи монистом, т. е. признавая, что законы природы распространяются и на биологический вид *Homo sapiens*, Гумилев и ассоциирует энергию, потребную для этой колоссальной по масштабам работы, с геобиохимической энергией живого вещества Земли, открытой В.И. Вернадским. Эти всплески целенаправленной активности этносов, проявлявшейся всегда в виде осмысленной, социально значимой деятельности, обозначаются Гумилевым как пассионарный толчок.

Пассионарность отдельного индивида никак не связана ни с его местом в социальной структуре данного общества, ни со способностями или талантами. Она вне этических и моральных оценок, как цунами или наводнение. Она одинаково легко порождает подвиги и преступления, добро и зло, созидание и разрушение. Пассионарность исключает только равнодушие и предполагает жертвенность, т. е. отказ от удовлетворения ближайших прозаических, каждодневных потребностей, зачастую жизненно важных, во имя доминирующей дальней потребности, осознаваемой как цель. Потребности развития, иначе говоря, безусловно, преобладают у пассионария над потребностями сохранения. Соответственно, биологические, жизненные потреб-

ности (их иногда называют витальными, от лат. «vita» – жизнь) у пассионария всегда будут в тени социальных или идеальных потребностей.

Стремление к активной деятельности, модусы пассионарности, как называл их сам Гумилев, весьма разнообразны. Лучше самого ученого и не скажешь: «тут и гордость, стимулирующая жажду власти и славы в веках; тщеславие, толкающее на демагогию и творчество; алчность, порождающая скупцов, стяжателей и ученых, копящих знания вместо денег; ревность, влекущая за собой жестокость и охрану очага, а примененная к идее – создающая фанатиков и мучеников»³⁶. Эти стремления, модусы не диктовались ни условиями среды, ни материальными благами, не вели они ни к счастью, ни к процветанию, чаще всего это, скажем еще раз, «идеальная иллюзорная цель». Именно поэтому непомерная активность многих пассионариев вызывала непонимание и осуждение обывателей, т. е. гармоничных людей, приводила пассионариев к лишениям, мукам и гибели. Историками накоплено гигантское количество фактов, свидетельствующих, что люди совершенно сознательно, вовсе не спонтанно, жертвуют своей жизнью ради общего дела или во имя идеи. Такая жертвенность – особый поведенческий импульс – принципиально несводима ни к биологическим инстинктам, ни психологическим свойствам человека. На уровне этноса она реализуется как активная деятельность любого вида и любой направленности, но которую невозможно объяснить витальными потребностями. Другого объяснения, кроме гумилевской пассионарности, современная наука этим явлениям не дает.

Сам Л.Н. Гумилев так подвел итоги своих воззрений на этнос³⁷:

1. Этнос – система, развивающаяся в историческом времени, имеет начало и конец. Этногенез – процесс дискретный, т. е. прерывистый, состоящий из отдельных частей.

2. Универсальный критерий отличия этносов между собой – стереотип, т. е. прочно сложившийся образец поведения,

---

³⁶ Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало... С. 49.

³⁷ Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этносфера и космос // Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М., 1993. С. 301–310.

который передается по наследству, но не генетически, а через механизм сигнальной наследственности, основанной на условном рефлексе, когда потомство путем подражания перенимает от родителей и сверстников поведенческие стереотипы, которые одновременно являются навыками адаптации к окружающей среде.

3. Системными связями в этносе служат ощущения «своего» и «чужого», но не сознательные отношения как в обществе. Этнос поэтому не сводим ни к одной из известных социальных форм человеческого общежития и должен быть отнесен к категории природных коллективов, изучаться как феномен природы – в отличие от общества.

4. Нет человека вне этноса, каждый человек принадлежит только к одному этносу.

5. Системные связи в этносе, как и этническая целостность, поддерживается геобиохимической энергией живого вещества биосферы земли. Эффект, т. е. результат действия этой энергии на этническом уровне, проявляется как пассионарность. Последняя выступает поведенческим признаком, воспринимаемым наблюдателем, например, учеными, как непреодолимое стремление к цели, чаще всего иллюзорной, для достижения которой жертвуются свои и чужие жизни.

6. Психологически пассионарность проявляется как импульс подсознания, противоположный инстинкту самосохранения как индивидуального, так и группового.

7. Пассионарный импульс (антиинстинкт) с инстинктом (т. е. врожденной способностью совершать целесообразные действия по непосредственному, безотчетному побуждению) находятся в динамическом равновесии. Основываясь на нем, Л.Н. Гумилев выделил три основных характерных поведенческих типа:

– Гармоничные люди; их инстинкт самосохранения равен пассионарному импульсу. Примером может служить известный литературный герой князь Андрей Болконский: храбрый офицер, толковый помещик, дельный чиновник, верный муж, любящий жених, достойный друг. Он работает не за страх, а за совесть. Он делает только то, что надо, и делает это хорошо. Человек, достойный всяческого уважения, но метания и безумства Пьера Безухова ему решительно не свойственны;

– Пассионарии; их инстинкт самосохранения меньше пассионарного импульса (примеров много: Александр Македонский, Сулла, Чингисхан, Наполеон, Жанна Д'Арк);

– Субпассионарии; их инстинкт самосохранения больше пассионарного импульса. Они очень и очень разные. Примерами из литературы, приводимыми Гумилевым, могут служить чеховские герои: порядочный человек, с приличным образованием, учитель, но в «футляре»; хорошо работающий врач, но «Ионыч». Жизнь им скучна, их цель – выиграть шахматную партию у соседа. Еще пример: босяки из разных рассказов Горького – за выпивку зарежут. Сюда же Гумилев относит кретинов, дегенератов и им подобных.

8. В любом этносе квота гармоничных людей самая значительная, квоты пассионариев и субпассионариев весьма незначительны, но изменение их соотношения заметно сказывается на судьбе этноса, если понимать его как закрытую систему дискретного типа.

Теория пассионарности последовательно применялась Л.Н. Гумилевым для объяснения феноменов социальной и этнической истории, которые не подменяют, но именно дополняют друг друга, сочетая, по слову Маркса, историю природы и историю людей.

Именно с позиции пассионарности ученый выстраивает свою схему этногенеза. Она такова. Люди заселили весь земной шар, кроме полярных пустынь, образовав антропосферу земли, неотъемлемую составную часть биосферы. Антропосфера мозаична, ее уместнее обозначать как этносферу; разнообразие этносов определяется не только способами адаптации к вмещающему ландшафту, но и результатом иных воздействий, меняющих людей и людские коллективы в части поведения, а иногда и в физиологическом плане.

Первоначально этнос весьма гармонично взаимодействовал с вмещающими ландшафтами ареала своего распространения. Напомним, что Гумилев принципиально отказывался объяснять не только время, но и причины появления первых этносов у *Homo sapiens*. Имел место своего рода гомеостаз, при котором устранялось или максимально ограничивалось воздействие различных факторов внешней и внутренней среды, нару-

шавших гармонию человека с природой, следовательно, вредящих потомству. Если бы гомеостаз сохранялся, человечество и сегодня обитало бы в районе великих африканских разломов и численность его составляли бы тысячи, а не миллиарды индивидов. Очевидно, гомеостаз был нарушен эксцессами – появлением пассионариев. Откуда же они взялись? По Гумилеву, сработал механизм мутации (от лат. *mutatio* – изменение), точнее микромутации – внезапно возникающие изменения. Следовательно, пассионарии – мутанты, точнее, микромутанты. Они появляются не случайно, не в единичных случаях и не поодиночке, а как популяция, образующаяся в результате весьма своеобразного явления – пассионарного толчка. По мнению Л.Н. Гумилева, особенность таких толчков двояка. Во-первых, они кратковременны, от одного года до пяти лет. Во-вторых, их геометрия на поверхности земли – полоса шириной 200–400 км и длинной в половину окружности планеты (примерно 20 тыс. км), расположенных под различными углами к меридианам и широтам. Они имеют геометрию, близкую к геодезической линии. Таких пассионарных толчков, по мнению Гумилева, достоверно зафиксировано девять: четыре до новой эры и пять в новую эру. Последний произошел в XIII в. и охватил Литву, Русь, турок-османов и Эфиопию.

Каково же происхождение мутагенного фактора, вызвавшего пассионарные толчки? Из всех мыслимых предположений после их подробного анализа Гумилев выбрал следующие: толчки имеют космическое происхождение, они спровоцированы излучением из космоса, ибо никакими земными причинами не удастся объяснить ни их линейную форму, ни огромную протяженность по поверхности планеты. Эта энергия не может быть солнечной, ибо солнце одновременно освещает целое полушарие, а не полосу в 200–400 км шириной. Это не может быть и внутренняя энергия Земли, ибо полосы варьируются вне зависимости от геологического строения территории, через которые они проходят. Итак, космическое излучение, природа которого не ясна, а высказанные на этот счет гипотезы умозрительны и недоказуемы, обеспечивает микромутации и появление пассионариев.

Разумеется, сложнее всего определить начало этого процесса применительно к далекому прошлому. Гумилев выявил признаки универсальные, по его мнению, для всех известных

процессов этногенеза, описанных в литературе. Они лежат в основе процесса этногенеза и одновременно позволяют судить ученым о том, что процесс запущен. Их всего восемь.

1. Появление пассионариев в статистически значимых количествах в ареале толчка, но не за его пределами.

2. Смена этнического стереотипа поведения в ареале толчка.

3. Территориальное расширение новорожденного этноса из первоначального ареала обитания.

4. Демографический взрыв населения в ареале толчка.

5. Жесткая регламентация поведения членов нового этноса, контроль брачных отношений, установление охранительных мер по отношению к кормящему ландшафту.

6. Повышение активности во всех сферах жизнедеятельности: политической, военной, административной, культурной, религиозной и проч.

7. Рост числа субэтносов, усложнение этнической картины, внутриэтническое деление стереотипов поведения с появлением его субэтнических вариантов.

8. Одновременность (1–2 поколения) и пространственная непрерывность отмеченных признаков по всей полосе пассионарного толчка у всех этносов – ровесников, несмотря на то, что между ними труднопроходимые природные барьеры: горы, пустыни, моря. Один толчок порождает в этом случае несколько этносов, но фазы их этногенеза будут синхронными.

Для дальнейших рассуждений Л.Н. Гумилева важно еще одно понятие – пассионарное напряжение, под которым понимается количество (доля) пассионариев в этносе. Пассионарное напряжение и направление его изменений позволяет определить фазу этногенеза или возраст этноса.

Рассмотрим сконструированную Л.Н. Гумилевым картину этногенеза, которую мы склонны определять как «разумную абстракцию», вроде идеального газа в физике.

Пусковой момент этногенеза – исторически установленный момент пассионарного толчка, после которого и начинается процесс формирования этноса. С него начинается первая фаза процесса этногенеза, названная Гумилевым «подъем», вначале скрытый, потом явный. На этой фазе в жизни тихого обывателя, адаптированного к биоценозу ареала, происходят за-

метные изменения, начинают совершаться события, под которыми ученый понимает разрыв прежних системных связей (напоминает: этнос, по Гумилеву, – закрытая система дискретного типа). Обычно подъем продолжается около 300 лет. На поведенческом уровне исследователь находит новые поведенческие стереотипы: вначале стремление к благоустройству без риска для жизни, затем поиск удачи с риском для жизни, стремлением к идеалу успеха и идеалу победы. Доминирующая идея: «Будь тем, кем ты должен быть». На этой стадии человек равнодушен к природе, не замечает ее. Пассионариев становится все больше, ибо пассионарность, как и всякая мутация, передается ординарным путем. Окружающие этносы воспринимают фазу подъема как образование новой общности крайне активных людей, отстаивающих малопонятные идеалы, легко жертвующие собой, с жестко регламентированной жизнью, причем сама эта регламентация воспринимается ими не как тяжелая обуза, а как необходимое условие правильной жизни. Они с боями завоевывают свое место под солнцем, ломая частое и упорное сопротивление соседей, которые им не рады.

Итак, без вспышки пассионарности нет и не может быть начала этногенеза; но характеристики этого процесса применительно к любому из девяти случаев различны и зависят от уровня техники, культуры, изначальных этнических субстратов, формирующих новый этнос и проч.

Вторая фаза этногенеза – акматическая. Количество пассионариев в этносе стремительно возрастает; пассионарное напряжение становится максимальным для данной этнической системы. Жертвенность становится наивысшим идеалом, доминирующим поведением. События этнической истории становятся предельно четкими. Вместе с тем, первоначальный императив поведения меняется. Жертвенные пассионарии начинают работать не на общее дело, а на самих себя; стремятся утвердиться лично. Императив: «Будь самим собой!» выходит на первый план. Рост индивидуализма вкупе с избытком пассионарности приводит к так называемому пассинарному перегреву, сопровождавшемуся внутренними катаклизмами, общим снижением способности к сопротивлению. Эта фаза этногенеза может сопровождаться широкомасштабной борьбой в сфере

религии и идеологии. Существенно возрастает роль субпассионариев, почти не заметная на первой фазе. Меняется этика и мораль. Долг утрачивает прежнее значение, на смену ему пришли взаимные обязательства, зафиксированные, например, в Ясе Чингисхана: обман доверителя – главное преступление, не оказание помощи товарищу карается моментально. Именно поэтому акматическая фаза иногда называется фазой перегрева, ибо избыточная энергия, которая на первой фазе тратилась на бурный рост и экспансию, теперь аннигилируется во внутренних конфликтах. На этой же стадии начинают возникать явления, которое Л.Н. Гумилев называет антисистемами.

Очевидно, что в процессе этногенеза пассионарная энергия начинает растрачиваться; в этих условиях этническая система может усложняться (созидание) или упрощаться (разрушение). Особенно заметно их действие в сфере культуры. К первому варианту (созидание) Гумилев относит жизнеутверждающие философии и религиозные системы взглядов, ко вторым – жизнеотрицающие. Их появление ученый связывает со столкновением этносов с различной комплементарностью, что приводит к образованию «этнических химер», уничтожавших своеобразие этносов. Люди в зоне межэтнических контактов, приведшие к появлению химер, сталкиваются со спонтанным сочетанием несовместимых между собой поведенческих стереотипов. Имеет место настоящий хаос во вкусах, взглядах, идеях и т. п. В результате разрываются всякие связи между людьми и кормящим ландшафтом. Химера, в отличие от этноса, не может развиваться во всех смыслах – отсюда и проистекает отрицание этого мира по любым соображениям. Большинство химер складывается за счет вторжения одного этноса на территорию другого и только в том случае, если победители начинают кормиться не за счет ландшафта, а за счет побежденных. «В ареалах столкновения этносов, где поведенческие стереотипы не приемлемы для обеих сторон, повседневная жизнь теряет свою повседневную обязательную целеустремленность и люди начинают метаться в поисках смысла жизни, которого они никогда не находят» – писал Л.Н. Гумилев³⁸. Следствием этого и является появление фило-

---

³⁸ Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало... С. 181.

софских систем, отрицающих благо и человеческой жизни, и человеческой смерти, т. е. диалектику. Они построены на мироотрицании. К таковым Гумилев относит учение гностиков, альбигойцев, карматов, махаянистов, богомилов – всех, кто считал материю, в том числе и живую, злом, а этот мир – поприщем для страданий. Антисистемы создают этнические химеры, порождают зигзаги истории, что означает помимо прочего, что этногенез – вовсе не линейный процесс.

Акматическая фаза этногенеза недолговечна, обнимает примерно 300 лет зигзагообразного развития. С излишней пассионарностью пытаются бороться, главным образом, путем миграции пассионариев (крестовые походы, присоединение Сибири и мн. др.), но спад пассионарности происходит медленно и постепенно, ибо пассионарность, как уже было сказано, передается по наследству, но чем дальше по времени от пассионарного толчка, тем более рассеивается пассионарная энергия, приближается «золотая посредственность». Этнос вступает в новую стадию, стадию надлома.

Фаза надлома означает резкое снижение числа пассионариев, что сопровождается расколом этнического (пассионарного) поля, стремительным увеличением доли субпассионариев, острыми конфликтами. Этническая система на этой фазе теряет способность к сопротивлению, что увеличивает вероятность ее гибели. Иногда фазу надлома толкуют как своеобразную возрастную болезнь этноса. Снижение уровня пассионарности приводило к тому, что на первый план выходили «гармоничные люди» (обыватели) – это означает, что оставшиеся пассионарии вытеснялись на окраины этнического ареала, воевали, отправлялись путешествовать, становились землепроходцами, либо обращались к творчеству, т. е. к интеллектуальной деятельности, что и породило, по Гумилеву, европейское Возрождение, а затем борьбу с наукой и учеными. Избыток пассионарного напряжения далеко не всегда полезен, но снижение уровня пассионарности губительно, но преодолимо: если вытеснить пассионариев в колонии или не мешать им убивать друг друга, гармоничные люди обеспечат развитие хозяйства, торговли, будут покровительствовать искусствам, наукам. Для социума и государства это полезно, но для этноса – нет. Единая этническая

система раскалывалась, что сопровождалось гигантскими человеческими жертвами. Причем гибли не столько враги или, допустим, крупные таланты, вроде Джордано Бруно, а именно ни в чем не повинные обыватели. В Европе их обвиняли в колдовстве и сжигали. Процессы против ведьм в Европе начались в XV в. Несчастных женщин никто и никогда не обвинял в ереси, святотатстве или борьбе против церкви. Их сжигали за то, что они были непохожи на других. Больше всего жгли не в Испании, а в Новой Англии, т. е. причина массовых казней лежит не в догматах веры, а в новом поведенческом стереотипе, порожденном снижением уровня пассионарного поля³⁹.

Л.Н. Гумилев выделил две основные причины снижения уровня пассионарности в этнической системе: во-первых, потеря инерции первоначального пассионарного толчка, которую ученому угодно было определить как старение; во вторых, насильственное воздействие других этносов или иных природных явлений – смещение, по Л.Н. Гумилеву⁴⁰. Фазу надлома необходимо преодолеть, чтобы выработать своеобразный иммунитет, сохраняющий (если это удастся, а удастся не всегда) от распада этнического поля хотя бы на уровне суперэтноса. Она продолжается сравнительно недолго – 150–200 лет, но насыщена многими и многими событиями.

После всех потрясений фазы надлома люди хотят уже не успеха, а покоя. Императив «Будь самим собой» кажется им чудовищным, ибо вся опасность для покоя исходит от оригиналов. Сменяется стереотип поведения. Для этого находят (придумывают, изобретают) новый императив, новое поведение, пусть ранее не существовавшее, и делают его обязательным для всех. Торжествует принцип «Будь таким как я». Наступает фаза инерции, иногда называемой Гумилевым «цивилизация». Она характеризуется некоторым повышением, а затем плавным снижением уровня пассионарности. После кошмаров фазы надлома укрепляется государственная власть и социальные институты, накапливаются материальные и культурные ценности, кормящий ландшафт активно преобразовывается, что бывает по-

---

³⁹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001. С. 497–498.

⁴⁰ Там же. С. 504.

лезно для общества и культуры, но губительно для природы. Число «гармоничных» людей стремительно возрастает, доля пассивнариев и субпассивнариев, соответственно, уменьшается. В литературе очень любят сравнивать рыцаря времен надлома с буржуа или джентльменом инерционной фазы. Голландский ученый Й. Хейзинга обозначил эту эпоху как «золотая осень» Средневековья. Л.Н. Гумилев использует термин «золотая осень цивилизации» и даже рассматривает эту фазу как «золотую осень» этноса. Государство, законный порядок, культура кажутся современникам настолько совершенными, что их цивилизация понимается как единственная и вечная (Китай эпохи Тан, императорский Рим, современная Западная Европа). Весь же остальной мир – варварским, неправильным, который нужно изменить по императиву «Будь как я». Эта фаза этногенеза объективно задана, именно поэтому данный императив не может быть реализован в планетарном масштабе, если оставаться в рамках этнической истории. Для этой фазы вновь становится характерным стремление к благоустройству без всякого риска для жизни, жизни тихого обывателя.

Развитие хозяйства приводит к росту городов, население их становится полиэтническим. В Александрии египетской при Птолемеях 50 % горожан – греки, 40 % – евреи, 10 % – все остальные, в том числе и египтяне. В современном Марселе французы не составляют и 15 % от численности горожан. Личность научается жить без связи со своим этносом и ландшафтом. Всем довольный обыватель понимает, что все необходимые победы уже одержаны, торжествует принцип «горе побежденным». Самой незащищенной остается природа, вмещающий ландшафт. Он, как уже было сказано, активно преобразуется, в силу чего гибнет. Сегодня пустыни есть уже и в Европе (Калмыкия), а 15 тыс. лет назад географических пустынь вообще не было, исключая полярных. При предшествующих фазах этногенеза характерной чертой выступает суровость к себе и соседям. При снижении уровня пассивности характерно «человеколюбие», прощение слабости, небрежение к долгу, оправдание преступлений в невиданных ранее масштабах, что приводит к перенесению «права на безобразия» с человека на ландшафт. Это происходит еще и потому, что способность к расширению ареала обитания

снижается, наступает пора воздействия на ландшафты собственной страны. За счет природных ресурсов растет техносфера, начинаются природные катаклизмы, многие из которых необратимы. Тогда рушатся великие города и великие цивилизации. Вавилон просуществовал почти полтора тысячи лет, но рухнул из-за засоления почв Двуречья, последовавшей после применения египетской системы орошения.

С замечательной точностью Л.Н. Гумилев пишет: «В этой фазе этнос, как Антей, теряет связь с почвой, т. е. жизнью, и наступает неизбежный упадок. Облик этого упадка обманчив. На него надета маска благополучия и процветания, которые современникам представляются вечными, потому что они лелеют себя иллюзией о неисчерпаемости природных богатств»⁴¹. Фаза инерции продолжается довольно долго – до 500 лет (именно поэтому в России говорят о загнивании Запада вот уже почти двести лет, а он все стоит, ибо не исчерпал свое время), но она неизбежно сменится эпохой обскурации.

При фазе обскурации пассионарное напряжение снижается до отрицательных величин, т. е. оно меньше, чем было до пускового момента этногенеза. Происходит это за счет стремительного роста субпассионариев, которых общество, накопив соответствующие ресурсы, может содержать. Этнос может существовать только за счет накоплений, сделанных в инерционной фазе. Субпассионарии же требуют одного – удовлетворения своих потребностей. Вспомним классические «Хлеба и зрелищ!». Начинает доминировать поведенческий императив «Будь таким, как мы!». Отсюда неприятие любого другого императива. Императив «Будь таким, как мы!» может уточняться как «день, да мой», «после нас хоть потоп», «сдохни ты сегодня, а я завтра» и т. п. Субпассионария абсолютно не интересуют завтра и абсолютно интересуют сегодня. Во имя сиюминутных интересов допустимо все: коррупция, преступления, предательство. Армия теряет боеспособность, государство теряет управляемость. Наступает депопуляция, численность населения в прежнем ареале уменьшается, хотя частично этот процесс тормозится за счет мигрантов и реэмигрантов, за счет притока представителей дру-

---

⁴¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001. С. 523.

гих этносов, которые зачастую начинают доминировать в общественной и экономической жизни. Этническая система утрачивает способность к сопротивлению и может стать добычей соседей, сохранивших большую пассионарность.

Фаза обскурантизма предшествует гибели этноса. Л.Н. Гумилев называет ее «сумерки этноса». Всякий рост становится явлением одиозным, трудолюбие подвергается осмеянию, интеллектуальные радости вызывают ярость. В искусстве идет снижение стиля, в науке оригинальные работы вытесняются компиляциями, в общественной жизни узаконивается коррупция, в армии солдаты держат в покорности офицеров и полководцев, угрожая им мятежами⁴². Воздействие субпассионария сравнивается ученым с раковыми клетками организма – спасения от них нет, но победив, т. е. убив организм, они немедленно гибнут сами.

При этом исчезает сама возможность сохранения любой этнической доминанты. Этническая система исчезает, хотя люди еще живут, сохраняя традиции и память о прошлом. Быстрые и постоянные изменения среды обитания при пониженном уровне пассионарной энергии просто не позволяют этносам адаптироваться к ним.

От периода обскурации возможен переход к мемориальной фазе; в некоторых случаях она трансформируется в стадию регенерации, при которой возможно восстановление этнической системы за счет выявления на окраине ареала пассионариев, но обычно это лишь короткий всплеск активности, продолжающий жизнь этноса, но не сохраняющий ее. Мемориальная фаза завершает процесс этногенеза. Этническая система уже утратила всю свою пассионарную энергию, но отдельные люди продолжают прежнюю традицию, хранят память, выливающуюся, например, в богатый былинный эпос. Переход к этой фазе осуществляется, как правило, плавно и выглядит как постепенное забвение прошлого. Образуются реликты, которые сохранились только потому, что смогли сохранить свою адаптацию к ландшафту, вернуться к гомеостазу. Поведенческий императив при этом «Будь доволен самим собой». Жить при этом легко, но скучно – это спокойное прозябание.

---

⁴² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001. С. 524.

Реликтовые этносы жестко регламентируют свою численность, счастливо сохраняют надежный баланс в отношениях с природой, чего не могут добиться все цивилизованные народы мира. Индивиды этой фазы могут обладать многими завидными качествами. Вот как писал об этом Л.Н. Гумилев: «Человек фазы этнического гомеостаза чаще всего – хороший человек, с гармоничным складом психики. Он, как правило, честен, потому что его не терзают страсти и не соблазняют пороки. Он доброжелателен, ибо ему нет необходимости отнимать у соседа то, что для него было бы не необходимостью, а излишком. Он дисциплинирован, так как воспитан в уважении к старшим и их традициям, но все это делает его природным консерватором, непримиримым к любым нарушениям привычного порядка. Короче говоря, гармоничные личности, или, говоря точнее, гармоничные особи, – фундамент каждого этноса. Но в критические моменты фундаменту нужны опоры, нужно возведение крепкого строения над собой – "башен", "зданий". С потерей их пассивной заряженности этноса быть не может»⁴³.

И ведь гармоничный человек не глуп. Он умеет ценить подвиги и творческие взлеты, на которые он сам неспособен. Особенно нравятся ему герои и гении прошлого, так как покойники не могут принести никакого беспокойства. И он вспоминает о них с искренним благоговением, что дает право называть описываемую фазу «мемориальной». Характеризуя императивы поведения этой фазы, Гумилев цитирует Г. Ибсена: «Будь сам собой доволен, тролль», и интерпретирует ее следующим образом: «Старайся не мешать другим, не докучай им, а сам не грусти и не жалея ни о чем»⁴⁴.

Для удобства восприятия и в качестве обобщения из сказанного, воспользуемся таблицами, составленными Л.Н. Гумилевым⁴⁵.

Обе таблицы называются одинаково – «Фазы этногенеза», но в деталях они различаются. Мы позволили себе свести их в одну таблицу, дополнив пробелы одной материалами другой.

---

⁴³ Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало... С. 321–322.

⁴⁴ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001. С. 543.

⁴⁵ Там же. С. 398; Конец и вновь начало... С. 335.

Фазы этногенеза

<i>Фазы</i>	<i>Господствующие императивы</i>	<i>Фазовые переходы</i>
Исходные сочетания этносов и ландшафтов региона	Разнообразие Надо исправить мир, ибо он плох	– Пассионарный толчок: пусковой момент этногенеза
Пассионарный подъем: инкубационный (скрытый) период. Пассионарный подъем: явный период	Будь тем, кем ты должен быть	Оформление этнической системы
	Не по вашему, а по-моему. Мы хотим быть великими	Переход в акматическую фазу
Акматическая фаза	Будь самим собой	–
	Мы устали от великих	Переход в фазу надлома
Надлом	Мы знаем, мы знаем – все будет иначе; Только не так как было	–
	Дайте же жить, гады	Переход в инерционную фазу
Инерционная фаза	Будь таким как я	–
	Не будь ты моим благодетелем! С нас хватит	Переход к фазе обскурантизма
Фаза обскурантизма	Будь таким как мы! День, да мой	–
	Когда же все это кончится	Переход к мемориальной фазе, возможно регенерации
Мемориальная фаза	Помни, как все было прекрасно	–
	Будь сам собой доволен, тролль	Переход к гомеостазу: реликт
Гомеостаз	Забвение, утрата императивов	Возможно возвращение к вторичному сочетанию этносов и ландшафтов, исходному для нового этногенеза

Остается открытым вопрос о том, как построения Гумилева соотносятся к евразийским штудиям 1920-х гг. Обратимся к этому сюжету.

2.3. Евразийство и Л.Н. Гумилев

Скажем еще раз, что создателями евразийства выступили крупные русские ученые Н.С. Трубецкой (1890–1938), П.Н. Савицкий (1895–1968) и Г.В. Вернадский (1877–1973), а формальной датой рождения евразийства считают 1921 г., когда в Софии вышел в свет сборник статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийства».

Подчеркнем, что целью евразийцев в 1920-х гг. было вовсе не создание научной теории, а лишь попытка осмыслить происшедшие в России события и указать молодому поколению цели и методы действия⁴⁶. Лишь много позднее евразийство из отвлеченной идеи трансформировалось в стройную научную теорию, на долю которой выпала и злобная критика, ничего не имевшая с научной, и попытка предать ее забвению путем упорного замалчивания имен ее создателей. Однако реалии сегодняшнего дня, необходимость выработать не только политический курс, адекватный желаниям и чаяниям людей, заселяющих евразийское пространство, но и предложить идею, способную их объединить, сделали вновь востребованными принципиальные постулаты евразийства. Появились талантливые научные интерпретации евразийства, в России связанные с трудами Л.Н. Гумилева. В Казахстане интерпретация евразийства, предложенная в концепции Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева, положена в основу государственной политики, что позволило современному Казахстану успешно разрешить ряд глобальных проблем, решение которых в России еще только предстоит найти. Итак, евразийство сегодня – это не только идея и теория, но и повседневная государственная практика. Творческое развитие евразийских начал означает в том числе тот факт, что современные интерпретаторы евразийства, безусловно, оставаясь

---

⁴⁶ Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 9.

на твердой почве основополагающих теоретических построений основателей евразийства, смогли дать очень качественную научную критику их взглядов. Л.Н. Гумилев был одним из них. Остановимся, в частности, на так называемых заметках последнего евразийца, принадлежащих перу Л.Н. Гумилева. Они представляют собой предисловие к сочинениям кн. Н.С. Трубецкого и в наиболее полном виде, по авторской рукописи, напечатаны в уже упомянутом сборнике трудов Льва Николаевича. Вполне понятно, что мы для лучшего понимания воззрений Л.Н. Гумилева на научное наследие Н.С. Трубецкого и других евразийцев будем привлекать и другие его работы.

Важнейшим методологическим принципом евразийства, по мнению Л.Н. Гумилева, является принцип полицентризма, наиболее полно изложенный Н.С. Трубецким в работах «К проблеме русского самопознания» и «Об истинном и ложном национализме». Оба автора подвергают резкой критике укоренившийся в России с XVIII в. «европоцентризм», полагая, что таких центров мирового развития насчитывается много. Китай, Палестина, евразийская степь – такие же центры цивилизации, как и Западная Европа. Л.Н. Гумилеву очень близко стремление Трубецкого «не попасть к немцам на галеры». Отсюда же проистекает другой важнейший евразийский тезис: «надо искать не столько врагов – их и так много, а надо искать друзей, это главная ценность в жизни»⁴⁷. Европоцентризм может принимать две формы: узкий шовинизм и космополитизм. Обе вредны и как теория, и как практика европеизации, обе зачастую носят насильственный характер. Европоцентризму надлежит, по мнению обоих ученых, противопоставить «национализм», который, конечно же, состоит не в пустом подражании чужим этносам и не в навязывании соседям своих представлений, а в самопознании, определяемом двумя афоризмами: «познай самого себя» и «будь самим собой». Однако Н.С. Трубецкой не делает на основе этих рассуждений глобальный вывод о том, что «общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна». Зато его делает Л.Н. Гумилев на том основании, что этносы «имеют разный вме-

---

⁴⁷ Гумилев Л.Н. Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии... С. 31.

щающий ландшафт и различное прошлое, формирующее настоящее как во времени, так и в пространстве»⁴⁸.

Весьма негативно в этой связи оба ученых оценивают деяния Петра I. Н.С. Трубецкой полагал, что страной «милитаристической и крепостнической *par excellence* Россия стала только в эпоху европеизации... ко всему этому временами присоединилось ожесточенное гонение на все исконно русское, официальное признание национальной культуры варварством... Вряд ли будет преувеличением обозначить этот период русской истории как эпоху "европейского" или "романо-германского ига"»⁴⁹. По мнению Л.Н. Гумилева, «Петр совершил непоправимое – разорвал нацию надвое, противопоставив дворянство народу. Он же установил на Руси рабство, ввел порку и продажу людей, увеличил налоги в 6,5 раз, а численность нации при нем сократилась на одну пятую!»⁵⁰.

Подчеркнем еще раз, что Российская империя, с точки зрения Н.С. Трубецкого (эту мысль Л.Н. Гумилев считал бесспорной), является «антинациональной империей». Сам Л.Н. Гумилев твердо считал: там, где сталкиваются два и более суперэтнуса, множатся бедствия и нарушается логика творческих процессов. Возникает подражание (мимесис) как противник оригинальности и, таким образом, нарушаются принципы «познай себя» и «будь собой»⁵¹. Принцип национализма, с точки зрения евразийцев, как раз означает, что с соседями надо жить розно, но в мире.

Принцип «национализма» несколько не исключает для евразийцев и Л.Н. Гумилева важнейшую в методологическом отношении категорию «целого». В статье «Об идее – правительнице идеократического государства» Н.С. Трубецкой рассуждает о том, что ни класс, ни отдельный народ, ни целое человечество категории «целого» соответствовать не могут. Таковым

---

⁴⁸ Гумилев Л.Н. Скажу вам по секрету... С. 39.

⁴⁹ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Гумилев Л.Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994. Приложения. С. 521.

⁵⁰ Гумилев Л.Н. В какое время мы живем // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии... С. 157.

⁵¹ Там же. С. 60.

является лишь совокупность народов, населяющих хозяйственные самодовлеющие месторазвития (по Гумилеву, «кормящий ландшафт») и связанных друг с другом не расой, а общностью исторических судеб, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства. Такое идеократическое государство должно существовать лишь на благо совокупности народов, т. е. «целого». Л.Н. Гумилев дополнил построения старшего коллеги идеей о том, что государственное строительство и духовная культура евразийских народов давно слита в «целостность». Лишь на фундаменте евразийского единства должно решать любые спорные вопросы, например, территориальные.

Не менее чем европеизацию, оба исследователи не прие­млют «русификацию», полагая, что таковую может проводить либо «антинациональная монархия», утвердившаяся с Петра I, либо большевизм, заменивший, по Трубецкому, русский народ интернациональным пролетариатом. Кстати, борьба с евразийством даже сегодня проходит не только под флагом «европоцентризма», но и под флагом «русификации», когда Гумилева подозревали в русофобии, а Трубецкого – в симпатиях к большевизму. Евразийцы настаивали на мысли, что национализм каждого отдельного народа Евразии прекрасно сочетается с национализмом «общеевразийским» – между ними нет и не может быть противоречий. Не случайно и Н.С. Трубецкой, и Л.Н. Гумилев оперируют термином «евразийское братство», очень точно передающее не только желаемое, но и, по счастью, фактическое положение дел во взаимоотношениях казахского и русского народов, достигнутое сегодня на основе политической интерпретации евразийской концепции.

Надлежит помнить и еще один завет ученых-евразийцев: отторжение хотя бы одного народа из евразийского единства может быть произведено только путем насилия и «должно привести к страданию». Л.Н. Гумилев признает, что бывают ситуации, «когда автор более прав, чем его утверждение»⁵² и адресует ее проблеме «наследия Чингисхана» в интерпретации Н.С. Трубецкого. При этом он призывает читателя не удивляться мно-

---

⁵² Гумилев Л.Н. В какое время мы живем... С. 42.

гим выводам маститого ученого, в частности, его положению о том, что Киевская Русь XII в. – не предок современной России. Последняя создана принципами «традиции Чингисхана», к каковым Трубецкой относил следующие.

1. Деление людей на подлых, эгоистичных и трусливых (их монголы называли «черная кость») и на тех, кто честь и достоинство ставит выше материального благополучия и безопасности – «белая кость», или люди «длинной воли».

2. Глубокая религиозность каждого – от великого хана до последнего дружинника; без нее невозможна честь и достоинство.

3. Повышенное уважение к кочевникам, прежде всего за их моральное превосходство.

4. Отсутствие догматизма и веротерпимость. Шаманисты, буддисты, мусульмане и христиане (несториане) равно были воинами Чингисхана. Свобода совести гарантировалась Ясой.

По мысли Н.С. Трубецкого, в эпоху татарского ига Россия была «провинцией» монгольской империи. Она «втянута» в финансовую и военную систему монголов.

В эти построения внес Гумилев заметные поправки. Лев Николаевич не готов считать Русь провинцией державы Чингисхана, исходя из содержания термина «провинция», и настаивает на «военно-политическом союзе» Руси и Орды. Гумилев разделяет мысль Трубецкого о выдающейся роли Русской православной церкви, о «сильном подъеме религиозной жизни», он пеняет Николаю Сергеевичу за то, что тот упускает наличие «очень большого числа монголов – христиан», которые после исламизации Орды при Узбеке перешли на русскую службу. Стало быть, принципы Чингиза, рассуждает Гумилев в отличие от Трубецкого, восторжествовали не после 1238 г., а только после 1312 г.

Гумилев решительно не принял традиционный для русской исторической литературы взгляд Трубецкого на проблему ордынского ига. Во-первых, она противоречит евразийскому тезису «о евразийском единстве». Во-вторых, зависимость Руси от Орды ограничилась сферой политической и не касалась ни религии, ни идеологии, ни быта. Конечный вывод Гумилева таков: «Тезис князя Н.С. Трубецкого, что "московские князья пре-

вратились как бы в бессменных и наследственных губернаторов русских провинций татарского царства и в этом отношении сравнивались с другими ханами – правителями отдельных провинций" неверен, как по существу, так и с позиций евразийства, отстаиваемого автором»⁵³.

Зато трактовку событий 1480 г., когда, по Трубецкому, произошла замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву, почитается Гумилевым абсолютно верной. Он лишь дополняет рассуждения предшественника мыслью о сопутствующей смене династии на престоле.

Гумилев делает еще один принципиальный вывод: новые материалы, неизвестные Н.С. Трубецкому, говорят в пользу его концепции. «Н.С. Трубецкой работал на том уровне европейской науки, который ныне, безусловно, устарел. Тем не менее евразийская концепция этнокультурных регионов и химерных целостностей в маргинальных (окраинных) зонах оказалась пригодной для интерпретации всемирно-исторических процессов»⁵⁴. Именно в этом Гумилев усматривает непреходящее значение научного творчества Н.С. Трубецкого.

Другой известный евразиец, П.Н. Савицкий, будучи географом, территорию своей страны понимал как особый географический, а уже затем исторический мир, образующий неповторимую географическую и историческую индивидуальность. Мнение П.Н. Савицкого Лев Николаевич дополнил учением о «вмещающем», или «кормящем», ландшафте. Каждый конкретный этнос имеет свой «кормящий» ландшафт – единственно родной. Разрыв связей этноса с «вмещающим» ландшафтом может привести к гибели этноса. Еще и поэтому Л.Н. Гумилев не принимал и не мог принять доминирующую в русской историографии мысль об извечном противоборстве леса со степью и непримиримой вражде народов, их населявших. С его точки зрения, это мнение глубоко ошибочно как в этнокультурном аспекте (жители леса и степи не могли обойтись без продукции соседей), так и с позиции евразийской доктрины, ибо лес и степь суть единое целое, динамично связанное между собой единством и

---

⁵³ Гумилев Л.Н. В какое время мы живем... С. 48.

⁵⁴ Там же. С. 55.

борьбой. П.Н. Савицкий в письмах к Л.Н. Гумилеву признавал его правоту в этой части и полное соответствие гумилевской интерпретации собственным взглядам и взглядам Г.В. Вернадского. Отвлечемся при этом от терминов, используемых исследователями (П.Н. Савицкий – «сочетание разноодаренностей»; Л.Н. Гумилев – «два и более ландшафта»). Более того, П.Н. Савицкий признавал научный авторитет Л.Н. Гумилева, доказавшего, что «сочетание разноодаренностей» имеет важное значение для этногенеза. Он назвал его «важнейшим историко-географическим открытием». Впрочем, П.Н. Савицкому решительно не нравится немецкий термин «ландшафт», которым оперирует Л.Н. Гумилев. Савицкий предлагал его заменить понятием «месторазвитие».

Евразийцы и Л.Н. Гумилев занимали схожие позиции и в вопросе о взаимоотношениях Руси и Орды, русских и татар, хотя эти позиции и не стопроцентно схожи. П.Н. Савицкий полагал, в частности, что Л.Н. Гумилев явно переоценивал роль татарского элемента, сражавшегося на стороне Москвы в Куликовской битве. Савицкий признавал, в частности, что национальная и религиозная терпимость привита на Руси ордынцами. Существование Касимовского «царства» на Оке во главе с «царем»-мусульманином, вплоть до петровских времен считавшимся вторым человеком на Руси, – лучшее тому подтверждение. Эта веротерпимость проявилась и по отношению к сибирским шаманистам. Вся московская система «охраны» сибирских инородцев выстроена с учетом этих принципов⁵⁵. Л.Н. Гумилев дополнил мысль о веротерпимости и национальной терпимости русских тезисом о потребностях империи, вначале монгольской («монголосферы», по Гумилеву), а затем российской. П.Н. Савицкий, соглашаясь с этой мыслью в принципе, отметил: «Парадоксально, что конец этой веротерпимости пришел, по существу дела, при Петре I, который не был особенно ревностным ревнителем Православия и в отличие от Руси Древней был абсолютно терпим в отношении западных вероисповеданий»⁵⁶.

---

⁵⁵ Из писем П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву // Черная легенда. М., 1994. С. 536–537.

⁵⁶ Там же. С. 538.

Сохранилась опубликованная лишь частично переписка Л.Н. Гумилева и П.Н. Савицкого. Она продолжалась 12 лет; в этом эпистолярном наследии более сотни писем⁵⁷. Их общение в письмах, по мнению французского ученого, научного сотрудника Национального института восточных языков и цивилизаций в Париже Марлен Ларюэль, носила личный характер. Следует согласиться с автором, что переписка двух ученых началась тогда, когда евразийства более не существовало. На этом основании М. Ларюэль отказывается признать Гумилева законным наследником евразийцев: ученики и последователи Гумилева, настаивая на синхронности их творчества, «пытался присвоить чужую интеллектуальную собственность. На самом деле последний евразиец вовсе не Гумилев, а П.Н. Савицкий»⁵⁸. Гумилев – автор со своей теорией, своей системой взглядов; его теоретические построения появляются не просто много позже евразийских – налицо серьезность их теоретических рассуждений, на которые, впрочем, французский автор не указывает. По мнению М. Ларюэль, даже в тех случаях, когда Гумилев, как будто проникаясь идеями первых евразийцев, грубо искажает их. Так, Гумилев смешивает «частнонародную личность» у Трубецкого со своим «этнсом», евразийскую «месторазвитую личность» – с «суперэтнсом», «взаимо симпатии» народов с «биологической комплементарностью»; по-разному ими трактуется ключевое понятие «соборность» и проч. Сам словарь первых евразийцев, философский и религиозный, не совпадают с естественно-научным словарем Гумилева. «Месторазвитие» Савицкого (понятие географическое), далеко не тождественно по своему содержанию гумилевскому ландшафту (термину биологическому)⁵⁹. Еще более заметно, по М. Ларюэль, расходятся концепции нового мира у евразийцев и Гумилева.

Если Савицкий, тем не менее, и видел в Гумилеве своего преемника и продолжателя, то не столько по евразийской, сколько по кочевниковедческой линии – несколько неожиданно де-

---

⁵⁷ Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или о противоположности Л.Н. Гумилева и П.Н. Савицкого // Евразия. Люди и миры. М., 2003. С. 53.

⁵⁸ Там же. С. 55.

⁵⁹ Там же. С. 57–58.

лает вывод французский исследователь. Она убеждена в том факте, что стремление Гумилева реабилитировать кочевой мир вовсе не делает его евразийцем. Лев Николаевич – оригинальный исследователь, его система взглядов сформировалась в поле идей социальной биологии, а не евразийства⁶⁰. Главное же – Гумилев забыл, что евразийская общность – это не только природный объект, но и равным образом мысленная конструкция⁶¹. Конечный вывод: Гумилев – не наследник евразийцев и не последний евразиец, но он один из основных вдохновителей неоевразийства. Гумилев может рассматриваться как духовный отец тюркского евразийства, именуемого М. Ларюэль «евроазиатством». Вклад Гумилева заключается в том, что он в своих построениях соединил с советским этницизмом радикально переосмысленное наследие первых евразийцев.

К положениям статьи М. Ларюэль мы еще вернемся, сейчас же укажем на формальные передержки в ее тексте: переосмысление евразийского наследия на новом уровне развития науки, действительно предпринятое Гумилевым, само по себе не может служить основанием для вывода о присвоении им интеллектуальной собственности евразийцев, которое под пером французского автора чудесным образом сочетается с критикой и ревизией Гумилевым евразийского наследия.

Среди противников евразийства было много авторитетных ученых, оспаривавших их научные выводы. Среди них П.Н. Миллюков, А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин, Е.Ф. Шмурло, Е.В. Спекторский, С.Н. Прокопович, П.Б. Струве. Последний несколько позже частично разделил некоторые положения евразийцев. Идейных и научных противников такого калибра у сегодняшнего евразийства, конечно, нет, хотя недобросовестных интерпретаторов исторических воззрений евразийцев в России и за ее пределами хватает и сегодня. Их построения не вызывают интереса ни у научной общественности, ни у народов, населяющих сегодня евразийское пространство. Объяснение этому факту предложил Л.Н. Гумилев: «Дело в том, что в сердцах людей за-

---

⁶⁰ Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность... С. 60.

⁶¹ Там же. С. 61.

ложена любовь к свободе и независимости, уважение к традициям, требование того, чтобы с ними считались, их понимали»⁶².

Сегодняшние политические и социально-экономические реалии в современном Казахстане и современной России вполне соответствуют завету «последнего евразийца», как иногда называют Л.Н. Гумилева. Много десятилетий назад Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский и другие евразийцы рассматривали теорию евразийства как программу будущего Евразии. Она, безусловно, выдержала проверку временем. Самые важные положения, составляющие научное наследие евразийцев о единстве многонационального евразийского суперэтноса и путях самопознания народа, заявлявшиеся как евразийский национализм, по мысли Л.Н. Гумилева, будут еще долго иметь огромную практическую ценность.

Вправе ли мы признать, вопреки некоторым мнениям, что Л.Н. Гумилев не только сохранил, но и творчески развил многие и принципиальные положения евразийцев? Похоже, на этот вопрос следует ответить положительно. Более того, Лев Николаевич любил позиционировать себя как «последнего евразийца». Ему было лестно принадлежать к их «мощной исторической школе». Он публично признавал, что соглашается с основными историко-методологическими выводами евразийцев, ибо очень внимательно изучил их труды. Но позиционировать себя в качестве евразийца и быть таковым в действительности – разные вещи. Попробуем указать, в какой части Л.Н. Гумилев расходится с ними.

Он сам попытался наметить эти различия. Во-первых, по его мнению, евразийцы в теории этногенеза не знали главного – теории пассионарности. «Им очень не хватало естествознания. Георгию Владимировичу Вернадскому как историку очень не хватало учений своего отца, Владимира Ивановича»⁶³. И это при том, что евразийская доктрина замышлялась как синтез гуманитарной науки и естествознания. Гумилев признавал, что у него довольно редко возникали сомнения в правильности избранного евразийцами пути – «сопоставление вмещающих ландшафтов и истории населяющих их этносов» – принцип был пред-

---

⁶² Гумилев Л.Н. Выбор веры // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии... С. 544.

⁶³ Гумилев Л.Н. «Меня называют евразийцем...» // Там же.. С. 23.

ложен П.Н. Савицким для изучения России – Евразии, и, с точки зрения Гумилева, является верным⁶⁴. Во-вторых, Л.Н. Гумилев, опираясь на труды евразийских теоретиков, почитал возможным объединить историю, географию и природоведение в одну науку – в этом он видел и главную научную перспективу, и главное научное достижение евразийцев⁶⁵.

Наконец, Л.Н. Гумилев всегда позиционировал себя как ученого и только ученого. Евразийцы, как мы пытались показать, были не только учеными, но и идеологами, политиками, общественными деятелями. Все это Льву Николаевичу было решительно чуждо. Он принимал и именно поэтому критически переосмысливал научную, собственно историческую теорию евразийцев, игнорируя все прочие ее составляющие (если, конечно, это было возможно). Отказывать Гумилеву в приверженности евразийским началам на том основании (помимо прочего), что он позиционировал Тимура как мусульманина, а Савицкий – как наследника традиций чингизидов (именно так постулирует М. Ларюэль⁶⁶), представляется нам надуманным⁶⁷. Ведь и в рамках марксизма возможны построения различных картин мира. Если признать, что все советские историки были марксистами в 1940–1970-х гг., то и полемики между ними быть не может ни по общим, ни по частным вопросам – вот логика М. Ларюэль, никак не соответствующая действительности.

Л.Н. Гумилев не популяризатор евразийцев, пересказавший их построения близко к тексту; он их продолжатель, он их интерпретатор. Оттолкнувшись от евразийства, Гумилев действительно выдвинул положения, под которыми, должно быть, не подписались бы ни Трубецкой, ни Савицкий. Однако это не перечеркивает тот факт, что евразийская теория стала краеугольным камнем (не единственным) для теоретических конструкций Гумилева.

---

⁶⁴ Гумилев Л.Н. Скажу Вам по секрету... С. 26.

⁶⁵ Там же. С. 30.

⁶⁶ Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность. С. 59.

⁶⁷ См. подробнее: Сорокин Ю.А. Л.Н. Гумилев об эмире Тимуре // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщ. IV Междунар. науч. конф. Омск, 2005. С. 32–36.

Глава 3

ИЗУЧЕНИЕ А.Н. ГУМИЛЕВЫМ ИСТОРИИ СТЕПНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЕВРАЗИИ. «СТЕПНАЯ ТРИЛОГИЯ»

3.1. *Хунну / гунны*

Обратимся теперь к тем монографиям Л.Н. Гумилева, в которых исследователь пытается свои теоретические штудии применить к конкретно-историческим материалам истории степных цивилизаций. Народ «хунну», известный в Европе как «гунны», стали объектом исследований в двух монографиях Льва Николаевича: «Хунну» и «Хунну в Китае». Л.Н. Гумилев попытался восполнить существенный пробел, наличествующий в отечественной историографии. Связную, сравнительно полную, опирающуюся на солидную литературно-источниковую базу историю хунну подготовил именно Гумилев. Считается, что труды ученого о хунну наименее подвержены воздействию его пассивной теории этноса.

Четкую географическую привязку исторических процессов у хунну Гумилев делает уже во вступлении. Им декларируется, что в монографиях будет изучаться «Великая степь», тянущаяся посреди континента от р. Уссури на востоке до р. Дунай на западе. С севера ее окаймляет сибирская тайга, с юга – горные хребты. Великая степь делится на две части, весьма непохожие друг на друга. Восточная ее часть иначе называется внутренней Азией – это территория Монголии, Джунгарии и Восточного Туркестана. От Сибири ее отделяют хребты Саян, Хамар-Дабан и Яблоневый, от Китая – великая китайская стена между сухой степью и влажными субтропиками, а от западной части –

горный Алтай, западный Тяньшань и хребет Тарбагатай. Западная часть Великой степи включает современный Казахстан, северное Причерноморье, в отдельные периоды – Венгерскую пушту. Во Внутреннюю Азию циклоны с Атлантики, несущие влагу, не проникают из-за горных преград, поэтому над Монголией постоянно висит огромный антициклон. Он прозрачен, легко пропускает солнечные лучи, разогревающие земную поверхность. Зимой выпадает очень мало снега, и травоядные животные легко его разгребают и поедают сухую калорийную траву, весь год обретаясь на подножном корме. Разогретая почва летом размывает нижние слои атмосферы, и в этот зазор вторгается влажный воздух из Сибири и тихоокеанские муссоны. Влаги достаточно, чтобы степь зазеленела и обеспечила копытных кормом на весь год. Там, где сыт скот, процветают и люди. Именно в восточной степи образовались могучие державы хуннов, тюрок, уйгуров и монголов.

На западной окраине толщина снежного покрова превышает 30 см, оттепели бывают часто, в результате на снегу образуется прочная ледяная корка – наст. Жители вынуждены поэтому: 1) кочевать с юга на север и с севера на юг; 2) гонять скот на горные пастбища, следуя за кормовой базой, т. е. кочевка не горизонтальна, а вертикальна; 3) заготавливать на зиму сено, оборудовать постоянные зимовки; в русских письменных источниках они назывались «вежи половецкие». Здесь сложился иной быт и иное устройство общества, чем на восточной окраине. Кроме того, атлантические циклоны могут менять свое направление и протекать не над степью, а по лесной зоне, иногда и по тундре. В степь приходит засуха. Тогда стремительно расширяется зона пустыни и полупустыни. Флора и фауна вытесняется на север, а за ними «в поисках воды и травы» (формула из китайских источников) уходят и люди. Это приводит к трагическим последствиям – широкомасштабным великим конфликтам между лесом и степью. В новой эре, полагал Гумилев, степь трижды пережила великую засуху: во II–III вв., в X в., в XVI в. Всякий раз степь пустела, люди либо рассеивались, либо погибали. Но как только атмосферные потоки возвращались в степь, степняки, в свою очередь, возвращались к привычному быту, а военные конфликты сходили на нет.

По мнению Л.Н. Гумилева, эти грандиозные для Великой степи природные бедствия не влияли ни на социальное развитие, ни на культуру, ни на этногенез. Они воздействовали только на хозяйство и, следовательно, на мощь кочевых держав. Следует ясно понимать следующие обстоятельства:

1. По-настоящему широкомасштабные военные конфликты, переселения степняков на земли, занятые до этого земледельцами, есть следствие прежде всего усыхания Великой степи.

2. Наступление кочевого мира на мир земледельческий происходит в условиях невероятного ослабления кочевников. Они нападают не потому, что сделались сильными, напротив, они не могут жить в родных степях, у них сократилось поголовье скота, в том числе боевых коней, стремительно падает численность людей, и единственное спасение – переселение всего народа. Поэтому они так отчаянно сражаются, ибо они либо погибнут, либо отвоюют себе жизненное пространство у соседей, которые им совсем не рады.

3. В свою очередь, когда атмосферные потоки текут над лесом, земледельческие народы переживают трудные времена – лето холодное и дождливое, зима теплая и многоснежная. Реки подтопляют берега, луга и пастбища превращаются в болота, болота – в озера, хлеб не успевает вызреть и проч. Оказать должное сопротивление степнякам в этих условиях они не могут, со всеми вытекающими последствиями.

4. Все возвращается на круги своя, когда атмосферные потоки вновь начинают протекать над степью. Люди возвращаются в привычную среду обитания, отношения между лесом и степью нормализуются.

Вот на этом фоне Л.Н. Гумилев и разворачивает повествование о хунну, ставя вопрос вот в какой плоскости – почему захлебнулась китайская агрессия на запад, предпринятая династией Хань (II в. до н. э.) и династией Тан (VII–VIII вв.), при этом степняки овладевали дважды всем Северным Китаем. И это притом, что вооруженные силы Китая не менее, чем в 20 раз превосходили хунну во II в. до н. э. и тюрок в VII–VIII вв. Военно-политический потенциал китайцев, уровень развития экономики, науки, культуры в Китае неизмеримо выше, чем в степи. Людские же ресурсы Китая вообще не поддаются сравнению с кочевым миром.

Поисками ответа на этот вопрос Л.Н. Гумилев и занялся в своих монографиях о хунну.

Исследователь полагает, что в результате военных конфликтов предки хунну были вытеснены из Китая, смогли пересечь Гоби и уйти в Сибирь. Они были народом весьма примитивным, лишенным государственной организации и еще не имевшим даже потребности в ней. Заслуга их перед мировой культурой лишь в том, что, освоив кочевое скотоводство, они сумели перебраться через пустыню – песчаное море Гоби, т. е. открыли Сибирь, как их современники – финикийцы, научившись плавать по морю, открыли Европу¹.

История древних хунну не нашла отражения в письменных источниках (в период с 1206 г. до 214 г. до н. э.). Археологические исследования, как показал Л.С. Клейн, совершенно недостаточны для изучения процессов этногенеза. Тем не менее, по мнению Л.Н. Гумилева, можно считать истинным тот факт, что вся центральная Монголия и степное Забайкалье стали ареалом распространения древних хунну. Китай, в упорной многовековой борьбе сокрушив своих врагов и овладев их территорией, оказался в непосредственной близости со степными хунну; те оказались врагами Китая куда более свирепыми и опасными. Довольно скоро хунну выработали свою тактику войны с китайцами: просачиваясь небольшими группами, они шли в набег. Китайцы пытались строить крепости, стены, но очень скоро поняли, что им выгоднее терпеть сравнительно небольшие убытки от хуннских грабежей, чем строить дорогие и неэффективные оборонительные сооружения. Замечательный китайский историк Сыма Цянь рассказал о полководце Ли Му, который требовал в случае вторжения хунну, чтобы войска немедленно уходили в укрепленные лагеря. Хунну брали военную добычу, китайцы не несли потерь, и при случае могли дать серьезный отпор. Это давало возможность хунну, вставших во главе степного племенного союза, вторгнуться большими силами. Ли Му, войско которого состояло преимущественно из лучников, применил правильную тактику и нанес хунну ощутимое поражение.

---

¹ Гумилев Л.Н. Хунну. СПб., 1993. С. 24.

К этому времени Китай объединило царство Цинь, перенявшее у кочевников умение сражаться в конном строю. Цинь Ши-Хуанди стал первым общекитайским императором. С его именем связано строительство Великой китайской стены, объединившей в единый комплекс все существовавшие оборонительные сооружения на границе со степью. Это грандиозное инженерное сооружение, но у Китая не хватало вооруженных сил, чтобы охранять стену на протяжении 4 тыс. км. Поскольку крепость без защитников – не крепость, стена не остановила хунну. Новая династия Хань вернулась к маневренной войне, стену же охраняли военные преступники, сосланные на границу, крестьяне, даже потомки кочевников, уже покоренные Китаем.

Император Цинь Ши-Хуанди, впрочем, не ограничился только строительством стены. Он послал против хунну многочисленную армию. Разбитые хунну потеряли лучшие свои земли, откочевали в пустыню. Шаньюй – великий вождь хунну, избираемый, как считается, пожизненно – отдал старшего сына в заложники, дабы обезопасить себя. Казалось, что с хунну покончено.

Но этот старший сын, Модэ, стал основателем хуннского государства, которое было настолько сильным, что даже тенденциозные китайские историки сравнивали его с Срединной империей. Становление державы хунну во главе с Модэ могло реализоваться лишь в бесконечных войнах с Китаем. Мирный договор, подведший их итог, признал хуннскую державу равной китайской, государи именовали себя братьями. Это беспримерный успех Модэ. Мир с Китаем позволил хунну захватить Восточный Туркестан (Семиречье) на западе.

Л.Н. Гумилев решительно протестует против историографической традиции, согласно которой кочевые державы есть либо племенные союзы, либо орды, спаянные военной дисциплиной. По его мнению, хунну были единым племенем, разделенным на роды, но не конгломератом племен, объединенных в союз. Внутренняя родовая организация не позволяет считать их ордой. Политическая система хунну, по мнению Гумилева, сложна. Во главе державы стоит человек с титулом «шаньюй», что в переводе значит «величайший». Это не царь, противостоящий подданным, а первый среди 24 равных хуннских старей-

шин. Власть шаньюя велика, но ограничена родовой аристократией. Каждый из 24 старейшин имел свою вооруженную дружину. Первоначально хунну выбирали шаньюя по критериям, которые китайские хронисты решительно не понимали, поэтому и затруднялись определить наследования в хуннской державе. Решающим фактором для хунну было завещание старого шаньюя, в котором он называл имя нового, после чего его формально избирали. Чаще всего, но не во всех случаях, преемником становился сын. Важнейшие функции шаньюя – военные, дипломатические, культовые.

Три знатнейших рода обладали правом давать жен шаньюю, потомки их получали высшие должности в государстве по наследству. Система чинов и аппарат управления у хунну были очень сложны и громоздки. Высшие чиновники делились на 5 классов, все они отпрыски рода шаньюя, т. е. его кровные родственники, они не имели родовых потомственных уделов, но получали их по наследству. Наряду с аристократией существовала служилая знать. Не будучи родственниками шаньюя, они служили помощниками чиновников первых 5 классов, фактически выполняя всю управленческую работу. Они, по мнению Гумилева, связаны не с родами, а именно с центральной системой управления; они – аналог монгольских «людей длинной воли».

Налиествовала, конечно, и родовая знать – своеобразные начальники кланов, опиравшиеся на его вооруженных членов, т. е. на ополчение.

Хунну имели собственную систему обычного права. Китайцы считали, что «законы их легки и удобоисполнимы». С именем Модэ связано и «государственное право», каравшее смертью нарушение военной дисциплины и уклонение от военной службы. Неясной остается система землевладения и землепользования у хунну. Рабство хунну знали, рабов очень ценили, но они никогда не занимались работорговлей и не знали долгового рабства.

Основным оружием каждого хунну был лук. Это означало, что он не выдерживал рукопашной схватки ни с пехотинцем, ни с тяжеловооруженным конником, что предопределило военную тактику хунну. Великолепно маневрируя, осыпая противника стрелами, хунну изматывали врага. Они были мобильны,

но не стойки. «Отогнать их было легко, разбить – трудно, уничтожить – невозможно» – констатирует Л.Н. Гумилев². Добыча, взятая с бою, становилась собственностью воина.

Никакого налогового бремени у хунну не было. Средства на содержание шаньюя давала военная добыча и дань с покоренных племен. Китай, отказываясь платить формальную дань, присылал дорогие подарки, часть которых доставалась даже простым воинам.

Хуннский родовой князь, как и шаньюй, был выразителем интересов народа и пользовался его полной поддержкой. Власть шаньюя основана не на узурпации власти, а на традиционном авторитете родового старшины. При этом, по Гумилеву, «по отношению к покоренным народам шаньюй был владыкой, более или менее суровым, а по отношению к своему народу – отцом, более или менее добрым»³. В целом порядок вещей у хунну Гумилевым определялся как геронтократия – власть старейшин (разумеется, речь не о возрасте, по родовым счетам младенец может быть старше глубокого старика). Родовая знать у хунну полностью вытеснила народное собрание. В конечном счете, Гумилев определяет хуннскую державу «как родовую империю» и признает, что нужны были значительные таланты, чтобы ее создать. Гумилев шаньюя Модэ и считает таким талантом⁴.

Модэ в конце своего правления стал широко использовать услуги китайских перебежчиков. Как следствие, у хунну появились «книги, чтобы по числу обложить податью народ, скот и имущество», следствием чего стало стремительное расширение властных прерогатив шаньюя. Доходы государства, стремительно возросшие, позволили шаньюям перераспределять их, не забывая и простых воинов. «Многие хуннские женщины сменили одежду из овчин на шелковые платья. Наряду с кумысом и сыром на столе у хуннов появилось вино, хлеб и китайские лакомства. Источники подчеркивают, что в хуннской державе наступила эпоха изобилия и роскоши, но вместе с тем и упадка нравов» – констатирует Л.Н. Гумилев.

---

² Гумилев Л.Н. Хунну. С. 64.

³ Там же. С. 67.

⁴ Там же.

Хунну нуждались во все большем количестве китайских продуктов, но императоры из дома Хань, монополизировав внешнюю торговлю, не намерены были расширять торговые связи со степью, следствием чего стала новая широкомасштабная война. Ловко маневрируя и почти не неся потерь, хунну разорили и разграбили весь Северо-Западный Китай. Мощная ханьская армия просто не успевала за перемещениями хунну. Мир, заключенный после этого, был для Китая и тяжелым, и позорным. Фактически Хань вынуждены были согласиться на уплату степнякам дани в виде проса, белого риса, парчи, шелка, хлопчатки и «разных других вещей». Позднее, в силу ожесточившейся придворной борьбы в Китае, для хунну были открыты пограничные рынки для свободного обмена, шаньюй получил в жены китайскую принцессу с огромным приданным. Это время (152 г. до н. э.) – кульминация хуннского могущества.

Естественно, что Китай не желал с этим мириться. Хань готовятся к войне с китайским прилежанием; они готовы объединиться со степными народами – врагами хунну. Был разработан дельный план военной компании – хунну должны были попасть в засаду и лишь случай спас их, а от вторжения китайцев в хуннскую степь спасла рухнувшая дамба на р. Хуанхэ. Потребовалось усилие почти 100 тыс. человек, чтобы починить ее. Война продолжилась. Хань изменили тактику, создавая конные легковооруженные отряды, чтобы перенести военные действия в степь. Подготовка таких отрядов – дело многотрудное и очень дорогое, они не годились для обороны и не спасали от ответных набегов. Новая тактика была раскритикована, но принесла свои плоды.

В 119 г. до н. э. китайская армия не просто вышла в степь, но перешла Гоби, чтобы ударить по ставке шаньюя. В жаркой битве победили китайцы, но победа была поистине пирровой. Границей между Китаем и хунну стала пустыня Гоби; восстание тибетцев позволило хуннам оправиться, ибо они получили передышку на 12 лет.

Между тем в Китае протекали очень серьезные социально-экономические процессы, обеспечившие ускоренное развитие Китая. В руках императора сосредоточивались средства, необходимые для широкомасштабных наступательных войн про-

тив хунну, победа над которыми «сулила Китаю значительное политическое и экономическое усиление»⁵.

Для успешной войны со степью нужна была хорошая конница. Боевых коней, равных хуннским, в Китае не было. Добыть их решили на далеком Западе – в Согдиане, куда и были организованы дорогостоящие походы. Успех китайцев был очень умеренным, траты – гигантскими, но все это служило необходимыми акциями для решающего натиска на хунну, начавшегося в 90 г. до н. э. Хуннские шаньюи деятельно готовились к неизбежной войне, сколачивая свою коалицию из враждебных Китаю народов. Перевес в численности – на стороне китайцев, на стороне же степняков, по Гумилеву, – «высокий боевой дух». Война закончилась битвой, оставшейся в истории как «Яньжаньское побоище», в ходе которого китайская армия была просто уничтожена; война с хунну была проиграна и не было ресурсов для ее возобновления. Но и хунну эта победа мало что дала. По мнению Л.Н. Гумилева, вслед за ней начался кризис державы хунну.

Он был спровоцирован ожесточенной борьбой за престол, заметно возросшей долей китайского земледельческого населения в великой степи, возросшей мощью хуннских родов, укрепившихся от победоносной войны. Именно родовые князья, которых Л.Н. Гумилев называет «старохуннской партией»⁶, спровоцировали новую войну. Последовал ряд неудачных для хунну набегов, как следствие, задуманное грандиозное наступление вылилось в рысканье вокруг китайской границы и индивидуальный грабеж⁷. Все это закончилось тяжелейшим поражением хунну. Военной неудаче способствовал голод от массового падения скота и гибели урожая. Потери хунну составили до трети населения. Все подвластные им народы отложились от них. Многие хуннские роды перешли на сторону Китая. Усилились усобицы, которые становились все более кровавыми. Нередко они выливались в настоящие войны между западными и восточными хунну. Хунны, разгромленные Китаем, но все еще желающие воевать, могли теперь делать это на западе.

---

⁵ Гумилев Л.Н. Хунну. С. 98.

⁶ Там же. С. 123.

⁷ Там же. С. 124.

К этому времени власть в Китае захватил великий реформатор Ван Ман, конфуцианец по своим убеждениям. В итоге утвердилась такая жесткая и сильная власть, какой Китай еще не знал. Ван Ман отказался видеть в шаньюе независимого государя, что привело к новой войне, для Китая неудачной. В пограничных конфликтах неизбежно побеждали хунну. Вспыхнувшее затем «восстание краснобровых» привело к гибели узурпатора Ван Мана и формальной реставрации Хань. Войной в Китае хунну воспользовались сполна, восстановив границу, существовавшую при первых шаньюях. К 45 г. до н. э. стало окончательно ясно, что Китай войну проиграл – хунну проникли уже во внутренние районы Поднебесной, где и закрепились.

Спасли Китай, во-первых, «три несчастья» степи: саранча, голод, эпидемии, от которых хунну потеряли людей больше, чем от двадцатилетней войны с Китаем. Во-вторых, новый виток усобиц у победителей. Вкупе с закономерностями этнического процесса (переход от стадии подъема к акматической) это привело к расколу хунну.

Южные хунну процветали за счет торговли с Китаем. В кочевьях восстановлен порядок. Увеличились стада, увеличилась и численность людей. У северных хунну ситуация продолжала ухудшаться – «единомысленные пришли в несогласие и разделились». Против них успешно воевали и южные хунну, и другие степные народы, и китайцы. Разгромленные, они вынуждены были подчиниться южному шаньюю. Китай за это время смог успеть покорить Западный край и грабил тибетцев. Но северные хунну восстали, вынудили китайцев оставить Западный край, который попал под их власть вплоть до Арала или даже Каспия⁸.

Тут вмешался новый кочевой народ – сяньби, одинаково враждебный и хунну, и Китаю. Началась новая тяжелая война. Эта война закончилась гибелью хунну и образованием в 155 г. первой сяньбийской державы, причем сокрушили северных хунну вовсе не китайцы, а сяньби – предки монголов. Они гнали хунну до Урала (6,5 тыс. км). Отставшие, так называемые малосильные хунну, осели в Семиречье, остальные ушли в Европу, где сме-

---

⁸ Гумилев Л.Н. Хунну. С. 189.

шались с уграми и кавказцами, приняли новое имя – гунны, сокрушили аланов и готов и соперничали с Римом. Естественно, за те 200 лет, что они с боями отступали на запад, у них произошли существенные изменения, настолько значительные, что целый ряд ученых не решались отождествлять европейских гуннов и азиатских хунну. Сегодня этот вопрос решен положительно, хотя спор о том, в чем именно состоят отличия между ними, продолжают. Л.Н. Гумилев усматривает их в следующем (см. табл.)⁹.

Различия хунну и гунну (по Л.Н. Гумилеву)

<i>Хунну</i>	<i>Гунны</i>
1. Упорядоченное кочевое скотоводство, родовое владение угодьями, срубы и погребения; деревянные жилища	1. Кочевая кибитка, жилище на колесах, влекомая волами
2. Разнообразная пища, включающая китайские лакомства и вино	2. Пища чрезвычайно упростилась: продукты скотоводства и собирательства; земледелия не знают вовсе
3. Железное оружие и орудия труда; плавка цветных металлов	3. Дефицит железа, широкое употребление кости
4. Одежда из хлопчатобумажной ткани и шелка	4. Холщовая одежда, шкуры диких зверей
5. Оригинальная политическая организация; наследственная власть	5. Их утрата; «случайные» предводители во главе
–	6. Изменение внешнего вида в результате метисации с уграми
–	7. Потеря собственных культурных достижений
–	8. Сохранение принципов организации и ведения войны

Гунны – не единственный субэтнос, оставшийся от старых хунну. Л.Н. Гумилев называет еще три: хунны, подвергшиеся сильному этническому влиянию согдийцев; хунно-сяньби, прародители тюркского и монгольского этносов в Великой степи; китайские хунну, чья ассимиляция закончилась лишь в V в.¹⁰

⁹ Гумилев Л.Н. Хунну. С. 204–205.

¹⁰ Там же. С. 201.

Последним Гумилев посвятил особую монографию «Хунну в Китае». Она была написана после «Степной трилогии» и, пожалуй, в гораздо большей степени, чем монография «Хунну» насыщена теоретическими эскападами автора, примененными к конкретному историческому материалу. Обобщая построения Л.Н. Гумилева, получим следующее.

1. Кочевая культура хуннского периода равновелика любой другой, например, китайской. Предметы кочевого искусства из алтайских и монгольских курганов свидетельствуют, что она была самобытна, достигла очень высокого уровня, гораздо выше, чем культура кочевников XVIII–XIX вв. Это означает, что она переживала подъемы и упадки, т. е. находилась в развитии, а не обреталась в дикости, как полагали многие европейские ученые.

2. Несмотря на устойчивый уровень техники и форм бытия, хозяйство кочевников очень изменчиво вследствие постоянного взаимодействия с природой. Раз природная среда Великой степи весьма разнообразна и зависит от рельефа, степени увлажнения и проч., то кочевники вынуждены были изобретать разные формы адаптации, что, в свою очередь, определяло самобытность разных народов Великой степи.

3. Усыхание степной зоны Евразии достигло своей кульминации в III в. н. э. Полоса пустыни и сухих степей стремительно сместилась на юг. На месте пашни появились барханы, а с ними и кочевник со скотом. Весь северный Китай превратился в зону устойчивых этнических контактов. Северная степь, напротив, обезлюдела.

4. Хозяйство кочевников в этих условиях неминуемо упрощается. Хунну, скажем, утратили земледелие.

5. При всей этнической мозаичности евразийских кочевников, у них наблюдаются общие черты в хозяйстве и быте, основанные на бережном отношении к богатствам природы, что вынуждало их регулировать численность населения двумя путями: 1) стимулировать детскую смертность; 2) вести межплеменные войны, имевших целью убить врага. Европейцу это кажется лютой жестокостью, но в действительности имеет место быть строгая целесообразность: равновесие населения с кормящей природой не нарушалось, обороноспособность оставалась

высокой, перенимание культурных достижений соседей не приводило к размыванию собственного культурного своеобразия.

6. Ведущие противоречия в кочевой культуре есть противоречия между отдельными племенами с различными хозяйственными навыками и разной степенью адаптации к ландшафту. Племена то объединялись в различных комбинациях, побежденные при этом превращались в данников или плательщиков подати; то дробились на реликтовые этносы с социальным застоєм; то исчезали полностью; а люди пополняли собой новые этносы, что вело к сложной социальной трансформации – появлению орды, т. е. государственного начала в степи.

7. Рассматривая историю хунну, историки напрасно, по мнению Гумилева, рассуждают лишь об этом народе, забывая, что и Китай не остался прежним: население Северного Китая после многих ужасов стремительно растет, но среди них нет ни древних китайцев, ни хунну, ни сяньби. Возник новый этнос, который Л.Н. Гумилев называет северокитайским, а современники именовали табгач. Созданная этим новым этносом блестящая культура эпохи Тан и Сун, была еще более яркой, чем в эпоху Хань, т. е. чем утраченная древняя. Преемственность же культуры, по Гумилеву, обеспечивалась не ритмами этногенеза, а иероглифической письменностью.

8. Войны и конфликты хунну и Китая привели к гибели и хунну, и Китая, но для этнолога «равно интересны и подъемы, и упадки, расцвет и гибель, создание и разрушение». То и другое равно характеризует многогранный противоречивый процесс развития, являющийся предметом исторического исследования¹¹.

Эти выводы ученого довольно серьезно критиковали. Л.Н. Гумилев ответил своим критикам. Он заявляет о том, что в монографии «Хунну» процесс становления державы Хунну был продолжен им в деталях, а интерпретации его были сделаны на основе принципов пассионарной теории этногенеза, сформулированной и отчасти опубликованной десять лет спустя. Автор признает, что его книга выдержала жесткую критику со стороны оппонентов, но полемика велась лишь по частным во-

---

¹¹ Гумилев Л.Н. Хунну в Китае. СПб., 1994. С. 3–22, 236.

просам техники исследования и тонкости переводов китайских источников. Основная же, синтетическая, часть работы не вызвала у многочисленных рецензентов сомнений¹².

3.2. Тюрки

Главная публикация Л.Н. Гумилева о тюрках – его монография «Древние тюрки». По признанию автора, он начал работать над книгой 5 декабря 1935 г., а полностью написана она была примерно двадцать лет спустя. Естественно, что за это время она «неоднократно переделывалась и пополнялась», по слову автора. (И неоднократно переиздавалась в последние два десятилетия, добавим мы). Тем не менее она не исчерпала всего обилия материала и не осветила все проблемы, связанные с историей древних тюрков, к которой Л.Н. Гумилев в своем творчестве возвращался вновь и вновь.

Монография «Древние тюрки», кроме того, продолжила историю центральноазиатского региона и народов, населяющих его в разное время, поэтому до известной степени она продолжает традиции, заложенные автором при изучении хунну / гуннов. При этом Л.Н. Гумилев признавал ошибочным мнение, согласно которому центральноазиатские народы повторяют друг друга, хотя их способ производства – кочевое скотоводство – действительно является общим. Но это потому, что применительно к данному ландшафту, он является наиболее устойчивой формой хозяйства, почти не поддающийся усовершенствованию. Но формы быта, учреждения, политика и место в мировой истории у хунну и древних тюрков совершенно различные, как были различны и их судьбы¹³.

Главная проблема, заявленная автором, состоит в следующем: «почему тюрки возникли и почему исчезли, оставив свое имя в наследство народам, которые отнюдь не являлись их потомками»¹⁴. Ученый признает, что значение государства, созданного древними тюрками – Тюркского каганата – огромно,

---

¹² Гумилев Л.Н. Хунну в Китае. С. 18.

¹³ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. СПб., 2002. С. 6.

¹⁴ Там же.

стало переломным моментом в истории человечества. Тюркский каганат, на западе граничащий с Византией, на Востоке – с Китаем, на юге – с Персией и Индией, смог преодолеть разобщенность средиземноморской и дальневосточных культур, наладить устойчивые контакты между ними, так что с VI в. китайцам пришлось считаться с ценами на константинопольских рынках, а византийцам подсчитывать число копеейщиков китайского царя. Этим контактам способствовали великие изобретения человечества: появление седла с металлическими стремянами, вьючной упряжи, знаменитой телеги, наконец, юрты, которая легко собиралась и разбиралась. Огромные пространства гор и пустынь теперь преодолевались много легче, чем раньше.

Тюрки были не только посредниками в контактах запада и востока, но и развивали свою оригинальную культуру, к сожалению, известную меньше, чем культура их соседей. Именно поэтому представления европейской историографии о том, что кочевники – «трутни человечества», вызывает у Гумилева однозначное отрицание. Напротив: древние тюрки наиболее ярко претворили в жизнь великие начала степной культуры, которые зрели еще в хуннские времена и находились в состоянии анабиоза в безвременье III–V в. Это справедливо не только по отношению к материальной культуре. Тюрки создали сложные формы общественного бытия, рафинированные социальные институты: эль, удельно-лествиничную систему, иерархию чинов, отточенную военную технику, военную дисциплину, высокую дипломатию, проработанное мировоззрение и миропонимание, легко противостоящее религиозным, философским и идеологическим системам соседей.

Л.Н. Гумилев намеревался рассмотреть историю тюркютов, иначе, историю Первого тюркского каганата (546–658 гг.), историю голубых тюрков (кок-тюрк), или историю Второго тюркского каганата (658–747 гг.), и историю кочевых уйгуров, создавших свое ханство (747–847 гг.) как единый процесс, обладавший определенной целостностью.

Историю тюрков Л.Н. Гумилев начинает с «пятисот семей Ашина», возникших из слияния многих родов: хунну, сяньби, жужаней и др. Видимо, к легендарному правителю Ашине стекались все люди, которые по разным причинам не могли ужиться

в многочисленных хуннских и сяньбийских княжествах. Они поселились на Южных склонах Алтайских гор и «добывали железо». В китайских хрониках они фигурируют под именем Тукю. Л.Н. Гумилев считал удачной интерпретацию этого термина П. Пелльо как «Тюрк+ют», т. е. как тюрки, но с монгольским суффиксом множественного числа, отсюда и название народа – тюркюты. Своим предком они считали хуннского правителя и волчицу. Сам же термин «Ашина» Л.Н. Гумилев интерпретирует как «благородный волк», а термин «тюрк» как «сильный», «крепкий» (со ссылкой на А.Н. Кононова). Их язык сяньбийский, т. е. древнемонгольский. Это язык военной команды, базара, дипломатии. С этим языком и под знаменами с золотой волчьей головой Ашина в 439 г. перешли с Алтая на северную окраину Гоби. Это была небольшая орда, впитавшая в себя прежде всего потомков хунну, говорящих на тюркских языках. К середине VI в. пятьсот семей Ашина растворились в окружавших их племенах, также заговорили на тюркском языке, сохранив монголоязычие лишь в титулатуре своих правителей. Из этого следует, что тюркские языки сложились в глубокой древности, а народ тюркют – лишь в конце V в.

Условной датой начала тюркской истории является 545 г., подобно тому, как 862 г. был объявлен датой возникновения Древнерусского государства. Тюркюты заключили союз с некоторыми степными народами и одним из китайских государств и разгромили жужаней, которым платили дань железом. В результате они «стали хозяевами всей восточной половины великой степи»¹⁵, при этом они активно вмешивались в китайские конфликты (получая дань в 100 тыс. кусков шелковых тканей в год) и покоряли степные племена на западе, захватив, в частности, центральный Казахстан, Семиречье и Хорезм, а затем, разгромив предков аваров, тюркюты вышли к Волге. Форсировать ее они не стали, укрепившись в приуральских степях.

Возникло огромное государство – от Волги до Желтого моря. Объединенная степь способствовала развитию торговли и общему подъему экономики в Средней Азии; согдийцы как купцы-посредники наладили караванную торговлю между Китаем и Средиземноморьем. По отношению к тюркютам они ста-

---

¹⁵ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 32.

ли верными и лояльными подданными, что укрепляло державу тюркютов – Первый тюркский каганат. Главный товар – шелк. От Китайского моря до границы Персии караваны проходили за 150 дней и еще 80 дней тратилось для перехода до византийской границы.

Византия заинтересована в расширении импорта шелка, но соперничающий с ней Иран, контролируя караванную торговлю, этому препятствовал, не просто завышая цены на ткани, но и жестко регламентируя их количество. Византия пыталась разрешить эту проблему различными способами – неудачно. Но тюркюты, получавшие, скажем еще раз, по 100 тыс. кусков шелка в виде китайской дани, весь его, разумеется, потребить не могли. Согдийцы обратились к своему правителю – хану тюркютов – с просьбой выхлопотать им разрешение на провоз тюркютского шелка в Византию транзитом через Иран. Мудрый шахиншах Хосрой Ануширван, не желая ссориться с союзными тюркютами, сам купил их шелк, заплатив золотом, и тут же, в присутствии послов, сжег его. Согдийцы, не решив проблему миром, подталкивали тюркютов к войне с Ираном, обеспечив великий союз с Византией. Император Юстин II послал тюркютам посольство, принятое ласково. Руководитель посольства, Земарх (киликеец), приглашен был в тюркютское войско, как бы сейчас сказали, наблюдателем. Разумеется, Хосрой не хотел этой войны, как не хотел и крепнущего союза между Византией и Тюркским каганатом. Но сделать было ничего нельзя. Война началась. Тюркюты перешли Амударью, ограбили города; но сражаться с прекрасно организованной армией Хосроя тюркюты мудро не пожелали, полагая, что вот-вот начнется широкомасштабная военная компания Византии, Хосрой Ануширван перебросит свои войска на запад и перед тюркютами откроются соответствующие возможности.

Отступившим тюркютам Хосрой предложил разделить Центральную Азию. В 571 г. договор об этом был подписан. Персы признали за тюркютами право владеть Согдианой, остальная территория отошла Ирану. Это крупный успех Ануширвана, которым он воспользовался сполна, нанеся византийцам ряд тяжелых поражений. Тюркюты в это время громили за Волгой алан, овладели всем Северным Кавказом, дошли до Дербента.

Л.Н. Гумилев, учитывая последующие события, не исключает возможным полагать, что тюркюты искали для своих друзей – согдийцев новый караванный путь в Европу для торговли шелком – через казахскую степь и низовья Волги.

Византия, зажатая в клещи Ираном и аварами, ищет более прочного союза с тюркютами. Но в дело вмешалось обстоятельство сугубо экономического характера. В 853 г. Византия открыла производство собственного шелка. Личинки шелковичных червей тайно были вывезены из Китая в выдолбленном посохе. Шелководство развивалось в Константинополе, Бейруте, Тире и Антиохии. Цены на китайский шелк упали, как и объем продаж, чем тюркюты и согдийцы были весьма недовольны. Кроме того, авары, захватив Северное Причерноморье, нанесли византийцам ряд поражений. С аварским каганатом пришлось считаться и тюркютам. Все это привело к новым раскладам сил и к военному конфликту тюркютов с Византией. Войска хана дошли до Крыма и Боспора, но удержаться на этих территориях не смогли, сохранив господство над Северным Кавказом. Одновременно Хосрой Ануширван вытеснил тюркютов за Амударью, восстановив прежние границы.

Между тем в Китае к власти пришла группировка во главе с Ян Цзянем; они решили перестать выплачивать дань шелком тюркютам. Ян Цзяню удалось занять престол и создать новую династию Суй, перед которой встало две равновеликие внешнеполитические задачи: покорить Южный Китай и разгромить тюркютов. Во имя этого Ян Цзянь пошел на инкорпорацию многочисленной в Китае сяньбийской знати в состав китайских землевладельцев.

Все эти внешнеполитические изменения налагались на радикальные новшества внутри Тюркского каганата. Изменился прежде всего порядок престолонаследия. Введена была военнолествичная система, хорошо описанная в литературе. Поскольку Тюркская держава была создана «мечом и копьем» за кратчайший срок (550–560 гг.), постольку привлечь симпатии новых подданных тюркютам было нечем, а эксплуатировались они жестоко, а следовательно, и поднимали мятежи против дома Ашина постоянно. Тюркютам необходимо было пресечь отделение окраин. Покоренные народы и племена хранили верность

лишь тогда, когда панцирная конница тюркютов с волчьими головами на знаменах была поблизости. Но чем будет гарантирована лояльность тюркского наместника хану, если он будет располагать такой значительной военной силой. Раз родство, добрые чувства и личные качества наместника не обеспечивали лояльность, нужно было приводить их и центральной власти другими путями. Удельно-лествиничная система устанавливала порядок и очередность престола. Наследовал не сын отцу, наследовал старший племянник младшему дяде и младший брат старшему брату. Дети хана получали уделы на окраинах и спокойно годами ждали своей очереди. Эту систему на Руси ввел Ярослав Мудрый; она известна как «ряд Ярослава». Тюркютские уделы представляют собой район с закрепленными за ними военными силами и не слишком похожи на европейские феодалы¹⁶. Ставка великого хана (хакана или кагана) находилась на Алтае. При таком подходе наследник с титулом «тегин» везде известен заранее. На престол всходили люди пожилые, опытные; удельные князья в ожидании своей очереди не затевали смут.

Но избавиться от усобиц тюркютам не удалось, хотя, по Гумилеву, не удается найти случаев восстания народа / дружинников против хана.

В социальной структуре каганата ведущим признаком выступает совмещение военного и племенного строя, обозначаемого как «эль». «Великий эль» тюркютов противопоставлялся ими как классическим племенным союзам степных народов, так и орде. Учеными термин «эль» переводится и толкуется по-разному, но обязательно наличие завоеванных племен, принужденных уживаться в мире с ордой. «Эль», по Гумилеву, наиболее адекватно перевести как латинское «*impregium*» или русская «держава». Взаимодействовать завоеватели и завоеванные должны были мирно. На деле же эль тяжел и для побежденных, желающих отложиться, и для победителей, лишенных покоя, всегда готовых к войне. Эль, по Гумилеву, изначально был очень жесткой формой политического объединения племен, поэтому так недолговечны были тюркские образования¹⁷. По мнению

---

¹⁶ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 65.

¹⁷ Там же. С. 114–115.

Л.Н. Гумилева, к тюркютскому обществу полностью применимы характеристики варварства и военной демократии, которые предложил Ф. Энгельс в своей классической работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Конечный вывод Л.Н. Гумилева таков: держава рода Ашина «стояла на стадии военной демократии, поглотившей родовой строй, и направлена была острием против своих соседей, служивших для нее объектом эксплуатации. Антагонистическое противоречие лежало в отношениях грабителей к ограбляемым; держава Ашина была неким подобием Спарты, но во много раз сильнее и больше»¹⁸.

Естественно, высокий уровень развития военного дела – основа такого сообщества. Напомним, что тюркюты начинали как металлурги на Алтае, получаемое ими железо было очень высокого качества, как и изделия из него. На территории Тувы тюркюты плавил цветные металлы. Добыча железа в промышленных масштабах позволила ханам перевооружить свои войска и создать отборные, ударные части из латной конницы. На их вооружение были сложные роговые луки, панцири, копья, сабли и палаши. Панцири – пластинчатые, доходившие до локтя и колена. Лошади у тюркютов (высокие с широким крупом, короткой шеей и тяжелой головой) решительно не похожи на малорослых монгольских коней. Конская сбруя очень богата. Лошади были прекрасно выезжаны и очень ухожены. Наличие седла и металлических стремян позволяли коннику наносить мощные удары копьем или саблей (палашом), стремиться к ближнему бою. Хунну такой возможности были лишены. Наличие панцирной конницы, сражавшейся в конном строю, и обеспечило тюркютам молниеносный успех. Но брать города такая конница не могла.

Одновременно у тюркютов существовала легкая конница; главное оружие всадника – мощный лук.

Главным занятием тюркютов после войны было кочевое скотоводство и облавная охота. Разводились главным образом овцы и лошади. Система аильного хозяйства (силами одной семьи) дополняется куренной системой (ряд семей в целях безо-

---

¹⁸ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 73.

пасности кочуют вместе, огораживая ставку телегами и дозорами. В итоге – «постоянного местопребывания нет, но каждый имеет свой участок земли», который невозможно ни купить, ни продать.

Даже китайские поэты восторгались жилищем кочевника – юртой, гениальным изобретением тюрок. Считается, что ханская юрта легко вмещает более сотни человек (в литературе названа и другая цифра – 500 гостей). Летом в ней прохладно, зимой тепло. Разбирается и собирается она за несколько часов и даже небольшого костерка хватает, чтобы обогреть все помещение.

Нетрудно заметить, что тюркюты вполне адаптированы к вмещающему ландшафту и в их хозяйстве действительно мало что могло измениться к лучшему.

Но вернемся к политической истории. В эле началась «великая распря» (581–593 гг.), сопровождаемая войной с династией Суй. Тюркюты одерживали военные победы, а китайцы – дипломатические, успешно ссоря ханов из дома Ашина между собой. Ян Цзянь в обмен на формальное признание зависимости тюркютских ханов передавал им шелк, разрешал кочевать у китайских границ, оказывал военную помощь, помогал зерном и проч. Поскольку дары императора были реальны, а вассальная зависимость неощутима, тюркютские ханы сочли, что они выиграли войну. При этом китайские войска выдвинулись в степь и стали участвовать в борьбе одного тюркского хана против другого. При этом восточные тюркюты претендовали на главенство, а западные – на самостоятельность. В начале войны между ними носила характер усобицы, т. е. династического конфликта, но когда пролилось много крови, кровная месть не позволяла тюркютам примириться. Лишь в 593 г. был заключен хрупкий мир, восстановивший границы каганата и стабилизировавший границы между основных участников великой распри¹⁹. При этом три из четырех основных участников великой распри погибли.

Тюркютская держава выстояла, оставаясь главным врагом Суйского Китая. Мир вновь обострил проблему шелкового пути. Иран по-прежнему не пропускал караваны с шелком в Ви-

---

¹⁹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 131.

зантию; доходы согдийцев и тюркютских ханов падали. Нужно было договариваться с Византией, чтобы сломить Иран. Если бы это удалось, от Ирана, по выражению Фирдоуси, остался бы кусочек воска. В 589 г. деятельность всех антииранских сил была скоординирована, хотя формально военный союз не был заключен. Но Иран после реформ великого Хосроя Ануширвана был силен, обладал профессиональным войском, состоящим из пеших стрелков. Вместе с тем война с Византией проходила с переменным успехом, нападение арабов требовало напряжения всех сил, так что тюркам мало что можно было противопоставить. На совете у шахиншаха, воспетого Фирдоуси, было принято гениальное решение: заключить мир с Византией ценой территориальных уступок, отступление арабов купить предоставлением им продовольствия. Наступление тюркютов по Дарьялскому ущелью остановится само, ибо они обременены сверх меры военной добычей. Все это позволит сосредоточиться на тюркютской агрессии с востока, ибо «когда тюркок приходит из-за Джейхуна, медлить не следует». План был реализован.

Сопротивление тюркютам, перед которыми уже бежала 70-тысячная приграничная персидская армия, возглавил правитель Армении и Азербайджана Бахрам Чубин. У шахиншаха он испросил всего 12 тыс. воинов, но в возрасте от 40 до 50 лет, великолепных конных стрелков. Пущенная ими стрела летела на 700 м. и пробивала панцирь²⁰. Армия тюркютов насчитывала, по разным данным, от 300 до 400 тыс. воинов. Вступив с ними в переговоры, иранцы заманили их в Гератскую долину, узкую, окруженную горами. Тюркюты лишились возможности маневрировать, как и персы. Можно было только сражаться. В страшном бою победили персы, спасся лишь один тюркют из десяти.

Гератская победа спасла сасанидский Иран. Двадцать лет тюркюты не решались нарушать границы. Между прочим Бахран Чубун, восставший против шаха и разбитый, бежал к тюркютам и был принят ласково. Бахрам подвизался у тюркок консультантом по Ирану и даже должен был возглавлять тюркские войска в новом походе, но был заколот наемным убийцей, посланным шахиншахом.

---

²⁰ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 143.

Объединившийся после мира 593 г. каганат потребовал от суйского императора выполнения договоренностей, т. е. шелка, свободы для меновой торговли и проч. Решать проблему китайцы должны были дипломатическими методами, столь эффективно сработавшими ранее. В ханской ставке объявились китайские дипломаты, сложными интригами они добились казни упорных противников Китая и создали китаефильскую группировку. Их неблагоприятные поступки открылись. Тюркюты и Суй оказались перед угрозой новой войны.

Китайский офицер Ли Юань, будущий основатель династии Тан, обучил своих солдат военному искусству тюрков, готовя их к новой войне. Летом 592 г. тюрки потерпели ряд тяжелых поражений, законный наследник Жангар перебежал к китайцам. Ян Цян провозгласил его главой всех тюркитов, получив «карманного кагана». Китай воспользовался этим сполна, фактически добившись раскола государства тюркитов, и если восточные тюркюты вполне покорились Суй, то на западе дела обстояли иначе. Власть их ханов из дома Ашина признали и кочевники, и оседлые народы вплоть до низовий Волги, причем первые обеспечивали ханов военной силой, вторые доставляли богатство. Но и здесь сохранялась межплеменная вражда, не были урегулированы до конца отношения с Ираном и проч.

Ситуацию во многом исправляла нестабильность в Китае, потрясаемого непрерывными бунтами и смутами. Воспользовавшись этим, восточные тюркюты начали новую, на этот раз победоносную войну. Тюркютский хан, договорившись с китайскими полевыми командирами, в том числе и с Ли Юанем, «стал фактически хозяином Срединной империи»²¹. 18 июня 618 г., пользуясь всеобщей неразберихой, Ли Юань объявил себя императором и назвал свою династию Тан. Поскольку ему помогали тюркюты, это была и их победа.

Тан проводили, по данным Гумилева «сознательную и оздоровительную» работу; успешной была военная реформа. Тан желали сплотить всех своих подданных, поощряли смешанные браки, принимали на службу всех дельных людей вне зависимости от их этнической принадлежности. Интерес ко всему иноземному стал модным. Даже при дворе императора на

---

²¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 191.

пирах ели тюркютскую пищу, носили степную одежду, на зиму переселялись в юрты. Фактически произошло объединение Китая и степи – вот конечный вывод Л.Н. Гумилева.

Одновременно восточные тюркюты в степи столкнулись с уйгурами. Последние также кочевники-скотоводы, говорившие с тюркютами на одном языке. На этом сходство заканчивалось. Тюркюты наиболее монголоиды из всех тюрков, уйгуры – европеоиды, рыжие и голубоглазые. Оставив в стороне многие политические и военные коллизии, констатируем, вслед за Гумилевым, что к концу 20-х гг. VII в. сложились две грандиозные коалиции: в одну входили Танский Китай, Западный каганат и Византийская империя, в другую – Сасанидский Иран, Восточнотюркский каганат и держава Аваров. Первая коалиция заинтересована в торговле шелком, т. е. выступала за мир, покой, безопасность дорог. Грандиозная война началась вторжением восточных тюркютов в Китай, вначале вполне успешным, но потом, в силу разных причин, темпы наступления упали. Гумилев увидел в этой войне следующую закономерность: набеги тюркютов, как правило, были удачны, а осада крепостей не давала результата²².

Это обострило борьбу за власть различных придворных группировок в Китае. Победил в ней талантливейший Ли Шиминь, второй сын основателя династии. Он не только смог остановить агрессию тюркитов, но и заключил с ними мир на 3 года. Вскоре последовали грандиозные события, которые Л.Н. Гумилев назвал «мировой войной VII в.». Византийский император Ираклий нанес Ирану тяжелейшее поражение и принудил к миру. Без помощи западных тюркютов добиться такого успеха было невозможно. Хан восточных тюркютов погряз в войне с уйгурами и готовился повторить поход против Тан. Западные тюркюты продолжали воевать с Ираном. Они взяли и разгромили Тифлис, совершили удачные походы в Армению. Военная добыча колоссальна, но конфликты внутри западнотюркского каганата свели на нет военные успехи.

После трехлетней передышки Танский Китай перешел в наступление против восточных тюркитов и нанес им ряд тя-

---

²² Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 212.

желейших поражений, после которых восточно-тюркская держава фактически перестала существовать. Успех был молниеносным и полным, в его основе – согласие степняков признать императора своим ханом, за которым пошли не только тюрки, но и уйгуры, согдийцы, корейцы. Итак, в 630 г. на обломках Восточнотюркского каганата возникла могучая империя Тан – многонациональная и веротерпимая.

Причины крушения тюркютов осмысливались по-разному. Китайские авторы считали свою победу естественной, т. е. закономерной, для тюрков она стала следствием ошибочной политики ханов, т. е. была случайной. По мнению самого Гумилева, Тан желал примирить Китай и степь в рамках единого государства и единой культуры. Это утопия, породившая однако блестящую историю и великую культуру Тан²³. Ли Шиминь с побежденными был милосерден, чем завоевал сердца тюркютов и свел на нет их сопротивление. Они были расселены на степных границах империи с обязательством нести караульную службу, которая неплохо оплачивалась. Мир и покой воцарился на степных границах Тан на полвека.

Западнотюркский каганат сотрясала в это время гражданская война, закончившаяся победой партии мира, заключившей мир с Китаем. Следствием этого было стремительное ослабление ханской власти за счет племенной аристократии, не тюркской по своему происхождению. Император Тан легко мог бы его завоевать, но, будучи мудрым правителем, от завоевания воздержался, ибо эту территорию удержать Китаю было очень сложно. К середине VII в. Тан обеспечили единство и мир для покоренных, отказавшихся от независимости племен и народов. Программа Ли Ши-миня была реализована. Собственно, недовольны Тан были только «конфуцианские интеллектуалы», но их брюзжание было не страшно для империи, «так как за него стояли верность кочевых войск и популярность среди широких масс народа. Династия Тан могла себе позволить милосердие и терпимость»²⁴, что не исключало продолжение войн, в ходе которых Тан сокрушили западнотюркский каганат, и

---

²³ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 231–232.

²⁴ Там же. С. 263.

хотя очаги сопротивления еще тлели, к 679 г. с тюркютами было покончено – 70 тыс. западных тюркютов переселились в Китай.

Одновременно началась тяжелейшая китайско-тибетская война «за обладание Западным краем», поглощавшая все силы противоборствующих сторон. Победил в этой войне Китай, но лишь в начале VIII в. Длительной паузой смогли воспользоваться прямые потомки тюркютов – голубые тюрки, которые вместе с уйгурами жили по обе стороны пустыни Гоби.

Голубые тюрки много унаследовали от предков-тюркютов, но много заимствовали и от соседей, т. е. потомков хунну, уйгуров и проч. Они сохранили верность ханам из дома Ашина. В 679 г. они подняли восстание, совершенно неожиданное для китайцев. Танские историки не смогли найти для него видимых причин и ограничились констатацией факта – «взбунтовались»; сами тюрки в ряде надписей объяснили, что они восстали, желая вернуть утраченную государственность (свой эль). Довольно скоро восстание было разгромлено, но не утихало. Китай же, занятый войной с Тибетом, что называется, не довел дело до конца. Глава восстания, Кутлуг, увел свой народ на север и укрылся в черной тайге, создав здесь базу для сокрушительных набегов, в результате которых сформировался Второй тюркский каганат. Анализ письменных памятников, оставшихся от голубых тюрок, убедил Гумилева, что они имели собственную программу, квинтэссенция которой – создание собственного эля; таким образом, тюрки отказывались от сытой жизни в Китае, но переставали быть китайскими «ландскнехтами». Эту программу удалось сделать общим достоянием всего народа.

В последовавшей затем упорной борьбе Китай сумел натравить на голубых тюрок енисейских киргизов и западных тюрок, и сам готовил мощные карательные экспедиции в степь. Однако тюрки нашли своих героев – мудрого Тоньюкука, адепта тюркского единства, занимавшего пост ханского советника, и великого полководца Кюльтегина. Перевалив через заснеженный Саянский хребет, они нанесли тяжелое поражение кыргызам. Затем неожиданным ударом Тоньюкук сокрушил западных тюрок, собрав огромную дань с согдийцев. В Средней Азии Тоньюкук столкнулся с арабами и мудро отступил, лично при-

крывая отступление. Угроза с запада была ликвидирована, но территория его не была завоевана и война продолжалась, пока не стабилизировалась граница между халифатом и Китаем. Наконец, в 712 г. была разгромлена 120-тысячная китайская армия. Эти успехи укрепили власть ханов, которые, увы, все более начинали злоупотреблять своей властью. Кочевые народы, признавшие подданство коктюрок, этого терпеть не желали и восставали либо уходили в Китай. Внутренняя рознь после недавних побед разъедала каганат. Тоньюкук был уже стар, ему перевалило за 70. Спасать каганат пришлось Кюльтегину. Во-первых, он одержал ряд громких военных побед, сделавшись героем. Во-вторых, Кюльтегин совершил военный переворот, обеспечив престол своему старшему брату с титулом Бильге-хан. В-третьих, он привлек на свою сторону Тоньюкука. Образовался триумвират, управлявший каганатом. Они смогли выработать новый принцип стратегии – активная оборона, и новый принцип политики и идеологии – противопоставление себя Китаю²⁵. Конечная цель – достойный мир, но достигнуть его можно было лишь самой отчаянной войной, которую тюрки и провели, разбив всех своих врагов в Великой степи, т. е. степь была «замирена». Подчеркивая выдающуюся роль Кюльтегина и Тоньюкука, Гумилев находит роль Бильге-хана также очень значительной. Главная его заслуга – он обеспечил двадцатилетний мир. Но при этом Второй каганат был только тенью первого²⁶.

Между тем существование Второго каганата убивало имперскую идею Тан: вместо общеазиатской империи существовала только китайская, а степь «из резервуара великолепной боевой силы» превратилась «сферу притяжения всех врагов империи»²⁷. Китайцы вынуждены были перестроиться, вновь реформировали армию и ждать момента. В 742 г. против тюрок восстали уйгуры, ведя с каганатом освободительную войну. Она была успешной. Тюрки лишились хана и отступили. Спротивлялись они мужественно, но «тюрок ловили и убивали всюду, как волков, и знамя с золотой волчьей головой больше ни-

---

²⁵ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 352.

²⁶ Там же. С. 361.

²⁷ Там же. С. 402.

когда не взвилось над степью» – заключает Л.Н. Гумилев²⁸. Оставшихся в живых тюрок возглавила вдова Бильге-хана, дочь Тоньюкука и привела их в Китай, оговорив условия сдачи. Но спасла она людей, а не народ, довольно скоро ассимилированный на границе. Победители – уйгуры – пытались уничтожить даже каменные памятники тюркским богатырям, разграбили гробницу Кюльтегина и, по мнению Гумилева, достигли своей заветной цели – от древних тюрок остались только имя.

Победители – уйгуры создали свой каганат. Но поскольку степные племена дробились и складывались в новых комбинациях непрерывно весь VIII в., потребовался новый принцип для объединения людей – вероисповедальный. В уйгурском каганате появилась государственная религия – манихейство, одна из антисистем, столь ненавистных Л.Н. Гумилеву. Торжество манихейства поссорило уйгуров с мусульманами Средней Азии, буддистами Тибета, конфуцианцами Китая, степными шаманистами. Впрочем, были и светлые стороны. Манихейство принесло новую письменность – появился новый алфавит, названный уйгурским, очень простой и удобный. Поскольку манихейский канон предусматривал постные дни, скотоводы и охотники должны были хотя бы завести огороды – таким путем распространялось земледелие. Уйгуры пытались строить города, приглашая согдийских и китайских строителей. Во всяком случае, столицу – г. Карокорум – они отстроили. Резюме Л.Н. Гумилева: «Уйгурия чрезвычайно быстро стала превращаться в культурную страну»²⁹.

Начавшаяся в Китае гражданская война благоприятствовала Уйгурии, как и эскалация военного конфликта китайцев с Тибетом. Китайцы даже обратились за помощью к арабам. Халиф Харун-ар-Рашид согласился начать военные действия против усилившихся тибетцев и вел их успешно. Уйгуры в этих условиях пытались поддерживать Китай и сражались с тибетцами с переменным успехом. Тибетская армия, в свою очередь, не смогла сокрушить уйгуро-китайскую коалицию, но тибетская дипломатия успешно рассорила уйгуров с китайцами, на-

---

²⁸ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 406.

²⁹ Там же. С. 428.

травила на них енисейских киргизов. В конечном счете победа досталась Тибету.

Война вызвала в Уйгурии заметные изменения. Власть сосредоточилась в руках племенных вождей, избравших хана. Л.Н. Гумилев полагал, что Уйгурское ханство перестало быть монархией и превратилось в подобие республики с пожизненным правителем, который вместе с властью терял и жизнь. Укрепилась община манихеев. Начались религиозные гонения. Именно поэтому уйгуры повсеместно встречали большее сопротивление, чем тюрки: те требовали покорности и дани, а уйгуры навязывали весь уклад своей жизни³⁰. Манихейство разделило в Уйгурии аристократию и народ. Губительная антисистема сказывалась через три поколения – именно столько и продержалась манихейская Уйгурия. Подобно тому, как уйгуры когда-то боролись за свою свободу против коктюрок, теперь против уйгуров боролись кыргызы. От них отвернулся Китай. Начались усобицы. «Последний глава уйгуров с женой, сыном и девятью всадниками уехал куда-то и пропал без вести»³¹.

Уничтожение Уйгурской державы – акция не только военно-политическая. Начались гонения на манихеев, что расчистило дорогу буддизму. Тем не менее оставшиеся в живых уйгуры смогли создать небольшие, но вполне жизнеспособные и крепкие княжества, из которых выросла средневековая Уйгурия. С конца IX в. уйгурами стали называть население предгорий Тянь-Шаня, унаследовавших китайские владения на Западе.

3.3. Монголы

Завершает степную трилогию книга Л.Н. Гумилева «В поисках вымышленного царства». Под последним понималось христианское царство пресвитера Иоанна, о котором поминают западноевропейские хроники. Сам автор признавал, что свое внимание он уделяет не легендарному, никогда не существовавшему царству, а способу понимания прекрасной науки – истории.

---

³⁰ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 471–472.

³¹ Там же. С. 477.

В предисловии к первому изданию книги известный советский ученый – археолог, профессор С.И. Руденко констатировал, что данная книга не укладывается ни в один из принятых в современной научной литературе жанр. Ее нельзя назвать научно-популярным очерком, ибо помимо прочего, она популяризирует не результат сугубо научных академических исследований, а то новое, что есть в ней самой. Популярная форма, а главное – метод исследования отличают ее от научной монографии. С.И. Руденко готов ассоциировать книгу Гумилева с научным трактатом «в средневековом смысле слова». Очевидно, сам Гумилев не возражал против такого толкования жанра его сочинения. По мысли Руденко, жанр трактата позволил автору использовать данные различных разделов истории, источниковедения, физической географии, климатологии, криминалистики и, синтезируя все это, получить оригинальный текст.

Легенда о царстве пресвитера Иоанна для Гумилева лишь повод для исследования целой эпохи в истории кочевых народов Центральной Азии от распада Тюркского каганата до образования Монгольской империи, т. е. VIII – первая половина XIII вв. В этом смысле данная работа продолжает проблематику и традиции монографии «Хунну» и «Древние тюрки».

Особо отметил С.И. Руденко новый научный метод, предложенный Л.Н. Гумилевым: применение исторической дедукции к конкретному материалу вместо общепринятой индукции. Последняя хороша, когда речь идет о накоплении материала. Но создать обобщенную историческую картину посредством индукции невозможно. Отсюда и авторская дедукция. Поэтому книга Гумилева, по С.И. Руденко, не есть только историческое исследование; она является необходимой ступенью «к созданию синтетической науки» – этнологии³².

В означенной монографии Л.Н. Гумилев смог высказаться по целому ряду актуальных проблем всемирной и отечественной истории. Мы сосредоточимся на утверждении ученого, что Чингисхан и его империя заведомо существовали и на некоторых положениях методологического характера.

---

³² Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. М., 1992. С. 3–5.

Так, Л.Н. Гумилев категорически отрицает географический детерминизм, авторство которого в литературе приписывается Ш. Монтескье. Гумилев же просто хорошо знает географию, постоянно цитируя видного русского историка И.Н. Болтина, заявившего: «При всяком шаге историка, не имеющего в руках географии, встречается протыкание»³³.

В XI в. муссоны вновь принесли в степь дожди, здесь вновь стали возникать новые народы и новые державы, в частности, тюрки-шато и кидани, но особенно автору интересны монголы – самостоятельный этнос, живший с I в. н. э. в современном Забайкалье и Северо-Восточной Монголии. Согласно свидетельствам современников, заявляет Л.Н. Гумилев, монголы «были народом высокорослым, бородатым, светловолосым и голубоглазым»³⁴, т. е. так же, как уйгуры и енисейские кыргызы, принадлежали к европеоидам. Монголы довольно легко пережили засуху X в., но их почти не коснулось и озеленение степи в веке XI. Гегемония среди всех монгольских племен принадлежала татарам. Соотношение понятий «монгол» и «татарин», по Гумилеву, весьма неодинаково в различные эпохи. До XII в. китайские авторы рассматривали монголов как часть татар, в XIII в. уже татар стали рассматривать как часть монголов, причем в XIII в. этноним «татар» в Азии исчезает, но воскресает у поволжских тюрок. Русские летописи оперируют термином татары применительно ко всему степному воинству³⁵.

В начале XI в. в степи начинает стремительно распространяться христианство нестерианского толка. Его принял крупный монголоидный народ кераиты, затем потомки тюрок-шато, гузы. У уйгуров нестерианство успешно вытеснило манихейство, христианство приняли даже кидани и меркиты. Вне восточнохристианского единства оказались монголы в междуречье Онона и Керулена.

Основным элементом древнемонгольского общества был род, находившийся в стадии разложения. Во главе монгольских родов стояла аристократия (нам более привычен термин «родоплеменная знать»), богатая и сильная, носившая разные ти-

---

³³ Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. С. 24.

³⁴ Там же. С. 74.

³⁵ Там же. С. 77–78.

тулы. Их главная задача – охранять свои и занимать чужие пастбища и захватывать работников (рабов) для ухода за скотом. К числу последних относились, как правило, целые роды, принявшие зависимость добровольно или захваченные более сильными родами. В правовом отношении они были почти равны своим хозяевам. Крайне слабое развитие обмена консервировало родовые отношения. Член рода всегда мог надеяться на его поддержку, но и был готов выполнять свои обязанности по отношению к роду, главнейшая из них – верность роду и его руководителям.

Между тем процесс разложения стал проявляться в том, что от рода в силу любых причин стали откалываться отдельные семьи или отдельные люди. Китайские источники называют их «белотелыми», т. е. «белой костью», на родном же языке они назывались «люди длинной воли». В древнерусском обществе подобных им называли «изгои» или «изверги». Такие люди в рамках родового строя есть всегда. Как правило, судьба их трагична – они не имеют ни пастбища, ни земельных угодий; они беззащитны, так как не пользуются помощью и покровительством рода. Их ждет смерть. Но сейчас в великой степи людей длинной воли становилось все больше – это одно из проявлений разложения родового быта – и они получили возможность объединиться, чтобы выжить. Их объединителем, как было всегда и везде, выступал военный вождь с яркими талантами и несомненной удачей. Одним из таких вождей и был некий Тэмуджин (Темучин), еще не ставший Чингисханом.

Л.Н. Гумилев полагает, что Тэмуджин родился в 1162 г.; отец его происходил из знатного рода Борджигинов. Когда малышу исполнилось девять лет, отец его был отравлен; племенное объединение после его смерти развалилось, при этом соплеменники угнали весь скот, оставив семью вождя в лютой нужде. Приходилось добывать пропитание охотой и рыбной ловлей. Последнее означало крайнюю степень бедности для монгола. Жизнь Тэмуджина легкой не назовешь: он бывал в плену, сидел в колодках, познал предательство брата, дружбу и побратимство, счастливый брак, плен жены, борьбу за ее освобождение и проч. Особняком здесь стоит вначале сближение и дружба, а затем вражда, вооруженное столкновение с побратимом,

вождем монгольского племени джаджират Джамухой. По крайней мере, начало «целестремленной политической борьбы» в монгольской истории Гумилев связывает с их конфликтом³⁶.

Конфликт этот спровоцирован не столько их личными отношениями, сколько политическими реалиями у монголов во второй половине XII в., связанных с поисками будущего. Родовые старейшины монголов хотели создать, выражаясь языком современным, конфедерацию племен с выборным ханом, т. е. оставаться на этапе военной демократии. В этих условиях более всего для ханского престола подходит Джамуха – знатный человек, «опытный воин и изворотливый политик». Людям длинной воли при таком будущем места в степи не остается. Они сплотились вокруг Тэмуджина, ратуя за орду – государственное начало с сильной ханской властью. Таким ханом они в 1182 г. и избрали Тэмуджина с титулом Чингис, принося ему клятву, в которой оговаривались все взаимоотношения орды и ее главы.

Военный конфликт между побратимами стал не просто неизбежен – война была необходима всем, ибо «на небе нет двух солнц, может ли народ иметь двух правителей»³⁷. Курени объединились вокруг Тэмуджина, племена вокруг Джамухи. В конце концов он был предан собственными воинами, выдан Чингисхану и казнен. Родоплеменное начало уступило место государственному. В 1206 г. на собрание – курултай – собралось все войско, следовавшее за Тэмуджином. Он вновь был избран ханом с подтверждением титула. Тогда же было определено имя разноплеменного народа – войска, избравшего Чингисхана, – монголы.

Родовой принцип в орде Чингисхана был нарушен немедленно. Все должности раздавались сообразно заслугам, а не происхождению. Воины развертывались по десяткам, сотням и тысячам, обязаны были служить от 14 до 70 лет. Общая численность войска составляла 110 тысяч воинов; лучшие десять тысяч образовали гвардию для охраны ханской ставки.

В основу нового закона – Ясы Чингисхана – положены традиции войска. Единственное или, по крайней мере, главное преступление – обман доверившегося, наказание – смертная казнь или ссылка в Сибирь. Важнейшая должность в орде – хранитель

---

³⁶ Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. С. 118.

³⁷ Там же. С. 121.

Ясы (что-то вроде генерального прокурора). За нарушение Ясы даже хан мог потерять свою власть (вместе с жизнью)³⁸.

Государственный строй державы Чингисхана Л.Н. Гумилев отказывается считать демократией, империей, монархией, тиранией. Не было ни дворянства, ни аристократии, а на государственной службе закрепощены были все. Хан при этом – пожизненно избранный президент.

Экономика объединенной Чингисом Монголии испытывала серьезные проблемы. В условиях тяжелой степной войны главное богатство – поголовье скота – неминуемо сокращалось. Армия в условиях враждебного окружения не могла быть распущена, следовательно, ее нужно было кормить. Прокормить войско могла только война. Конечный вывод исследователя таков: «Новорожденная империя возникла из-за войны и для войн, поводов для которых оставалось еще немало»³⁹.

Любое правительство не может обойтись без денежных средств, но с народа – войска, обязанного только служить, невозможно было собрать еще и налоги. Напротив, ему нужно было предоставить средства на вооружение и жизнь. Хан пытался получить деньги в виде пошлин за караванную торговлю, что включало орду в сложную систему международных отношений.

Различные политические коллизии привели к тому, что свою покорность Чингисхану предложили уйгуры – народ, как мы уже сказали, оседлый, торговый, обладающий письменностью. Именно уйгуры сделались государственными чиновниками, получив также свободу торговых сделок. Языком делопроизводства стал уйгурский. Это укрепило орду, усилило государственные начала в ее управлении.

Пришел и успех военный. В 1215 г. монголы взяли Пекин; продолжилась степная война, после 1218 г. главным соперником монголов в степи остались половцы (кипчаки); позже они разгромили Хорезм, им добровольно подчинился Тибет, а в 1235 г. была окончательно сломлена держава Кинь (чжуржэни), что делало возможным великий поход на запад, в ходе которого Батыем были разгромлены половцы, Русь, венгерское королевство, нанесено тяжелое поражение немцам и полякам.

---

³⁸ Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. С. 129–130.

³⁹ Там же. С. 130.

Но необходимость выбрать нового великого хана и борьба партий внутри монгольского войска принудили Батюю вернуться в половецкую степь. Главная проблема, которую предстояло решить на новом курултае – что делать с побежденными. С одной стороны, многие были включены в Орду и получили равные с монголами права. С другой – по отношению к земледельческому населению эту политику применить было невозможно. Чем же удерживать их – силой или милостью? Решил этот вопрос не хан и не чингизиды, а иноземец, по одним данным, уйгур, по другим – отпрыск киданьского царского дома, – Елюй Чуцай. Великим ханом Угедеем, сыном и преемником Чингисхана, он был назначен «начальником великого императорского секретариата», т. е. начальником гражданской администрации завоеванного Китая. Он провалил требования некоторых военных командиров вырезать всех китайцев и превратить их пашни в пастбища, предложив вместо этого вернуть китайцев к мирной жизни и собирать налоги. Деньги хана соблазнили, и он обеспечил Елюй Чуцаю свободу рук. Реформы последнего призваны были превратить военную империю в бюрократическую: он установил единое судопроизводство, финансовая реформа обложила всех подданных однопроцентным налогом. Квинтэссенцией политического кредо Елюй Чуцай обычно передают следующими его словами, сказанными хану: «Империя была завоевана верхом на коне, но управлять ее с седла невозможно»⁴⁰. В итоге он сделался канцлером и смог проводить собственную политическую линию. Она увенчалась грандиозным успехом. Налоги дали доход, изумивший хана. Как следствие, Елюй Чуцай пользовался полным его доверием, сосредоточил в своих руках финансовую, судебную и административную власть, сделавшись руководителем всей внутренней политики империи. Но эта политическая линия вызвала недовольство полевых командиров и войска в целом.

Когда после 1235 г. оказалось, что людских ресурсов для продолжения войны не хватает, возник проект, поддержанный военными, использовать китайские войска на западе, против мусульман, а мусульманские войска – на востоке, против Китая. Елюй Чуцай добился отмены проекта, защищая при этом не ин-

---

⁴⁰ Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. С. 147.

тересы войска, а интересы покоренных народов. Затем хан обещал военным после побед над Китаем наделить войско землей, но канцлер добился, чтобы награждали шелком, деньгами и т. п., но не землей. Остро встал вопрос о налогах – монголы и мусульмане платили подушный налог, а китайцы – с жилища, куда более легкий. Позднее Елюй Чуцай обложил все товары пошлиной в 1/30 часть их стоимости, а вино как предмет роскоши – в 1/10. Пострадали от этого уйгурские купцы (продавцы) и верхушечный слой монгольского войска (потребители). Наконец, канцлер добился разрешения хана принимать на службу грамотных китайцев, выдержавших экзамен; причем экзаменоваться могли и рабы. В результате на службу было принято 4030 китайцев, четвертая часть которых освободилась таким образом от рабства.

Итак, движение к бюрократической монархии не могло не встретить сопротивление той части орды, которая честно пролила за чингизидов кровь, одержала массу побед, но теперь они должны были уступать первые места инородцам в собственном государстве. Но простодушные и бесхитростные степные политические интриганы «ничего не могли поделать с гениальным иностранцем», управлявшим ими⁴¹. С ним пытались конкурировать мусульмане и несториане, но также без особого успеха. 11 декабря 1241 г. умер его покровитель Угедей – по официальной версии, от пьянства, но Гумилев не исключал возможности политического убийства, что развязало руки врагам канцлера. Он скончался в 1243 г., видя крушение дела всей своей жизни, ибо «придворная камарилья», дорвавшаяся до власти до выборов нового хана, государственными интересами, понятно, не руководствовалась. Для «военной партии» пути к власти были расчищены. Но эта партия не была монолитна. Монгольские ветераны (примерно 13 тыс. человек) находились в привилегированном положении и занимали должности от тысячника и выше. Вторая часть состояла из людей, покоренных монголами; из них, собственно и состоит 110 тысячное войско, из них же рекрутируется низший офицерский состав. Монгольские ветераны ориентировались на брата Чингисхана, а после его

---

⁴¹ Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. С. 149.

казни – на его внука Батыя, а их оппоненты – на сына опочившего Угедея Гуюка. Идеологией и религией этой партии было христианство нестерианского толка. И Батый, и Гуюк пытались в своем соперничестве опереться на военные ресурсы Руси и на православную церковь. К несчастью для Гуюка, самый авторитетный русский князь, прибывший в Карокорум, великий князь Ярослав Всеволодович был отравлен ханшей Туракиной, матерью Гуюка. Его сыновья Александр (Невский) и Андрей, естественно, поддержали Батыя. Уже в 1248 г. Батый с войском Золотой орды двинулся на восток, а Гуюк выдвинулся ему навстречу, но погиб при невыясненных обстоятельствах. На курултае в 1251 г. верный друг и союзник Батыя Мункэ сделался великим ханом, а Батый был объявлен «старейшим в роде». Сторонники Гуюка были казнены.

По смерти Батыя в 1256 г. его сын – христианин Сартак – немедленно поссорился с дядей – мусульманином Берке. Последовал ряд политических убийств. На престоле утвердился Берке, началась резня несториан в Средней Азии. Это никак не повлияло на его отношения с Русью. Он перестал посылать деньги в Карокорум, т. е. фактически отложился от державы Чингисхана и портить отношения с христианскими подданными ему было не с руки. Таким образом, «возник симбиоз пришельцев и аборигенов, эпоха продуктивного сосуществования, продолжавшаяся до XIV в.» – заключает Л.Н. Гумилев⁴².

Историк считает также, что смерть Гуюка и торжество Батыя спасли Европу, ибо пришедшие к власти несториане толкнули хана Мунке на войну с мусульманами⁴³. Подчеркнем при этом, вслед за Гумилевым, что несториане к православным христианам относились крайне враждебно, но с католиками они хотели добиться взаимопонимания, что и зафиксировали посольства Плано Карпини и Гийома де Рубрука в Карокорум.

Последовавшие затем убоицы закончились победой хана Хубилая. Победитель перенес столицу из степного Карокорома в Пекин, дал своей династии китайское название «Юань», сам же из хана превратился в императора и «Сына неба». Мон-

---

⁴² Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. С. 152–153.

⁴³ Там же. С. 154.

голия трансформировалась в провинцию «внеэтнической военной монархии, основанной на господстве верной наемной армии над покоренными странами»⁴⁴. Таких перемен не приняли западные монголы, оставшиеся верными Ясе, старым степным обычаям и степному образу жизни. Их вождем стал совсем еще молодой царевич (т. е. чингизид) Хайду. Они не одержали победы, но и не потерпели поражения. Фактически это была «война народа с армией», за которой вскоре последовал «конец монгольской эпохи и несторианской культуры»⁴⁵.

Наиболее общие выводы из своей работы Л.Н. Гумилев сделал не в тексте книги, а много лет спустя в весьма оригинальной и нетрадиционно написанной статье «Апокрифический диалог». Автор впервые опубликовал ее не в научном, а в популярном издании⁴⁶. Главная тема статьи – история «тюрко-монголов» и их завоеваний – во многом совпадает с целями, декларируемыми автором в разбираемой монографии. Выводы, полученные Л.Н. Гумилевым за двадцать с лишним лет, разделяющие книгу и статью, почти не изменились. Статья есть совокупность выводов монографии. Разумеется, это не единственная статья маститого ученого на данную тему. Цикл статей автора сведен в сборник «Черная легенда. Друзья и недруги великой степи»⁴⁷ его учеником В.Ю. Ермолаевым.

Создание монгольской державы, отмечает Л.Н. Гумилев, произвело огромное впечатление на окружающие народы. Историки (как современники монгольских походов, так и их последующие генерации) оценивали их различно, при этом их выводы были предопределены не только строгим научным анализом, но и эмоциями.

Китайские авторы войну считали делом естественным, т. е. природным, стало быть, неизбежным. Победы и поражения определялись «небом», поэтому задача историка была максимально сухо, «без гнева и пристрастия», изложить ход событий. На Ближнем востоке монголы наладили союз с греками и ар-

---

⁴⁴ Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. С. 168.

⁴⁵ Там же. С. 291–292.

⁴⁶ Гумилев Л.Н. Апокрифический диалог // Нева. 1988. № 3. С. 201–207; № 4. С. 195–201.

⁴⁷ Черная легенда. Друзья и недруги великой степи. М., 1994.

мянами, т. е. с христианами. Поэтому мусульманские авторы писали о монгольских походах крайне раздражительно, а христиане – вполне сочувственно. На Руси, по мнению Л.Н. Гумилева, отрицательное отношение к татарам начало складываться с Мамае, который, будучи узурпатором власти в Золотой орде, шел вместе с католиками – генуэзцами воевать «Святую Русь». Позднейшие набеги на Русь татарских ханств, возникших на развалинах Золотой орды, только усугубили антитатарские настроения русских книжников. Но самое негативное отношение к монгольским походам и монгольскому государству наличествует в романно-германской (западно-европейской) историографии. Автор находит это «странным и даже противоестественным» на том основании, что монголы с романо-германскими народами не сталкивались. Моголофобия рассматривается Л.Н. Гумилевым как разновидность расизма, но с некоторыми оговорками – ни по отношению к арабам, ни по отношению к османам никаких фобий найти невозможно, в то время как моголофобия породила ненависть к сибирским народам и даже к русским как приемникам державы Чингисхана.

Л.Н. Гумилев проанализировал основные версии, сложившиеся в западной европейской историографии, и безусловно отверг их. В его изложении они выглядят следующим образом.

Первая. Чингисхан сколотил банду, подчинил себе степь и провел ряд войн ради личного обогащения. При такой версии, замечает Л.Н. Гумилев, невозможно объяснить, почему монголам удалось создать крупнейшую в истории человеческой цивилизации сухопутную империю.

Вторая. Весь монгольский народ консолидировано совершал свои кровавые походы. Непонятно, зачем они нужны степнякам – ведь привозить добычу домой при таких расстояниях невозможно.

Третья. Кочевники, воинственные и злые, всегда нападали на мирных, кротких и терпеливых земледельцев, следовательно, монгольские походы спровоцированы образом жизни кочевых народов, которые не могут поступать иначе. Подобного рода построения, скажем мягко, не соответствуют фактам.

Л.Н. Гумилев далее приводит распространенные упреки оппонентов в свой адрес и пытается на них ответить. остано-

вимся на принципиальных моментах этого ментального диалога. На упрек, почему Гумилев не дал монгольским завоеваниям должной оценки, ученый ответил так: «Наука – не базар, где любой товар оценивается для продажи. Я не торговал персонажами. Объекты научного исследования не оцениваются, а исследуются»⁴⁸. Соответствующим образом, автор отказывается рассуждать о прогрессивном или регрессивном начале (добре и зле) монгольских завоеваний, он отказывается даже мыслить в таких категориях. Факты завоеваний и опустошений земель соседей Великой степи Гумилев, разумеется, не отрицает. Он лишь указывает, что по-другому воевать тогда люди не умели ни в Азии, ни в Европе, да и тот факт, что жестокость монголов превосходит жестокость сельджуков, чжурчжэней, мусульман Хорезма никем не доказан. Глупо их обвинять в том, что они воевали удачливее своих врагов.

Самое же главное, по Гумилеву, состоит в том, что к изучению природных явлений, к которым, напомним, Лев Николаевич относил этносы, этногенез и проч., не применимы категории оценки. Происходившие в антропосфере грандиозные по своим масштабам события с точки зрения вины или заслуги отдельных людей не могут ни начинаться, ни прекращаться. «Эволюция или миграция» отдельных народов не зависят от воли и желания одного человека. Странно при этом возлагать персональную вину на Чингисхана – сироту, ограбленного и брошенного своим племенем, испытывавшего нужду, голод и гонения, более десятка лет проведенного в плену у своих врагов. И если он из Тэмуджина все-таки стал Чингисханом, то дело не только и не столько в его личных качествах. Во всяком случае, выступать «негодяем, запугавшим свой народ», он не может никак.

Вновь и вновь Гумилев подчеркивает: «Нельзя забывать, что не во власти одного человека нарушить природные закономерности, а приписывать ему такую способность – это ревизия исторического материализма, четко определившего роль личности в истории». И если люди, подобные Чингисхану, виноваты, то лишь в своих личных преступлениях, обусловленных личным свободным выбором. Монгольский улус возник путем усложне-

---

⁴⁸ Черная легенда. С. 327.

ния этносоциальной системы в Великой степи. Это усложнение спровоцировано деятельностью «людей длинной воли», ибо они не наследовали свой социальный статус, а завоевывали его благодаря своей пассионарной энергии – следствию мутации, затронувшей монголов в XI в. Как следствие, в их генотипе появился признак, обеспечивающий избыточную абсорбцию особью энергии из природной среды. Именно благодаря этому качеству монголы побеждали своих куда более многоопытных и более смелых врагов. Монголы – молодой этнос в фазе подъема, сражавшийся, как правило, со старыми этносами (исключение – чжурчжэни) – вот и весь секрет их успеха. А это означает, что сопротивление было исключительно слабым. Закономерный процесс этнической истории имеет индивидуальные характеристики в конкретное время и в конкретном регионе. Но эти индивидуальные характеристики (монголов, например) полностью укладываются в пассионарную теорию этногенеза, созданную Л.Н. Гумилевым.

3.4. Тюркские начала в русской истории. Золотая Орда и Русская земля

Вопрос о характере русско-ордынских отношений XIII–XV вв. в отечественной исторической науке справедливо считается одним из самых обсуждаемых, ибо он тесно связан с кардинальными событиями и процессами русской истории. Историки ставили и обсуждали этот вопрос в обобщающих трудах – по русской истории в целом, по истории Северо-Восточной Руси, по истории Московского княжества, по истории Золотой Орды, при исследовании международных отношений в Восточной Европе, непосредственно изучая русско-ордынские отношения, наконец, при изучении различных регионов Монгольской империи, в том числе и Центральной Азии.

Для трудов ученых конца XVIII – первой половины XIX вв., авторы которых работали на основе принципов рационализма, было характерно представление об истории как всемирном прогрессе, основу которого составляла борьба разума против заблуждений и невежества, а сама история понималась как соб-

рание нравоучительных примеров для последующих поколений. В.Н. Татищев, рассматривая историю русского единогодержавия, квалифицировал факт монголо-татарского нашествия и системе ордынского ига как одну из причин, повлиявших на упадок русской государственности. Но, признавая негативные последствия Батыева нашествия, тяжесть ига, историк вовсе не в монголо-татарах видел решающих фактор ослабления центральной власти, а в самих русских князьях и их усобицах.

Замечательный русский историк Н.М. Карамзин продолжил татищевскую традицию изучения истории России как истории развития единогодержавия. Временное исчезновение его в удельный период, т. е. в период феодальной раздробленности, он связывал главным образом с Батыевым нашествием. Талантливый писатель Карамзин, блестяще владевший пером, много писал об ужасных последствиях походов степняков на Русь; вкупе с системой ордынского ига они и определили отставание Руси от Западной Европы более чем на два с половиной века. Именно Н.М. Карамзин придал устойчивый характер традиции описывать яркими красками негативные последствия ордынского ига. Вместе с тем историк видел в Орде фактор, способствовавший устойчивости политических отношений, сложившихся на Руси под эгидой золотоордынских ханов.

Значительный вклад в понимание характера и истории русско-ордынских отношений сыграли конкурсы, объявленные Российской академией наук в 1808, 1826 и 1832 гг. Авторы, выдвигавшие свои сочинения на эти конкурсы, в целом разделяли позиции Н.М. Карамзина, хотя уже тогда появились первые сомнения в истинности карамзинской «концепции замедления» естественного хода общественного развития Руси.

Оригинальную позицию в этом вопросе заняли декабристы. Они решительно отвергали концепцию Н.М. Карамзина, ибо отрицали прогрессивную роль самодержавия в русской истории. Не будучи профессиональными историками, они наивно полагали, что в древности народ на Руси был свободен, но свобода была утрачена при ханах, а затем при московских самодержцах. Они отрицали малейшие «благотворные последствия ига», даже те, что признавал Н.М. Карамзин. Для них этот период русской истории есть время рабства, страха и страданий.

Чуть позже А.С. Пушкин сделал фактом обыденного сознания мысль Н.А. Полевого об особой роли Руси в спасении европейских народов и европейского просвещения от ужасов монголо-татарского завоевания.

В 1840–1860-х гг. русские ученые, как и вся читающая публика, почти поголовно увлеклись философией Г. Гегеля. Следствием этого увлечения, помимо сугубо историософских коллизий, было повальное увлечение историей средневековой Руси. Теперь уже не вопрос «о начале Руси», столь волновавший авторов XVIII – начала XIX вв., а проблема происхождения и характер Московского царства оказались в центре внимания исследователей. Разрешить этот вопрос можно было лишь в контексте русско-ордынских отношений.

Много и плодотворно над этими темами работали историки «государственной школы». К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, В.И. Сергеевич и др. решительно не находили в факте ордынского ига основополагающего влияния на процесс складывания Московской государственности, т. е. влияние то было, но оно ни в коей мере не было ни решающим, ни определяющим. У С.М. Соловьева донельзя актуальная в его время проблема становления Московского государства трансформировалась в более общую проблему возникновения государственности на Руси вообще. Маститый историк создал, как известно, оригинальную концепцию органического развития государства на Руси. Фундаментальные процессы, протекавшие в русских землях в XIII–XV вв., были опосредованы киевским периодом. Повлиять на них, хотя бы затронуть их основы, корнями уходящие в X–XII в., ордынское иго, по мнению С.М. Соловьева, никак не могло, поэтому пропадает возможность делать вывод об определяющем влиянии на судьбы страны. Довольно решительно С.М. Соловьев противопоставил свое видение проблемы концепции Н.М. Карамзина.

Последующие поколения отечественных историков с именами, которые до сего дня произносятся с неизменным пиететом (Н.М. Костомаров, К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.Я. Данилевский, В.О. Ключевский, А.Е. Пресняков, С.Ф. Платонов и др.) продолжили традиции изучения русско-ордынских отношений, заложенных Н.М. Карамзиным и С.М. Соловьевым. Таким образом, в российской исторической науке наличествовали два основных

подхода, поддержанных многими авторитетами. Считается, что они диаметрально противоположным образом трактуют последствия Батыева нашествия и ордынского ига.

Лишь на рубеже XIX–XX вв. проявляется новый подход к изучению русско-ордынской проблематики. Он связан с идеей панмонголизма. Выдвинувший ее В.С. Соловьев полагал, что роль монгольского Востока в исторических судьбах человечества либо легкомысленно игнорировалась, либо легковесно изучалась. Философ-идеалист, каковым безусловно был В.С. Соловьев, движение «монгольского Востока» и определял через понятие панмонголизм. Для него это – предвестие воли Божией, указание на апокалиптические судьбы человечества. Взгляды В.С. Соловьева не являлись историческими в строгом значении этого слова, но известное влияние на историческую науку все же оказали.

Мы вправе отметить вклад крупнейшего русского востоковеда В.В. Бартольда. Его капитальная монография «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», принеся автору докторскую степень, позволила, помимо прочего, сопоставить процессы, протекавшие на Руси и в Центральной Азии⁴⁹. Исследователь полагал, что создание империи Чингисхана, помимо хорошо видимых негативных последствий, сыграло выдающуюся позитивную роль в мировой истории в целом и в истории Древней Руси. Монголы объединили между собой народы Евразии, оживили торговлю, способствовали свободной пропаганде различных религиозных ценностей, а значит, и культурному обмену. От Венгрии до Хингана сформировался особый исторический мир, в рамках которого весьма успешно развивались многие «культурные» страны Востока и Запада. Русь, по мнению В.В. Бартольда, обретаясь под ордынским игом, смогла подняться на более высокий культурный уровень, чему способствовали благоприятные условия для международного общения, созданные монголами. Монголы (ордынцы) при этом не разрушили политические, торговые и культурные контакты Руси с Западной Европой.

---

⁴⁹ См. подробнее: *Сорокин Ю.А.* Научное наследие академика В.В. Бартольда и евразийство // Вестн. Кокшетауского ун-та им. Ш.Ш. Уалиханова. 2006. № 3 (12). С. 38–40.

Определяющим, по данным В.В. Бартольда, было влияние степных традиций на развитие российской государственности, отразившейся, в частности, на русской внешней торговле и на посольском церемониале. Степная государственная идея была перенесена на русскую почву. В.В. Бартольд был уверен, что без монгольского ига московское царство не могло бы появиться, ибо монголы принесли с собою очень сильную государственную организацию. После монголов везде наличествуют большая политическая устойчивость, чем до них, хотя сами степняки этой стройной политической организацией воспользовались меньше других.

В понимании В.В. Бартольда, всемирно-историческое значение империи Чингисхана состоит в сближении на огромных пространствах Евразии тюркских, славянских, монгольских, кавказских и многих других народов, в установлении прочных социальных, политических, духовно-религиозных и иных связей между ними, что и привело в дальнейшем к созданию многонациональных государств, по большому счету, не знавших национальных проблем. Русь в этих условиях выступила посредником между Европой и Азией и много выиграла от этого. На этих позициях, несмотря на серьезную критику, В.В. Бартольд продержался всю свою научную жизнь, упорно находя все новые и новые научные аргументы для своих выводов. (Впервые положения о позитивном влиянии монголов он высказал еще в 1900 г., затем повторил в своем исследовании «Улубек и его время» (1918 г.) и по-новому аргументировал в 1926–1927 гг., незадолго до кончины).

Научную традицию, заложенную В.В. Бартольдом, подхватили евразийцы, прямо указывая на него как на собственную предтечу. Евразийцы придали историософскую огласовку конкретно-историческим выводам В.В. Бартольда. Напрасно, конечно же, в современной научной литературе все еще робко увязывают научное наследие академика с научной составляющей евразийской теории. Во всяком случае, приоритет В.В. Бартольда в части русско-ордынских отношений, традиционно отдаваемый евразийцам, должен быть восстановлен.

Евразийцы, в свою очередь, как безусловные сторонники идеи самобытности России, попытались сосредоточиться на

позитивных последствиях ордынского ига. У них получалось, что Золотая Орда спасла Русь от крестового похода католических стран, ордынские ханы вообще покровительствовали Руси и защитили ее от литовской агрессии (по крайней мере, Москву). Русская Православная Церковь сохранила и укрепила свой статус. Ордынцы создали на Руси гибкую фискальную систему, организовали «ямскую гоньбу», не поощряли княжеских усобиц. Из союза с Ордой и родилась Московская Русь, ставшая впоследствии наследницей и преемницей не только Орды, но и всей державы Чингисхана.

Компромиссную позицию в вопросе русско-ордынских отношений заняла молодая советская наука. М.Н. Покровский отмечал негативные последствия ордынского ига над Русью (как Н.М. Карамзин), но не находил в Орде решающего фактора, коренным образом повлиявшего на русские земли (как С.М. Соловьев).

Ситуация заметно изменилась в конце 1930-х гг. Во-первых, данная проблема стала интенсивно разрабатываться советскими учеными (А.Ю. Якубовским, Б.Д. Грековым, А.Н. Насоновым и др.). Во-вторых, они в Золотой Орде усмотрели решающую причину русского отставания от Европы, т. е. в их сочинениях восторжествовал подход Н.М. Карамзина. В-третьих, они изучали русско-ордынские отношения преимущественно в категориях «господство – подчинение». В-четвертых, в советской историографии в целом победила и утвердилась как единственно правильная точка зрения о регрессивной роли завоеваний Чингисхана и его преемников по отношению ко всем регионам (Китаю, Средней Азии, России, Великой степи) и всем народам, но особенно по отношению к Руси. Построениям В.В. Бартольда уже не оставалось места.

Оценки Золотой Орды как государства-угнетателя оставались основополагающими для всей советской историографии на многие и многие годы. Скажем, историки, изучавшие процесс образования единого российского централизованного государства – среди них такие влиятельные и авторитетные ученые, как В.В. Мавродин, Л.В. Черепнин, М.Н. Тихомиров, А.М. Сахаров, безусловно, не выходили за рамки построений конца 1930-х гг. Даже такой нетрадиционно мыслящий исследователь, как В.В. Карга-

лов, много сделавший для более тонкого понимания всего комплекса русско-ордынских отношений, в целом остался на этих позициях.

К тому времени, когда в науке стали известны труды Л.Н. Гумилева, положение и выводы о взаимоотношениях Руси и Орды уже устоялись, оуклились, воспринимались как раз и навсегда данные, не только как единственно правильные, но и как единственно возможные. Очевидной заслугой Л.Н. Гумилева является реанимация многих и многих построений академика В.В. Бартольда, в частности, о сложности и многомерности картины взаимоотношений кочевников и земледельцев. Свои взгляды на этот счет Гумилев изложил в капитальной монографии «Древняя Русь и Великая степь»⁵⁰ и в ее популярном переложении «От Руси к России»⁵¹.

Теория этногенеза, согласно которой этнос суть природное, а не социальное явление, дополненная открытым Л.И. Гумилевым сложным явлением – пассионарностью, позволили ученому сделать целый ряд открытий, лежавших не просто в плоскости истории русской государственности IX–XVIII вв., но и в части взаимоотношений Древней Руси и Великой степи или, шире, земледельческих и кочевых цивилизаций Евразии. Сам Л.Н. Гумилев признает, что этнологический подход, изложенный им в трактате «Этногенез и биосфера Земли», прошел самую серьезную проверку при исследовании истории народов (этносов) и их взаимодействий. По мнению автора, такой естественнонаучный подход к историческому исследованию оказался весьма эффективным и вполне оправдал себя. Вот некоторые, наиболее важные для нашей темы, выводы ученого.

Проанализировав имеющуюся в его распоряжении литературу, в частности, труды Г. Вернадского, С. Ляшевского, С. Лесного, А. Преснякова, М. Грушевского, А. Шахматова, М. Брайчевского, В. Седова, О. Приходько, А. Сахарова, Б. Рыбакова, Б. Грекова и многих других историков, Л.Н. Гумилев пришел к выводу, что отечественная историография ранней истории восточных славян (до появления государства Киевская Русь) не в состоянии разрешить основные проблемы этого периода. По край-

---

⁵⁰ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

⁵¹ Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992.

ней мере, Л.Н. Гумилев смог указать на серьезные слабости в аргументации коллег и на противоречия их конечных выводов твердо установленным историческим фактам. Для самого Льва Николаевича древнерусская народность («русичи») в качестве важнейших этнических компонентов имеет славян, германцев, финно-угров и тюрок. Таким образом, связь русичей со степными народами присутствовала изначально, в самом процессе этногенеза русичей, а затем и русских. Именно поэтому русским людям сегодня отказываться от своих тюркских предков не только постыдно, но и нелепо. Варяжские конунги, хоть и сыграли заметную роль в создании древнерусского государства, завершив процесс политического объединения славянских союзов племен под властью Киева, были недругами славяно-россов. В отличие от Нестора-летописца, в отличие от подавляющего большинства отечественных историков, Л.Н. Гумилев склонен очень скептически оценивать последствия правления варягов, по крайней мере, применительно к деяниям Рюрика, Олега и Игоря. По его мнению, лишь незаурядная деятельность княгини Ольги и воеводы Свенельда позволили преодолеть последствия варяжской узурпации и получить власть в русской земле славянам либо ославяненным россам, а смена веры в 988 г. позволила покончить с «северными заморскими традициями».

Еще одна важная дата в истории древнерусского государства – 964–965 гг., когда под ударами дружин Святослава и его союзников рухнул Хазарский каганат. В результате Киев не только освободился от унижительной выплаты дани, не только завоевал политическую гегемонию в Восточной Европе, но и ликвидировал господство еврейских купцов-рахдонитов, что имело огромные последствия не только для Руси и Хазарии, но и для державы Саманидов, Персии, Византии, даже европейских государств и Китая. Положения Л.Н. Гумилева о негативной роли евреев-рахдонитов вызвало резкое неприятие у части советских историков во главе с И.М. Дьяконовым, о чем речь пойдет ниже. Сейчас скажем только, что эти авторы полагали, что утверждения Гумилева могут быть опровергнуты в полемике, развернувшейся на страницах не научных, а литературных и публицистических журналов. По счастью, путем наклеивания ярлыков и уличения Гумилева в антисемитизме научную теорию поко-

лебать невозможно. Кстати, заметим, что Л.Н. Гумилев был непревзойденным мастером психологических зарисовок и, хоть и не любил широко пользоваться термином «менталитет», смог составить запоминающиеся характеристики целых народов. Так, рассуждая о причинах, по которым союзники Хазарии, в частности Хорезм, не оказали хазарским каганам помощи, Лев Николаевич замечает: «Понятие "выгода" у разных этносов и в разные эпохи различно. Для эмира Ургенча (тюрка. – Ю.С., Н.С.) деньги значили многое, но не все. Он не мог на них купить расположение мулл и улемов, энтузиазм своих конных стрелков, симпатии соседних кочевников и даже любовь своих жен. В Азии не все продается, а многое дается даром, ради искренней симпатии, которую эмир должен приобрести, если не хочет сменить трон на могилу». Думается, что это положение Гумилева вполне применимо для всей истории тюрков, ибо, в отличие от рахдонитов, деньги для тюрков всегда были куда менее важны, чем искренние симпатии.

Соответственно, для Л.Н. Гумилева взаимоотношения «леса со степью» представлялись много сложнее, чем обычно принято было считать в современной ему отечественной исторической литературе. Благодаря трудам Гумилева говорить о степных народах только как варварах и грабителях, а о земледельцах как объектах военных набегов кочевников сегодня уже невозможно как в силу куда более сложной, чем представлялось ранее, картины взаимоотношений двух цивилизаций, включающей, наряду с пограничными стычками, развитие торговли, совместные военные акции и проч., так и в силу доказанного Гумилевым тезиса огромной научной важности: нападение народов Великой степи на земледельческие цивилизации связано с природными катаклизмами (усыхание степи и превращение ее в полупустыню), т. е. набеги кочевников на, к примеру, Русь и Китай, связаны не с усилением, а с ослаблением кочевого мира. Кроме того, Л.Н. Гумилев подчеркивал, что историки, много рассуждающие об экспансии кочевников, упускают обратный процесс – наступление «леса на степь». Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к картам атласа. Великая китайская стена, построенная для защиты от кочевников, сегодня пролегает едва ли не в центре Китая; Россия, обороняясь от набегов кочев-

ников, дошла до Тихого океана и проч. Гумилев прав и в другом: набеги кочевников, как правило, имели характер кавалерийских рейдов за военной добычей, и хоть и сопровождались немалыми разрушениями, не несли, как правило, гибель ни государствам, ни народам, ни культуре, в то время как подчинение или завоевание степи приобретало зачастую характер геноцида.

Вместе с тем русская история знает удивительные примеры не просто дружбы, но теснейшего единения земледельцев и кочевников, а в дальнейшем – христиан и мусульман. Так, Древнерусское государство, по крайней мере, с Владимира Всеволодовича Мономаха, понимается Гумилевым как полицентрическое: половцы, кочевавшие между Доном и Волгой, стали называться «свои поганые» (т. е. «свои язычники»), а половцы, кочевавшие за Волгой, – «дикие». Последние были союзниками в начале черниговских, а затем суздальских князей. Л.Н. Гумилеву потребовалась незаурядная научная смелость, чтобы усомниться, а затем и отказаться от воззрений С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Г.В. Вернадского, П.Н. Милюкова, Н.И. Костомарова, Б.А. Рыбакова и других мэтров, развивавших концепцию извечной борьбы «леса со степью». Одновременно он опирался на историографическую традицию непредвзятого отношения к степнякам, прежде всего половцам, заложенную еще П.В. Голубовским и поддержанную позднее С.А. Плетневой, Р.М. Мавродиной, А.Ю. Якубовским, В.А. Пархоменко, В.А. Гордлевским и др.

Гумилев принципиально считал, что соседство двух и более этносов, живущих на своих родных землях и «вписавшихся» в ландшафты, их вмещающие, обычно осуществляется с пользой для обеих сторон. Такое совместное бытие этносов Гумилев называл симбиозом. Экономико-географическое единство региона, включающее зональные и аazonальные ландшафты, определяло необходимость создания целостной хозяйственной системы, составные части которой, по Гумилеву, не противостоят, но дополняют друг друга. Иначе: степняки и земледельцы на Руси и в причерноморских степях могли сражаться между собой, но не могли вести хозяйство без интенсивного товарообмена между лесом и степью, что приводило к устойчивым этническим контактам, а стало быть, к необходимости искать и устанавливать прочные политические связи. Лучшее доказательство то-

му – совместная борьба русских и половцев с монголо-татарским рейдом в 1223 г., закончившимся битвой на р. Калка, несмотря на все ухищрения монгольской дипломатии. Политическая гегемония при этом – у русских князей. По мысли Гумилева, это единство сохранялось и в XIII–XIV вв., только политическая гегемония переместилась «из леса в степь» и удерживалась золотоордынскими ханами.

Поход Батыя на Русь и последующие взаимоотношения русской земли с ордынскими «царями» Л.Н. Гумилев интерпретировал очень своеобразно. Прежде всего он отвергал сам факт существования так называемого ордынского ига, считая сведения о нем порождением «черной легенды» о народах Евразии. Последнюю Гумилев ненавидел со всем пафосом своей незаурядной натуры. Одно из своих многочисленных интервью на рубеже 1980–1990-х гг. Лев Николаевич так и назвал: «Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы» (см. газету «Советская Татария» от 29 сентября, 6, 13, 20, 27 октября, 3, 17 ноября 1990 г.). Порождение «черной легенды» Гумилев страстно отрицал и как исследователь. Остановимся только на одном из положений Л.Н. Гумилева на этот счет, которое представляется важным для данной темы. По мнению ученого, митрополит Алексей, бывший еще и главой московского правительства при малолетнем князе Дмитрие Ивановиче, смог заключить прочный союз с ордынским ханом Джанибеком, который летописец обозначил формулой «лев и агнец вкупе починут». Это был не просто политический альянс двух незаурядных людей, это была не просто коалиция Москвы и Орды, противостоящая Литовско-Тверскому союзу, это было единение церкви («агнца») и воина («льва»), это было, наконец, единение православных и мусульман против католической агрессии. Подчеркнем, что при этом, с точки зрения Гумилева, речь не может идти об ассимиляции или даже о слиянии двух народов в единый этнос. Земледельцы-русские и кочевники-тюрки не просто ужились друг с другом, они одержали победу, ибо в создании Московского царства тюрки приняли немалое участие. Собственно, в конце XV в. политическая гегемония вновь переместилась из «степи в лес». Московское княжество и в XVI в. воспринималось соседями как московский улус Золотой Орды, только с другим вероисповеда-

нием, что обеспечило воссоединение в едином государстве татарских ханств, а в XVIII в. Россия окончательно утвердилась в Великой степи, что связано уже с Российской империей и имперской внешней политикой.

По мнению Гумилева, на Москве утвердилась, благодаря союзу Алексея и Джанибека, особая форма государственного устройства – православная теократия. Хотя она просуществовала недолго (менее полувека), именно православная теократия спасла Московскую Русь в самый сложный период ее бытия – «от зачатия до рождения», как определял этот период сам Гумилев. Крепнущему единству Москвы и Орды весьма способствовал исход татарских богатырей из Орды в Москву, связанный с политикой насильственной исламизации. Не потеряв древней степной доблести, эмигранты-тюрки смогли не только создать боеспособную конную дружину, но и пополнить русское дворянство. Простое перечисление фамилий выходцев из Орды занимает несколько страниц убористого текста. По мнению Л.Н. Гумилева, именно в это время сформировался один из важнейших принципов русской государственности – принцип этнической терпимости. Вплоть до конца XVII в. вторыми лицами в Московском царстве после царя считались касимовские царевичи – крещеные татары. Даже Петр I, отправляясь в составе Великого посольства в Европу, формально оставил управлять страной касимовского царевича, почитая многовековую традицию.

Принцип этнической терпимости позволил русским присоединить огромные территории за Уралом в таежной и лесостепной полосе, фактически избежав межэтнических конфликтов. По крайней мере, по мысли Гумилева, они не привели к необратимым последствиям в виде национальной розни. Более того, уплачивая ясак, понимаемый зачастую как подарок «белому царю», сибирские аборигены получали от русских властей твердые гарантии защиты личностных и имущественных прав. Более того, сибирских воевод лишали права казнить ясачных людей, какое бы преступление они не совершили. Дело надлежало отправить в Москву для принятия решения. Более того, по мнению Гумилева, русские охотно перенимали быт и традиции сибирских народов. Так, русские куда ближе приблизились к якутам, чем якуты к русским.

Рассуждая о русской колонизации Сибири, Гумилев подчеркивал ее своеобразие, принципиальную несхожесть с колониационной политикой англичан, французов, португальцев или голландцев. Колонизация русских осуществлялась не за счет истребления присоединяемых народов или насилия над традиционным образом жизни или верованиями, а за счет «комплементарного» характера контактов русских с сибирскими аборигенами.

К сожалению, Л.Н. Гумилев почти ничего не писал о Российской империи, более того, предостерегал своих последователей от применения его теорий к позднейшим историческим периодам. Тем не менее им была высказана важнейшая мысль о том, что в XVIII в. российский этногенез миновал акматическую стадию в своем развитии и вступил в совершенно иное этническое время – фазу надлома, завершающуюся, по мнению историка, на рубеже XX–XXI вв. Окончание этой фазы, увы, сопровождается кровопролитием и даже гражданскими войнами, но, как считал Гумилев, спад пассионарности неминуемо должен привести к достижению равновесия в обществе. Таким образом, становление империи, а стало быть, и проведение имперской внутренней и внешней политики, и фаза надлома русского этногенеза совпали по времени. Это неминуемо должно было сказаться на взаимоотношениях с соседями империи, в том числе и со степняками. И хотя Гумилев считал, что в XVIII в. принцип этнической терпимости продолжал действовать и привлек к России многие народы, в том числе и казахов, мы вправе констатировать негативные новации русской государственной политики: нарастание колониальных начал, стремление «переделать» соседей по своему образу и подобию, распространить единые для всех правила общежития, насильственный захват якобы свободных земель русскими земледельцами и т. п. Более того, теории европейского просвещения, на которых строилась русская имперская идеология, безусловно, относили любую этническую, религиозную или культурную специфику в разряд «уродств», подлежащих исправлению или искоренению. Понятно, что между идеей и государственной практикой существует «дистанция огромного размера», но все же имперская идеология неминуемо должна была сказаться на государственной практике, а принцип этнической терпимости, обеспечивший величие Московского царства, серьезно деформирован.

Проработав общую схему взаимоотношений Руси со степью, Л.Н. Гумилев уделил внимание и многим более конкретным сюжетам. Остановимся на одном из них – деятельности эмира Тимура, оговорившись, что она получила в отечественной историографии довольно противоречивую оценку. С одной стороны, Тимура трактовали как выдающегося полководца, одержавшего победы, изменившие тогдашний мир; как незаурядного государственного деятеля, создавшего державу, просуществовавшую при Тимуридах на некоторых территориях (например, в Индии) века, как незаурядного деятеля культуры, писателя, прекрасно знавшего языки, отстроившего Самарканд и Бухару, превратив их в архитектурные комплексы – шедевры в рамках общечеловеческой цивилизации. С другой стороны, исследователи склонны были подчеркивать патологическую жестокость Тимура, чудовищные разрушения, ставшие следствием его походов, огромное количество жертв и т. п. В любом случае, советские историки либо выводили деятельность Тимура из собственных теоретических выкладок о природе феодального общества на Востоке, при этом причины успехов Тимура становились до известных пределов тождественны причинам успеха Чингисхана, либо предпочитали рассуждать о личных качествах Тимура, подчеркивая их масштабность, значимость для его деяний. Если дела Тимура историк оценивал преимущественно негативно, то и личные его качества оценивал со знаком «минус». Верна и обратная пропорция: негативно оценивая личность Тимура, историк и его деятельность оценивал как зло почти абсолютное. Соответственно, если историк находил положительные начала в деяниях Тимура, то он находил и светлые черты в его личностных качествах. Возобладал подход: «с одной стороны ..., с другой стороны ...» или «плохо, но ...».

Л.Н. Гумилев смог предложить собственный, весьма оригинальный подход в трактовке событий последней трети XIV – начала XV вв., касающихся эмира Тимура. Прежде всего Л.Н. Гумилев пытался рассмотреть деяния Тимура, как говорится, на фоне эпохи. По мнению исследователя, богатая и культурная Средняя Азия за XIV в. превратилась в «кровавый ад», причем положение дел было и нестерпимо, и безнадежно, ибо потомки Джагатая (Чагатая) доказали свою принципиальную неспособ-

ность управлять монголами, тюрками и таджиками – жителями Средней Азии. Они контролировали лишь степи и непрерывно боролись со своими эмирами. Эмиры, в свою очередь, сражались с «джетэ», создавшими государство Могулистан в Семиречье, где преобладали тюрки. Власть монгольских ильханов в Иране была уничтожена вследствие восстания персидских патриотов – сарбадаров. В условиях распада монгольской государственности в Средней Азии и войны всех против всех единственным выходом, с точки зрения Л.Н. Гумилева, стало установление твердой власти, обеспечившей не просто мир, но спасение. Тимур и обеспечил твердую власть и вместе с ней торжество если не закона, то порядка. При этом он опирался на профессиональных воинов – гулямов – частью рабов, частью наемников; большинство гулямов – тюрки. Гулямы не связаны ни с классами и сословиями, ни с этносами, ни даже с религией. Л.Н. Гумилев считал их «свободными атомами». Аналогом гулямов Тимура выступают «люди длинной воли» Чингисхана, легионеры римских императоров или «варанги» византийских императоров династии Комнинов и Палеологов. Отсюда следует принципиальный вывод: Тимур стал «солдатским императором» со всеми вытекающими отсюда последствиями и, подобно «солдатским императорам» Рима, например, из династии Северов, он не был свободен в своих поступках. И еще: свирепость и кровожадность Тимура, по Л.Н. Гумилеву, ни в малейшей степени не выходили за рамки нравов эпохи. Если Тимур замуровывал своих врагов в крепостные стены и складывал курганы из отрубленных голов, то его противники пленных гулямов закапывали живыми в землю, причем головой вниз.

Действия Тимура, по Л.Н. Гумилеву, вовсе не спонтанны, бессмысленно жестоки. Он смог идентифицировать себя в сложном и непрерывно меняющемся мире как «последнего паладина мусульманской культуры», Тимур в этом смысле – «копия Джеляль-ад-Дина», он смог фактически восстановить державу Хорезм-шахов, обеспечив краткий, но блестящий период регенерации мусульманской культуры. Вместе с тем по Л.Н. Гумилеву, Тимур и его гулямы есть «маргинальная популяция монголов». Именно поэтому Тимур и по происхождению своему, и по идеологии тесно соприкасался с кочевым миром. Именно поэтому, с

кем бы не воевал Тимур, его главным врагом оставалась Великая степь. В Мазандеране (Туркестане) и Могулистане монголы уступили власть тюркам, так что де-факто тюрки Тимура воевали против тюрок Тохтамыша или Камар-ад-Дина. Эти войны не есть, по Л.Н. Гумилеву, случайные столкновения местного значения. Великая степная культура защищалась от великой городской культуры Средней Азии и Ближнего Востока. Последняя – мусульманская, но Л.Н. Гумилев подчеркивает, что в этих войнах религиозная принадлежность имеет такое же небольшое значение, как и этническая. В войсках Тохтамыша было довольно много мусульман, но поволжские татары более думали о Родине, чем о вере, поэтому они стали противниками адепта ислама Тимура. Итак, по Л.Н. Гумилеву, имеет место не этнический или конфессиональный конфликт, но конфликт цивилизационный, начавшийся в XI в. с переселения половцев в Причерноморье и закончившийся в XVI в. победой степняка Шейбани-хана над потомком Тимура Бабуром. Войны Тимура, таким образом, лишь этап, пусть и очень важный, в этом многовековом конфликте, поэтому он мало связан с личностями и мало зависит от личностей.

Укажем на одну тонкость в построениях Л.Н. Гумилева. Как правило, при сопоставлении степного мира и Ясы Чингисхана с мусульманским миром и мусульманскими законами Л.Н. Гумилеву ближе мир Великой степи; но обаяние Тимура оказалось столь велико, что Л.Н. Гумилев, в отличие от многих современных исследователей, безусловно, отдает должное Тимуру, признавая, что «вряд ли он мог поступить иначе». Исследователь с нескрываемой симпатией пишет о победоносных войнах Тимура с турками-османами и разгроме в 1402 г. султана Баязета с его непобедимой дотоле пехотой из янычар, о взятии Смирны, занятой гарнизоном рыцарей – иоаннитов, штурмом всего за несколько дней, в то время как турки не могли взять Смирну 20 лет и т. п. Из работы в работу Л.Н. Гумилева кочует сюжет о взятии Тимуром Шираза и ласке, оказанной им поэту Хафизу.

Л.Н. Гумилев подчеркивает, что Тимур был не только блестящим полководцем, но и талантливым дипломатом, далеко не всегда решавшим проблемы только силой оружия.

Симпатизируя Тохтамышу, наделяя его многими выдающимися качествами, Л.Н. Гумилев дает понять читателю, на-

сколько Тимур выше Тохтамыша по своим качествам полководца и правителя. Не без иронии ученый отмечает, что Тохтамыш из хана стал беком, а из бека багадуром, т. е. «вернулся к уровню своей компетенции», в то время как Тимур, по сути, проделал обратный путь. Тохтамыш для Л.Н. Гумилева был лишь жалким эпигоном Чингисхана, да и его сподвижники непохожи на Субудая или Джебэ. Победы Тимура очевидны, но сломить орду окончательно эмиру так и не удалось.

Л.Н. Гумилев полагал, что в столкновении Тохтамыша с Тимуром решалась и судьба «Святой Руси», сердцем бывшей с татарами Тохтамыша. По Л.Н. Гумилеву, спасая себя, татары спасли и Русь «от такой судьбы, о которой и подумать-то страшно». Это, пожалуй, единственное признание той негативной роли, которую Тимур сыграл в истории Северного Причерноморья, Грузии, Сирии, Хоросана и Индии.

В кровавом болоте войны всех против всех Тимур смог создать государство с великой культурой, заплатив за это величайшую цену кровью и разрушениями – таков конечный вывод Л.Н. Гумилева о деяниях эмира Тимура.

Таким образом, Л.Н. Гумилев получил новаторские научные выводы или по-новому аргументировал прежние, высказанные учеными еще в середине XIX в. Среди них следующие.

1. Представления о том, что славяне и тюрки стали, наряду с руссами (германцами) и финно-уграми, теми корнями, из которых вырос русский этнос. Мысль, что русские и тюрки есть братья, должна пониматься буквально. Вот пример рассуждения Л.Н. Гумилева на этот счет. Он предлагал читателю вспомнить гениальное «Слово о полку Игореве». Его пафос, его содержание, с легкой руки Карла Маркса, подают как конфликт русских с половцами. Верно, но не худо бы разобраться, кто есть кто. Маменька князя Игоря – половецкая ханша, а папенька – наполовину половец, наполовину русский, следовательно, в его жилах течет три четверти половецкой крови и лишь четверть – русской. Маменька хана Кончака – русская княжна, а родитель – наполовину половец, наполовину русский, следовательно, в его жилах три четверти русской крови и лишь четверть – половецкой. Главное же, Игорь и Кончак – братья. Кончак искренне не может понять, зачем Игорь вторгся в половецкую степь и разорил

вежи половецкие, ведь в поисках славы он поднял меч на брата. Половцы исключительно корректны к князю Игорю, и именно как к родственнику «Ты ранен в битве при Каяле // И взят с дружиной в плен // Мне отдан на поруки // А у меня ты – гость», – укоряет Игоря Кончак. Игорь, устыдившись, женит сына на дочери Кончака, восстанавливая с ним прежние отношения.

2. Российское государство сформировалось как полицентричное, имевшее как минимум два центра: в лесу и степи. В рамках единого государства политическая гегемония переходила из леса в степь и обратно. В XII в., после походов князя Владимира Всеволодовича Мономаха, политическое господство удерживал Киев. В XIII в., с появлением Золотой Орды, политическая гегемония удерживается Сараем и лишь в конце XV в. она возвращается в Москву. Все это время русские и тюрки, живущие в рамках единого полицентричного государства, оставались вполне равноправными. Татары, подобно русским, стали государствообразующим этносом. После присоединения Казанского ханства к России прошло совсем немного времени, когда грянули ужасы Смуты, польско-литовская оккупация Москвы и проч. В Казани еще были живы люди, помнившие о походах Ивана Грозного. Казалась бы, настал удобнейший момент для восстановления утраченной тюркскими народами Поволжья государственности, но на деле тюрки и русские совместно, сражаясь бок о бок, сокрушили поляков. Позднее, в XIX в., пришло ясное осознание того, что русские и тюрки (татары – одно из общих собирательных названий для последних по терминологии того времени) суть едины. Менялось лишь отношение к этому факту. Спектр мнений колебался от хамски пренебрежительного («поскреби русского, увидишь татарина») до категорического – настоящим русским может быть лишь человек с долей тюркской крови, без нее русскость сомнительна.

3. Московское царство есть ни что иное, как московский улус Золотой Орды, отличавшийся от прочих прежде всего православием. Именно московские государи, победив в острой борьбе других наследников Золотой Орды, взяли на себя колоссальный труд восстановления империи Чингисхана в новых исторических условиях, на более широкой этнической и территориальной базе. Именно поэтому русские, перевалив Уральские

горы, чуть более чем за полвека вышли к Тихому океану – они почти не встретили сопротивления ни тюрок, ни финно-угров.

4. С XV в. и до конца XVII в. вторым лицом в российском государстве официально считался «касимовский» царевич, тюрок по крови. Касимовское княжество на р. Оке было основано сыновьями Улу-Мухаммеда, создателя Казанского ханства. Его правители сажались на русский престол всякий раз, когда русский государь (хоть Рюрикович, хоть Романов) не готов был выполнять роль царя. Иван Грозный посадил вместо себя Симеона Бекбулатовича, Петр Великий, отъезжая в Европу в составе «Великого посольства», также формально оставил вместо себя касимовского царевича и т. п.

5. Пора уже наконец отказаться от квазинаучных представлений о том, что сибирские казаки были исключительно русскими людьми. В действительности они легко рекрутировались из башкир, татар и других тюркских народов. Поэтому они легко адаптировались в казахской степи: вне службы ходили в халатах и лисьих шапках, занимались преимущественно скотоводством, их образ жизни мало чем отличался от образа жизни казахов и т. п. Они были принципиально двуязычны, говорили и на русском, и на казахском языках одинаково легко. Их конфликты с казахами нередко принимали формы, традиционные для степи (угон скота). Наконец, они легко роднились с казахами. Чтобы убедиться в истинности данных положений, не нужны научные исследования – достаточно обратиться к материалам трехтомного издания «Азиатская Россия» и посмотреть на фотографии казаков. Вспомним о ходе революции и гражданской войны в казахской степи. Общество раскололось не на богатых и бедных, не на эксплуатируемых и эксплуататоров. На одной стороне баррикад были преимущественно казахи и казаки, занятые, главным образом, скотоводством, на другой – горожане и крестьяне, т. е. оседлое население региона. Исключения из этого правила, разумеется, существуют, и иногда довольно значительные, но общую тенденцию оспорить невозможно.

6. Чокан Валиханов – не только достойнейший сын казахского народа, замечательный ученый и талантливый писатель. Он – русский офицер, более того, русский чиновник, выполнявший ряд щекотливых поручений своего руководства. Он остался

казахом, но сделался офицером и чиновником на русской службе. Укажем здесь на принципиальную возможность такого состояния. М.Т. Лорис-Меликов любил подчеркнуть, что он русский генерал из армян. Ч. Валиханов, по аналогии, был русским штабс-капитаном из казахов. Любителям порассуждать о колониальной экспансии Российской империи в казахской степи излишне горячо надо бы помнить, что среди так называемых колонизаторов был и национальный светоч казахского народа.

Как же следует соотносить взгляды Л.Н. Гумилева с основными тенденциями, имевшими место в литературе?

Еще раз скажем, что XVIII в. – первая половина XIX в. – время, когда в отечественной историографии возникли основные подходы к разрешению вопроса о характере и последствиях ордынского господства над Русью. Они существовали в течение всего времени изучения русско-ордынских отношений, укреплялись новыми аргументами и новыми сторонниками.

Один подход восходит к традиции, заложенной Н.М. Карамзиным, подхваченной затем Х.Д. Френом, Н.Н. Костомаровым и продолженной трудами видных советских историков Б.Д. Грекова, А.Н. Носонова, Л.В. Черепнина и др. Ученые, поддерживающие его, исходили из значительной, временами определяющей и даже всеохватывающей роли монголов (ордынцев) в средневековой истории Руси. Они, безусловно, признают в качестве самостоятельного так называемый татарский период русской истории, негативно сказавшийся на развитии государства и судьбе русского народа.

Другой подход связан с именем С.М. Соловьева и его последователей В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, позднее М.Н. Покровского и А.Е. Преснякова. Для этих ученых определяющим оставался «естественный ход» внутренней жизни средневековой Руси, который не мог подвергнуться, по крайней мере, кардинальным образом, изменениям со стороны Орды.

Л.Н. Гумилев, опираясь на научное наследие академика В.В. Бартольда и евразийцев, до известной степени смог примирить два противоборствующих подхода, заимствовав у первого идею определяющей роли степной традиции в русской государственности и оценив ее с противоположным знаком, «сменив минус на плюс», у другого – идеи «естественного», т. е. детерми-

нированного природными и историческими фактами, хода жизни. Это означает, что признавая построения Л.Н. Гумилева оригинальными и, безусловно, новаторскими в части теоретико-методологической, мы вправе указать на могучую историографическую традицию, лежащую в основе его конкретно-исторических построений в части русско-ордынских взаимоотношений XIII–XV вв. Иначе: именно в этой части Л.Н. Гумилев как исследователь в наименьшей степени выступает новатором; он бережно сохранил и приумножил доставшееся ему научное наследие. Не случайно, что и в современной историографии проблемы выводы и построения авторов XIX–XX вв. нынешним поколением исследователей не отброшены и не пересмотрены, но вошли как составная часть в современное понимание и объяснение многосложных общественных процессов, протекавших в кочевых обществах и проявившихся в системе отношений Руси и Орды в XIII–XV вв.⁵².

---

⁵² См. подробнее: *Трубкин В.В.* Отечественная историческая литература о русско-ордынских и русско-литовских отношениях в середине XIII–XV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. С. 19, 20–21.

Глава 4

КРИТИКА ВЗГЛЯДОВ Л.Н. ГУМИЛЕВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Оригинальные взгляды Л.Н. Гумилева на историю степных цивилизаций, неординарная трактовка взаимоотношений Древней Руси и Великой степи, наконец, его пассионарная теория этногенеза и связанная с ней оригинальная авторская методика работы с источниками, с накопленным в науке багажом фактических знаний, не могли оставить равнодушными советских ученых.

Их отношение к положениям, высказанным Львом Николаевичем, было, скажем мягко, очень не одинаковым. Сам Гумилев признавал, что научным сообществом его теории встречи были по-разному. Представители естественнонаучных специальностей отнеслись к ней с вниманием и пониманием, мнение же гуманитариев немедленно поляризовалось и до сих пор колеблется от апологетических восторгов до однозначного и резкого неприятия.

Впрочем, adeпты и апологеты пассионарной теории этногенеза довольно скоро убедились, что применять гумилевские теоретические штудии в конкретных исследованиях, в научной практике, без эрудиции, таланта и знаний, хотя бы тождественных гумилевским, очень непросто, чтобы не сказать невозможно. В этом нас убеждает опыт проведения научных конференций, общероссийских и международных, посвященных памяти Л.Н. Гумилева и его творчеству. В этом же нас убеждают и публикации на исторические темы его учеников, последователей и коллег. Это означает, увы, что по гумилевским теоретико-методологическим разработкам мог работать только сам Лев Нико-

лаевич. Во всяком случае, мы затруднимся указать современное монографическое исследование, автор или авторы которого смогли предложить оригинальные исследования, чей вклад в науку можно было бы хоть отдаленно сопоставить с гумилевским. Горько осознавать, что на словах многие авторы подчеркивают, что разделяют положения и выводы из теоретических построений ученого, но на практике легко обходятся без них.

Один из авторов провел эксперимент, совершенно, впрочем, некорректный. Выступая с докладом на пленарном заседании представительной научной конференции в Республике Казахстан (память о Гумилеве казахстанские коллеги чтят куда последовательней и убежденнее российских) с докладом о хане Абылае, он всю первую половину своего выступления называл Абылая пассионарием. Это встречало в президиуме и аудитории полное понимание. Всю вторую половину доклада он называл хана микромутантом, обладающим способностью впитывать гео-биохимическую энергию живого вещества Земли в большей степени, чем многие его современники, чем спровоцировал бурю негодований. Иначе: ученая аудитория, формально разделяющая приверженность к учению Л.Н. Гумилева и в целом, и в частности, оказалась совершенно не готова к результатам применения его построений в конкретном исследовании. Тезис «Абылай – пассионарий» принимается полностью; тезис «Абылай – микромутант» отрицается абсолютно, хотя оба тезиса имеют одинаковое содержание.

В связи с этим свои функции приверженцы теории Л.Н. Гумилева усматривают в издании и переиздании работ мэтра, публикаций воспоминаний о нем, описании его жизненного пути, проведении конференций мемориального характера, но работать в науке по-гумилевски, скажем еще раз, сегодня не может никто. Гумилев – один.

Именно поэтому мы намерены сосредоточиться на взглядах критиков его теорий и его конкретно-исторических построений, по старому мудрому правилу римской юриспруденции – «да будет выслушана и противоположная сторона».

Чтобы тоньше понять особенности пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева, напомним, что в советской историографии второй половины 1950-х гг. – второй половины 1970-х гг.

проблемы этногенеза обсуждались как в общем, так сказать, теоретическом аспекте, как и в частном, например, по отношению к этногенезу славян. Маститый советский ученый, пользующийся несомненным и вполне заслуженным авторитетом, профессор исторического факультета Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова В.В. Мавродин утверждал: «Нельзя ограничить разыскания о древнейших судьбах славян каким-то определенным периодом, объявив его временем "происхождения славян", "этногенеза славян", как это имело место в наших исследованиях... Народ, поскольку речь идет не о нации, а о человеческом коллективе, состоящем из отдельных людей, имеющих своих предков, в категориях этнических, вечен и "родиться" не может»¹. Иными словами, славянство также древне, как и человечество. Ученые в поисках их предков логично дойдут до времен неандертальца, поэтому должно искать не родителей, а всю родословную этноса. В исследовательской практике это невозможно, поэтому вопрос о происхождении славян, об этногенезе славян должен быть заменен вопросом о том, каким наиболее ранним периодом можно датировать известные нам на данном этапе развития науки о языке древнейшие сведения о славянской речи»².

Нетрудно заметить, что в данном случае этногенез вообще не рассматривается как научная проблема; чтобы эту научность сохранить, надобно подменить многогранную историю этноса лишь одной ее составляющей – историей языка. Проблема науки истории трансформируется в проблему науки лингвистики, сравнительного языкознания и проч.

Заслуженному профессору вторит другой ленинградский ученый – археолог Л.С. Клейн, который в статье «К постановке вопроса о происхождении славян»³ показал, что историки пытались решать проблему на письменных источниках весь XVIII в. Весь XIX в. проблему решали лингвисты на своих источниках, в первой половине XX в. проблемой завладели археологи. Поста-

---

¹ Мавродин В.В. Древнейшие сведения о славянах (К вопросу о происхождении славян) // Вестник ЛГУ. 1956. № 20. С. 27.

² Там же. С. 28.

³ Клейн Л.С. К постановке вопроса о происхождении славян // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 1. Л., 1969.

новка вопроса в этих исследованиях, по мнению Л.С. Клейна, примитивна: этнос уподоблялся человеку, у которого есть родители (предки, место и время рождения, искомая малая родина)⁴. Выражение «этногенез», по мнению Л.С. Клейна, откровенно неудачно⁵. Не ясно, что вообще изучается: происхождение языковой общности, материальной культуры, фольклорное богатство, искусство, географическое и физическое происхождение⁶. У славян все сводится к языку, к проблеме, почему разные народы говорят на родственных языках. «Только в такой постановке вопроса имеет реальный конкретный смысл» – заключает ученый⁷. На деле – разрастается до проблем индоевропейцев. Но археология слепа в языкознании. Надо, следовательно, археологам (историкам) и лингвистам сотрудничать.

Л.С. Клейн, как мы видим, вполне осознает явную недостаточность возможностей сугубо исторических подходов к проблеме этногенеза, но выход, подобно В.В. Мавродину, находил в изучении языка, фактически ставя знак равенства между понятиями «народ» и «язык», вполне в духе и стиле церковнославянской речи. Пассионарная теория этногенеза Л.Н. Гумилева в этих условиях являлась заметным диссонансом в советской исторической науке, почти эпатажем⁸. Естественно, что его работы вызвали отклик у коллег, в том числе и у тех ученых, которые занимали крупные административные должности и были обременены серьезными научными регалиями. По мнению современного ученого Л.А. Мосионжника, открыл научное обсуждение идей Гумилева Ю.В. Бромлей своей статьей «К вопросу о сущности этноса», опубликованной во втором номере журнала «Природа» за 1970 г. Назвав пять вариантов толкования термина «этнос», он согласился с определением Л.Н. Гумилева. По мнению Л.А. Мосионжника, резоны у Ю.В. Бромлея были та-

---

⁴ Клейн Л.С. К постановке вопроса о происхождении славян... С. 22.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Там же. С. 27.

⁸ Эпатаж – скандальная выходка; поведение, намеренно нарушающее общепринятые нормы и правила; в то время как одно из значений термина «диссонанс» – разлад. См. подробнее: Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005. С. 265, 925.

ковы: будучи членом-корреспондентом АН СССР и директором Института этнографии, Ю.В. Бромлей «прежде всего должен был обеспечить спокойствие и бесконфликтность в своей епархии. Он готов был умеренно покровительствовать историку со знаменитым именем и лагерным прошлым»⁹.

Куда более сурово разобрал монографию Л.Н. Гумилева «В поисках вымышленного царства» глава Отделения истории АН СССР, директор института археологии академик Б.А. Рыбаков в специальной статье, опубликованной в ведущем историческом журнале¹⁰. Он укорил автора в чудовищном искажении летописей, в перетасовке хронологии, в нарушении научно-исследовательской процедуры, грехах против логики, пренебрежении к критике источников, узкой историографической базе и мн. др.

Особенно раздражала академика гумилевская «излюбленная дедукция», заставляющая его «фальсифицировать историю», как следствие – рассуждения Рыбакова о «недобросовестности» Гумилева. Борис Александрович, неплохо владевший пером, допускал и такие замечания: «верхом развязности и полного пренебрежения к источникам является раздел...»; «недобросовестная подтасовка исторических источников»; «попытка обмануть всех тех, кто не имеет возможности углубиться в проверку фактической основы озарений Л.Н. Гумилева». Эти и подобные замечания связанные прежде всего с интерпретацией некоторых сюжетов «Слова о полку Игореве», предпринятых Гумилевым. Кстати, позднее Лев Николаевич заметно пересмотрел свои выводы на этот счет, убедившись в том, что текст «Слова» не мог быть создан в XVIII в., как считал вначале вслед за А.А. Зиминим.

Проблема состояла даже не в том, что построения Гумилева серьезно критиковали, сколько в том, что тот же Ю.В. Бромлей, отрицая выводы Гумилева, продолжал их активно использовать в своих трудах без всякой отсылки к сочинениям Льва

---

⁹ *Мосионжник Л.А.* Технология исторического мифа. С. 69.

¹⁰ *Рыбаков Б.А.* О преодолении самообмана. По поводу книги Л.Н. Гумилева «В поисках вымышленного царства» // Вопросы истории. 1971. № 3. С. 153–159.

Николаевича. Сам Гумилев и близкий ему географ К.П. Иванов насчитали «29 основных положений концепции Л.Н. Гумилева об этносе» без ссылок в работах Бромлей. Академик откликнулся статьей «По поводу одного "автонекролога", в которой попытался оправдаться тем, что «29 основных положений» не есть научная и интеллектуальная собственность одного Л.Н. Гумилева¹¹, а сам Гумилев лишь закамуфлировал «учеными словами» давнюю концепцию «полноценных» и «неполноценных» народов. Такая интерпретация гумилевских построений, на наш взгляд, никак не вытекает из текста его работ. Ю.В. Бромлей настаивает, что у них с Гумилевым «диаметрально противоположные взгляды не только по отдельным вопросам, но и в понимании сути этногенеза (иначе говоря, теории этноса)¹². Комментируя статьи Ю.В. Бромлей, философ В.Л. Доблаев в этом же номере журнала признал, что многие вопросы, адресованные к своей теории, Гумилев пока оставляет без ответа. Именно поэтому, рассуждает автор, «рано еще писать некролог теории. Ее нужно развивать делами».

Целый ряд авторов отказывал построениям Л.Н. Гумилева именно в научности. Я.С. Лурье полагал, что схема Гумилева основана не на научных гипотезах, опирающихся на факты, а на догадках, под которые факты затем подгоняются¹³; впрочем, такой же Лурье считал и схему самого Б.А. Рыбакова. Лурье находит «прямые противоречия между утверждениями Гумилева и показаниями источников и отсутствие в этих источниках подтверждения многих положений, высказываемых автором». Лурье при этом мало заботило, что построение исторических работ как пересказ прямых показаний источников смотрится чудовищным анахронизмом в современной науке. Филолог Лурье согласен, что текст источника, хоть и служит бесспорным доказательством, но не всегда имеется в наличии у ученого. Чем же можно заменить отсутствующие письменные источники? Гумилев дает ответ на этот вопрос, а Я.С. Лурье – нет, он лишь на-

---

¹¹ Бромлей Ю.В. По поводу одного «автонекролога» // Знамя. 1988. № 12. С. 230.

¹² Там же. С. 236.

¹³ Лурье Я.С. К истории одной дискуссии // История СССР. 1996. № 4. С. 129.

стаивает на том, что «недопустимым представляется введение в эти (эмпирические. – Ю.С., Н.Г.) науки построений, не вытекающих с необходимостью из материалов источников». Иначе говоря – нет источников, нет истории. Конечный вывод ученого заимствован из статьи Б.А. Рыбакова, но применен и к его творчеству, и к творчеству Л.Н. Гумилева – «соглашаться трудно, но и опровергать нечего».

Позднее в ежемесячном литературно-художественном и общественно-политическом независимом журнале «Звезда» Я.С. Лурье опубликовал куда более суровую для Гумилева статью, основанную на мысли: «Все, что мы знаем об истории, мы знаем из источников». (Интересно, в каком источнике прописано, например, что Киевская Русь была государством раннефеодальным, а политический режим Екатерины II должен трактоваться как «просвещенный абсолютизм», а в конце XIX в. капитализм в России развился до стадии империализма). Лурье и обрушился на Гумилева за методику его работы с источниками. Он, скажем, решительно не приемлет тот факт, что Гумилев «совершенно игнорировал исследование летописей как источников»¹⁴. Конечный вывод Я.С. Лурье таков: «Но построение Гумилева не только теоретически уязвимо, но и фактически неверно. Проверка его на материалах источников по истории Древней Руси обнаруживает, что перед нами – не попытка обобщить реальный эмпирический материал, а плод предвзятых идей и авторской фантазии»¹⁵. Столь удручающий для Гумилева вывод как раз и основан на том, что немногочисленные русские письменные источники, прежде всего летописи, ничего не сообщают о событиях, которые Гумилев преподносит читателю как твердо установленные факты. Я.С. Лурье как будто забывает о том, что все гумилевские построения как раз и создавались для того, чтобы преодолеть чрезвычайную узость источниковой базы при изучении истории древней Руси. Впрочем, Лурье прав в одном – вывод Гумилева невозможно подкрепить ссылкой на конкретный источник, прежде всего на летописный текст.

---

¹⁴ Лурье Я.С. Древняя Русь в сочинениях Л.Н. Гумилева // Звезда. 1994. № 10. С. 171.

¹⁵ Там же С. 177.

Известный польский историк А. Поппе вообще воспринял монографию Гумилева как исторический роман в стиле «фэнтези», «как красивую болтовню» и отказывался понимать, почему Рыбаков всерьез ее критикует.

Внесли свой вклад в критику построений Л.Н. Гумилева и синологи (М.В. Крюков, В.В. Малявин, М.В. Сафонов), и ученые, изучавшие античность (А.М. Хаданов), и видные специалисты по истории Древнего Востока (И.М. Дьяконов), и археологи (Л.С. Клейн). Статьи двух последних авторов опубликовали в журнале «Нева» за 1992 г. И.М. Дьяконов признает, что в работах Гумилева содержится «немало оригинальных идей, над которыми стоит задуматься»¹⁶. Более того, И.М. Дьяконов признается, что и гумилевское толкование термина «этнос» представляется ему справедливым¹⁷. Не вызвала отторжения у маститого автора и теория пассионарности. Он, хоть и признал, что механизм действия пассионарности объяснен Гумилевым менее убедительно, чем вопрос об этносе, но заявил, что «изучать его необходимо»¹⁸. Категорически не устроили И.М. Дьяконова некоторые характеристики иудеев, в частности, хазарских рахдонитов, что и позволило ему сделать вывод, что «Древняя Русь и Великая степь» – не лучшее произведение Л.Н. Гумилева. Эти же характеристики иудеев чрезвычайно раздражили С.Л. Клейна. С одной стороны, он считает Гумилева человеком ярко талантливым, прошедшим сквозь ад и сохранившим способность к творчеству¹⁹, с другой – заявляет, «что проповеди Гумилева ненаучны и опасны», его труды уже пережили свое время²⁰. И.М. Дьяконова и Л.С. Клейна не устраивает в трудах Л.Н. Гумилева прежде всего негативные характеристики иудеев, обретавшихся в Хазарии и Киеве. Та роль, которую они сыграли в ранней русской истории, по мнению Гумилева, была неблагоприятной – отсюда и категорические его оценки их роли. С этим то не смогли согласиться его ученые оппоненты. Естественно,

---

¹⁶ Дьяконов И.М. «Огненный дьявол» // Нева. 1992. № 4. С. 225.

¹⁷ Там же. С. 225.

¹⁸ Там же. С. 226.

¹⁹ Клейн С.Л. Черные мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева // Нева. 1992. № 4. С. 245.

²⁰ Там же. С. 246.

Гумилев обвиняется ими в том, что он потатчик самым дурным настроениям в постсоветском обществе, льет воду на мельницу пресловутого общества «Память» и т. д. Критиковались не научные построения Л.Н. Гумилева, а те общественно-религиозные выводы, которые мог сделать невзыскательный читатель из его текстов.

Однако самую нелестную критику построений Л.Н. Гумилева осуществил В.И. Козлов. После его публикации в журнале «Вопросы истории» Л.Н. Гумилев и оказался на больничной койке. В.И. Козлов – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР. Он позиционировался как специалист в области этнической географии, этнической демографии и теории этноса. Таким образом, Виктор Иванович – специалист в той же отрасли знаний, на ниве которой подвизался и Л.Н. Гумилев, именно поэтому его критический анализ трудов Л.Н. Гумилева имел совсем другую направленность, чем у Я. Лурье, И. Дьяконова, Л. Клейна, Б. Рыбакова и др.

В.И. Козлов свою статью начинает с оценки географического детерминизма, который он относит к числу вульгарно-материалистических концепций; их значение после открытия К. Марксом и Ф. Энгельсом законов общественного развития, по его мнению, «полностью сходит на нет». Аналогичные оценки даются биологическим концепциям общественных отношений и исторического развития, которые понимаются В.И. Козловым как «реакционные», а разрабатывал их «один из предшественников фашизма, реакционный социолог Л. Гумплович». Наконец, с точки зрения В.И. Козлова, столь же реакционными были и биолого-психологические концепции – они широко использовались «наиболее реакционными партиями, в том числе и нацистскими». Конечный вывод автора: «Обращение к естественным наукам в целях историко-социологических построений полно опасности и для тех наших ученых, которые недостаточно глубоко усвоили исторический материализм и слабо ориентируются во все увеличивающемся сложном историческом материале»²¹. Таковым и выступает Л.Н. Гумилев.

---

²¹ Козлов В.И. О биолого-географической концепции этнической истории // Вопросы истории. 1974. № 12. С. 72–73.

Прежде всего В.И. Козлов укоряет Л.Н. Гумилева за то, что он осмелился сделать вывод о том, что ученые-этнографы так и не смогли предложить общепринятого толкования термина «этнос». Из текста В.И. Козлова невозможно уяснить, каково его мнение на этот счет, ибо вместо этого он обрушивается на Л.Н. Гумилева именно за его попытки определиться с содержанием этого ключевого для науки понятия. Что же его не устраивает в построениях Л.Н. Гумилева? Именно «биолого-географический подход» к этногенезу и этнической истории, сами попытки Льва Николаевича использовать методы и методики естественных наук для изучения этнической истории. Это, так сказать, главное плохое, что есть в сочинениях Л.Н. Гумилева²².

В.И. Козлов справедливо считает краеугольным камнем концепции Л.Н. Гумилева идею пассионарности как основной движущей силы процесса этногенеза и всей этнической истории. Он ее не приемлет решительно, прежде всего на том основании, что она позволяет биологизировать этническую историю, сводить ее к естественному циклу от рождения до смерти²³. Как и у всех советских ученых, хулителей творчества Л.Н. Гумилева, у В.И. Козлова вызывает раздражение скромнейшее замечание Гумилева о вреде эндогамии (смешанных, межэтнических браков), размывающих этнос. Напомним читателю, что, по мнению Л.Н. Гумилева, великий принцип человеческого общежития звучит так: «жить вместе, но не смешиваться». Сложная этническая картина общества есть залог его прочности и стабильности. Понятно, что в условиях развития новой исторической общности – советского народа, этого фантома советской науки и советской пропаганды, построения Л.Н. Гумилева на этот счет не могли быть приняты не только советским агитпропом, но и советской наукой. Надлежит, наконец, признать, что Л.Н. Гумилев, безусловно, не советский ученый, хотя он жил и работал только в СССР. Филологи давно уже различают советских писателей и писателей советской поры. Представляется, что этот прием пора бы перенять историкам. Итак, Л.Н. Гумилев – не советский историк, но историк советской поры. Его оппоненты, такие как В.И. Коз-

---

²² Козлов В.И. О биолого-географической концепции этнической истории... С. 74–75.

²³ Там же. С. 77.

лов, почувствовали это очень тонко. Он и гвоздит Гумилева как чужого, как врага, посягнувшего на святое и лучшее – на советскую науку, на советский народ и проч. Впрочем, В.И. Козлов довольно неожиданно признается: «Критический анализ этой концепции (Гумилева. – Ю.С., Н.С.) затруднен глобальностью его рассуждений, перед которыми даже известная историческая концепция А. Тойнби выглядит мелковатой»²⁴. Разумеется, он еще и таким образом хотел уязвить Гумилева – но в этой части своей критики он был прав.

В.И. Козлов полагает, что текст Гумилева удручающе нелогичен, «алогичен». На примеры таких построений Гумилева он и указывает читателю. Так, по его мнению, если Гумилев рассматривает все человечество как биологический вид *Homosapiens*, то и общественные классы также должны им объясняться категориями биологическими – ведь они тоже состоят из людей. Раз классы не являются явлением биологическим, значит, все построения Гумилева не верны. Прием, который использует В.И. Козлов, в науке логике называется «подмена тезиса»: никогда и ни при каких обстоятельствах ни сам Гумилев не считал классы и сословия явлением естественным, ни из его теории невозможно вывести такого мнения. Факт существования государства, классов, сословий, конфессий, объединений, союзов и т. п. разве устраняет факт существования *Homosapiens*? Можно сделаться доктором исторических наук, старшим научным сотрудником, но не перестать быть представителем биологического вида. Нам представляется, что именно В.И. Козлов в этом сюжете удручающе «алогичен».

Забавно сталкиваться с любопытным эффектом: желая указать на слабости теоретических конструкций Л.Н. Гумилева, В.И. Козлов порой их остроумно подтверждает. Он отрицает значение пассионарности применительно к первобытной эпохе, ибо в это время пассионарии не могли иметь и не имели существенного значения – их либо изгоняли, либо убивали. Но к аналогичным выводам пришел и сам Гумилев. В итоге, просто допустив в качестве сугубого предположения факт существования пас-

---

²⁴ Козлов В.И. О биолого-географической концепции этнической истории... С. 78.

сионариев, В.И. Козлов пришел к тем же выводам, что и критикуемый им автор.

Категорическое неприятие В.И. Козлова вызвали попытки Л.Н. Гумилева позиционировать свою пассионарную теорию этногенеза как полностью соответствующую теории диалектического и исторического материализма. В этом ему отказывал не только В.И. Козлов, но и многие другие критики гумилевских теорий в это время. Попробуем в этом разобраться.

Марксизм как научное учение зиждется на признании двух начал: диалектики и материализма. Именно в учении Маркса два этих начала объединены в гармоничную целостность. Синонимом марксизма и выступает понятие материалистическая диалектика или диалектический материализм. Был ли Гумилев диалектиком, т. е. признавал ли он факт существования вечно движущихся и изменяющихся явлений природы и общества; признавал ли он сам факт общественного развития? Ответ на этот вопрос может быть только положительным. Был ли Гумилев материалистом, т. е. признавал ли он основой всего сущего именно материю (например, геобиохимическую энергию земли для процессов этногенеза), соглашался ли он с идеей независимости материального мира от сознания людей? И на этот вопрос ответ может быть только положительным – все творчество Л.Н. Гумилева подтверждает эти наши выводы. Итак, Гумилев и диалектик, и материалист в самом общем философском смысле этих понятий. Но был ли Гумилев марксистом? С нашей точки зрения, вопрос об этом должен быть оставлен открытым. Авторы готовы допустить, что Гумилев нашел новое соотношение диалектики и материализма; во всяком случае, он сделал это на новых материалах, к которым классики марксизма не обратились.

Защищаясь от такого рода упреков, Гумилев как раз и утверждал, что все советские этнографы и В.И. Козлов, в частности, с их приматом социальных начал в толковании этноса и/или этногенеза с философской точки зрения есть идеалисты, даже субъективные идеалисты. Вполне понятно, что В.И. Козлов, храня честь мундира, сам спешит упрекнуть в этом Гумилева. Сегодня кажется смешным вывод видного советского этнографа, каким был В.И. Козлов, о том, что теория Гумилева плоха на том

основании, что она не марксистская, но в 1974 г. это все еще был аргумент вполне надежный, многократно отработанный для уязвления оппонента. Вспомним, что даже взгляды академика М.Н. Покровского были объявлены не только антиисторическими, но и антимарксистскими. Правда, к тому времени Покровский уже умер, не дожив до позора своих учеников, а Гумилев жил.

Итак, по мысли В.И. Козлова: «В целом развиваемые Л.Н. Гумилевым идеи не согласуются с историческим материализмом»²⁵. На этом В.И. Козлов не остановился. Со ссылкой на мнение профессора М.И. Артамонова он утверждает, что концепция Гумилева «снова возвращает нас к идеологически вредной теории героев и толпы», т. е. к идее неравенства людей, которая к тому же не может быть исправлена никакими социальными преобразованиями». Как следствие, Гумилев глубоко неверно, т. е. не по-марксистски, толкует проблему взаимодействий этносов или (по В.И. Козлову) национальные отношения в СССР, покусаясь таким образом, пусть и опосредованно, на новую историческую общность – советский народ. Признаем, что в последнем В.И. Козлов совершенно прав. Разумеется, Л.Н. Гумилев, накопивший огромный опыт (все-таки почти четырнадцать лет в местах лишения свободы), предпочитал обходить стороной проблему советского народа. Он просто стремился не высказываться на этот счет. Но из пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева со всей непреложностью вытекало, что такое аморфное объединение, как советский народ, не может быть долговечным. Если Гумилев прав как ученый (советский народ, как и Советский Союз, перестал существовать в одночасье), то прав и В.И. Козлов в своей критике гумилевской теории как идущей в разрез со столбовой, магистральной теорией межэтнических отношений в СССР, которая никогда не признавала «естественно-стихийный» характер межэтнических конфликтов, их независимость от социально-классового строя общества. По В.И. Козлову, все это охотно признавал Л.Н. Гумилев²⁶.

---

²⁵ Козлов В.И. О биолого-географической концепции этнической истории... С. 81.

²⁶ Там же. С. 83.

Еще одно серьезное замечание В.И. Козлова, тогда – убийственное, сегодня – звучащее как комплимент, – «концепция Л.Н. Гумилева носит не только глобально-этнический, но и более широкий – глобально-социально-исторический характер». Главный порок такого подхода – его надуманность²⁷. Наконец, Гумилев виноват даже в том, что его статьи охотно печатают за рубежом, даже в США, «что создает превратное представление о взглядах советских ученых в области этнической истории». Конечный вывод В.И. Козлова: «Концепция Л.Н. Гумилева... мешает подлинно научному решению» важнейших проблем²⁸.

После этой публикации прошло шестнадцать лет; имел место разгар горбачевской перестройки. Советскому Союзу осталось существовать 20 месяцев. Основные труды Гумилева уже не только написаны, но и опубликованы. Сам ученый находился в зените своей популярности. В.И. Козлов в новых исторических условиях вновь обращается к критическому разбору теории Л.Н. Гумилева, опубликовав пространную статью в журнале «Советская этнография»²⁹. Посмотрим, что изменилось в его критике за шестнадцать бурных лет.

Начинает В.И. Козлов с ценного признания, немислимого, конечно, в 1974 г., – разработка теории этноса в СССР еще не завершена, и с совершенно верной посылки – в то же самое время в стороне от основной массы этнографов «шла разработка» теории Л.Н. Гумилева, и с горькой констатации – «какого-то воздействия на самого Гумилева такая критика 1970-х гг. не оказала»³⁰. В.И. Козлов (все-таки либерализация) даже уколол своего шефа – академика Ю.В. Бромлея – за то, что он отказался вступить в обстоятельный диспут с Гумилевым, дабы дать отпор его ошибочным, «расистско-националистическим идеям». В.И. Козлов констатирует: «После 1986 г. ситуация сильно изменилась в пользу Л.Н. Гумилева», что позволило ему некорректно крити-

---

²⁷ Козлов В.И. О биолого-географической концепции этнической истории... С. 83–84.

²⁸ Там же. С. 85.

²⁹ Козлов В.И. Пути околоэтнической пассионарности (О концепции этноса и этногенеза, предложенной Л.Н. Гумилевым) // Советская этнография. 1990. № 4. С. 94–110.

³⁰ Там же. С. 94.

ковать своих оппонентов. Естественно, что В.И. Козлова более всего тревожат критические замечания Льва Николаевича на его собственные работы. Эти замечания Гумилева признаны им недопустимыми в научном отношении. Некорректность состоит в том, что Гумилев «стремится переспорить своих оппонентов, выдергивая из их работ куски фраз и перетолковывая их содержание в удобном для его критики виде»³¹. Что же этому пытается противопоставить сам Виктор Иванович? Он полагает, что лучший способ доказать ущербность теории Гумилева состоит в том, чтобы вырезать из его работы «Этногенез и биосфера Земли» цитаты, расположить их определенным образом («систематизировать»), и тогда то любому незашоренному читателю станет ясна подлинная сущность концепции Гумилева. Так В.И. Козлов и поступил, нарезав из Гумилевской монографии почти в 500 страниц цитат на пять страниц журнального текста. Если это не «выдергивание» кусков фраз из сочинения оппонента, то что это? Сам В.И. Козлов называет их «добросовестными выписками».

Такой подход позволил В.И. Козлову сформулировать суть своих претензий к гумилевской пассионарной теории этногенеза. Они сводятся к следующему.

1. Если Л.Н. Гумилев находит девять пассионарных толчков, очень четко привязанных к определенной территории, то чем можно объяснить тот факт, что этносы возникали повсеместно и на протяжении всего исторического времени, в том числе и очень далеко от зон пассионарных толчков.

2. Срок жизни этноса в 1200 лет не доказан и не может быть доказан.

3. Пассионарные личности, в том числе и те, кто фигурирует у Гумилева, не являлись создателями этносов.

4. Мрачной концепции рождения и смерти этносов должно противопоставить разумный оптимизм советского этнографа; «силу гуманитарных принципов».

5. Созданная Гумилевым концепция оправдывает самые кровавые события истории.

6. Аргументы Л.Н. Гумилева легко могли бы использовать нацисты, они служат оправданию нацистских преступников.

---

³¹ Козлов В.И. Пути околоэтнической пассионарности... С. 95.

7. Книга Гумилева очень информативна, в ней есть во многом правильные рассуждения (признания, немыслимые в 1974 г., все-таки В.И. Козлов учитывает общественные и научные реалии 1990 г.), но в ней нет признания плодотворности принципа мирного сосуществования, реанимированного в эту пору М.С. Горбачевым. Без «политики» В.И. Козлов, как мы видели, обойтись не может.

8. Л.Н. Гумилев действительно хотел вскрыть сложные закономерности исторических и этнических процессов у свирепых кочевников Центральной Азии, но не смог этого сделать на социальном уровне и схематизировал их на уровне неких биологических и физико-энергетических закономерностей, а затем распространил созданную им концепцию на всю всемирную историю.

9. В.И. Козлов поопасался и не постеснялся донести свои опасения до читателя, что критикуемый им Гумилев найдет для него «неэтичные критические слова», но мужественно эти опасения преодолел, ибо наука требует жертв.

Отвечать В.И. Козлову Л.Н. Гумилев не стал. Между тем его претензии требуют ответа, по крайней мере, первое по нашему списку. Ответ, на наш взгляд, должен состоять в следующем.

Л.Н. Гумилев утверждал, что в науке достоверно известно девять пассионарных толчков, прочие же, в силу разных причин, им же и объясненных, имели место, но оставались вне поля зрения ученого. Гумилева интересовал принципиальный механизм этногенеза, выстроенный им на конкретных примерах этих девяти толчков. Ему было очевидно, что созданная им схема (очень любимое Гумилевым понятие) будет работать и в любых других условиях пассионарного толчка. Наконец, пассионарность, изменяя генофонд, способна храниться и вырождаться, опосредованно влияя на этногенез спустя значительное время после пассионарного толчка. 1200 лет жизни этноса выявлены Гумилевым не как абсолютно предельный возраст этноса, а как статистический результат.

Обратим внимание читателя на назойливо декларируемую В.И. Козловым мысль о близости теории Гумилева фашистам (нацистам). Как будет показано ниже, мысли этой суждена будет долгая жизнь.

Крайняя полемическая заостренность материалов многих и многих критиков Гумилева, подобных В.И. Козлову, приводила к печальной ситуации: упрощая и огрубляя положения и выводы Л.Н. Гумилева, его критики, во-первых, пребывали в твердой уверенности, что принципиальные положения и систему аргументов пятисот страничной научной монографии можно легко опровергнуть журнальной публикацией объемом в половину печатного листа. Во-вторых, оппоненты Л.Н. Гумилева, отрицая, скажем, его теорию пассионарности, не в состоянии оказались предложить новый, альтернативный взгляд на проблему, иные интерпретации фактического материала. В силу этого они вынуждены были «огульно отрицать» приписываемый им Л.Н. Гумилеву биологизм в исторической науке, поскольку опровергнуть, например, сам факт существования биохимической энергии они, понятное дело, не решались. В-третьих, Л.Н. Гумилев объявлялся юдофобом, русофобом и проч. Щедро навешивались и другие, не менее громкие ярлыки.

С началом перестройки Л.Н. Гумилев получил возможность ответить своим критикам; но также это сделал на страницах массовых изданий. Его интервью и публицистические сочинения были сведены в один том и изданы в Москве Фондом Льва Николаевича Гумилева³². Приходится констатировать, что и сам Гумилев зачастую переступал границу строгой научной дискуссии, упрекал своих критиков, например, в ревизии теории исторического материализма, невнимательном, бездумном прочтении его текстов и т. п.

Остановимся на фрагменте этой полемики в части русско-ордынских отношений XIII в. и складывающейся системе ордынского ига. Нами будут привлечены прежде всего построения таких известных авторов, как Н.Я. Эйдельман и А.Г. Кузьмин. Первый продолжил традиции блестящей русской либеральной историографии. На рубеже 1980–1990-х гг. его сочинения сделались весьма востребованными и даже модными. А.Г. Кузьмин по своим идейным взглядам примыкал к охранительной традиции, занимаемой в эти годы редакцией журнала «Молодая гвардия». Таким образом, речь идет о критике взглядов Л.Н. Гуми-

---

³² Гумилев Л.Н. Черная легенда: друзья и недруги Великой степи. М., 1994.

лева с крайних идейных позиций, что позволит читателю представить себе весь спектр претензий оппонентов к построениям и доводам «последнего евразийца». Подчеркнем при этом, что А.Г. Кузьмин и в большей степени Н.Я. Эйдельман не могут быть отнесены к специалистам, профессионально знающим сюжеты и коллизии XIII в.

Н.Я. Эйдельман издал брошюру «"Революция сверху" в России» (М., 1989), в которой отразил доминирующие тогда в исторической науке представления о XIII в. следующим образом:

1. Монгольское нашествие определило всю последующую историю России, в частности, сформировало «азиатское начало», из которого автор выводил и крепостное право, и «лютное самодержавие»;

2. Потери, понесенные в результате степной агрессии, сопоставимы с «ядерным ударом», «атомной войной»;

3. Дипломатические усилия «замечательного миротворца XIII в.» Плано Карпини обеспечили мир монголов с католической Европой;

4. Мнение А.С. Пушкина о «растерзанной и издыхающей России», спасшей европейское просвещение, истинно и не может быть поставлено под сомнение.

На этом фоне Н.Я. Эйдельман рассуждал о «парадоксальном мнении» Л.Н. Гумилева. Признавая несомненную эрудицию своего оппонента, Н.Я. Эйдельман утверждал, что взгляды Л.Н. Гумилева, по его мнению, увлеченного своей теорией и впадающего в крайность, не только противоречат фактам, но и опровергаются фактами. Оставим в стороне кажущуюся нам смешной убежденность Н.Я. Эйдельмана в том, что теория может опровергаться фактами (мы вполне разделяем мнение Гегеля на этот счет и уверены, что теория может быть опровергнута только теорией, и если факт противоречит теории, тем хуже для факта; не может быть теории, которая объясняет всю совокупность фактов; необъяснимые факты есть всегда и называются артефактами) и посмотрим, какими же фактами Н.Я. Эйдельман пытался обозначить слабости теоретических конструкций Л.Н. Гумилева. Они сводятся к следующим:

1. Силы «псов-рыцарей» были слабее монгольских. Александр остановил их войском одного княжества. Под последним,

надо думать, Н.Я. Эйдельман понимает Новгородскую феодальную республику.

2. Монгольское иго было ужасным, ибо нанесло непоправимый урон городам как центрам культуры; население уменьшилось в несколько раз.

3. Имел место упадок княжеской власти и «удушение ростков свободы».

4. Стремительно нарастали процессы феодальной раздробленности.

5. Степная цивилизация в результате монгольских завоеваний приобрела черты неестественности, «уродливого паразитизма, загнивания»³³.

Персонально Н.Я. Эйдельману Л.Н. Гумилев не ответил, но на развенчание подобных положений, обозначенных им как «черная легенда», он положил жизнь. Между тем построения Н.Я. Эйдельмана не выдерживают критики именно с фактической стороны дела. Ответим ему.

1. Колонизационного потенциала крестоносной Европы очень скоро хватит не то что на Русь, но на весь Новый Свет. Немецкий натиск на восток Невский вовсе не остановил, а приостановил и весьма ненадолго, и проч.

2. Если население Руси уменьшилось в несколько раз, откуда взялся устойчивый хозяйственный подъем Северо-Восточной Руси, над которой именно и установилось ордынское иго. Какие именно жемчужины русской архитектуры были уничтожены батыевым нашествием конкретно? Во всяком случае, «Золотое кольцо» России неизменно стоит с доордынских времен.

3. Твердо доказано (И.Я. Фрояновым и его школой), что ордынские ханы укрепили, а не ослабили княжескую власть на Руси.

4. Процессы феодальной раздробленности начались на Руси за полтора века до становления Золотой Орды, они продолжали действовать и после батыева нашествия. Поэтому размеры русских княжеств становились все меньшими, а число их возрастало – ордынцы на этот объективно протекавший процесс, связанный с новым этапом развития феодальных отношений и

---

³³ Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 31–33.

феодалного государства, влияли весьма незначительно и слабо в политическом ключе.

5. Степная цивилизация, помимо прочего, дает дивные образцы высокого искусства, и этот факт непреложный.

Итак, Н.Я. Эйдельман не смог подняться над многовековыми традиционными оценками событий XIII в. Призыв Л.Н. Гумилева: «В науке существует только один критерий: мнение не должно противоречить строго установленным фактам, но вправе противоречить любым концепциям, сколь бы привычными они не были»³⁴. Н.Я. Эйдельман воспринят не был, да и не оперировал он не «строго установленными фактами», а лишь одной из многих возможных интерпретаций фактического материала³⁵.

А.Г. Кузьмин обвинил Л.Н. Гумилева в приватизации русской истории, опубликовав на этот счет специальную статью³⁶. Под пером А.Г. Кузьмина Л.Н. Гумилев превращался в «фантазера», его «привязанность к насильникам и презрение к жертвам» объясняется им известными коллизиями в жизни Л.Н. Гумилева. В своих «псевдоисторических сочинениях» Л.Н. Гумилев оскорбляет предков, «его концепция» многократно отвергалась в силу ее «полной несовместимости с фактами»³⁷. А.Г. Кузьмин отказывается понимать тех, кто организует пропаганду этих псевдоисторических сочинений; видит в интересе к творчеству Л.Н. Гумилева «способ пробудить поправное чувство собственного достоинства через оскорбление предков» и т. п. Вывод А.Г. Кузьмина, Л.Н. Гумилев – русофоб.

Давая интервью Игорю Савкину для журнала «Социум» (1993, № 5), Л.Н. Гумилев ответил А.Г. Кузьмину в стиле самого А.Г. Кузьмина. Заявив вначале, что полемика с ним по вопросам пассионарной теории этногенеза бессмысленна, ибо «спорить на научные темы на уровне низкопробных острот и нечисто-

---

³⁴ Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии... С. 42.

³⁵ О других возможных интерпретациях см. подробнее: Феннел Д. Кризис средневековой Руси 1200–1304. М., 1980. С. 127–130.

³⁶ Кузьмин А.Г. Пропеллер пассионарности или приватизация истории // Молодая гвардия. 1991. № 9.

³⁷ Там же. С. 256–257.

плотных намеков – занятие недостойное», Л.Н. Гумилев указал на некоторые исторические «не то ошибки, не то передержки» А.Г. Кузьмина. Называя их, он не стеснялся рассуждать о «неряшливой» аргументации А.Г. Кузьмина, «черпающего представления о взглядах оппонента из собственной фантазии». Оскорбившись замечанием А.Г. Кузина о собственной русофобии, Л.Н. Гумилев объявляет позицию своего критика «настоящей и неприкрытой русофобией». Резюме Л.Н. Гумилева: «Кузьмин удивительно безграмотен». К сожалению, материал журнала с интервью Л.Н. Гумилева сопровождался сообщением редакции о его кончине. Интервью затем было опубликовано в авторском сборнике «Ритмы Евразии»³⁸.

Сколько мы можем судить, подобный тон в статьях самого Л.Н. Гумилева чрезвычайно редок, хотя его критики прибегали к нему весьма охотно.

Н.Я. Эйдельман и А.Г. Кузьмин удивительно несхожи и в своем понимании русской истории, и по своим общественно-политическим и историософским взглядам. Но если отбросить крайности в построениях последнего, в критике взглядов Л.Н. Гумилева они совпали и прежде всего стойким неприятием «непривычной» для них концепции. Не имея возможности опровергнуть или хотя бы поколебать ее научными аргументами, оба критика Л.Н. Гумилева оперируют фактическим материалом, но не твердоустановленными фактами, доказательную силу которых признавал и сам Л.Н. Гумилев, а их историографической интерпретацией, которая должна быть признана по крайней мере односторонней.

Поговорим теперь о критике взглядов Л.Н. Гумилева, последовавшей после его кончины.

После распада СССР в Российской Федерации совершенно справедливо была поставлена задача создания новой схемы национальной истории, ибо в последнее десятилетие своего развития отечественная историография оказалась в ситуации, которую в свое время Г.П. Федотов охарактеризовал следующим образом: «...когда пройдет революционный и контрреволюционный шок, вся проблематика русской мысли будет стоять по-

---

³⁸ Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии...

прежнему перед новыми поколениями России», и далее: «Наша история снова лежит перед нами, как целина, ждущая плуга... Национальный канон, установленный в XIX веке, явно себя исчерпал. Его эвристическая и конструктивная ценность ничтожны. Он давно уже звучит фальшью, другой схемы не создано. Нет архитектора, нет плана, нет идеи»³⁹. Осознавая справедливость этого суждения, современные отечественные историки еще и поэтому заговорили о кризисе исторической науки в России на рубеже XX–XXI вв. Один из возможных выходов из кризисной ситуации действительно состоит в создании новой схемы отечественной истории, принципиально отличающейся от доминировавших не только в XIX в. постулатов государственной школы.

С практической попыткой нового прочтения русской истории выступил известный американский историк Александр Львович Янов, издав монографию объемом в 560 страниц под названием «Россия: у истоков трагедии 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности» (М., 2001). В аннотации к книге без лишней скромности заявляется, что автор, анализируя русскую историю на протяжении пяти столетий, «формирует новую национальную схему», объясняющую периодичность цивилизационных обвалов в России и повторяющуюся из века в век трагедию великого русского народа. Основной тезис автора, ради которого и писалась книга, состоит в следующем: «...у России не одна, а две, одинаково древние и легитимные политические традиции. Европейская (с ее гарантиями свободы, с конституционными ограничениями власти, с политической терпимостью и отрицанием государственного патернализма). И патерналистская (с ее провозглашением исключительности России, с государственной идеологией, с мечтой о сверхдержавности и о "мессианском величии и призвании")»⁴⁰. Последнюю традицию А.Л. Янов иногда называет азиатской. В результате «тотального террора самодержавной революции» Ивана Грозного Россия утратила европейскую идентичность, а вместе с ней погибла «доимперская, докрепостническая, досамо-

---

³⁹ Федотов Г.П. Судьбы и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 27, 66.

⁴⁰ Янов А.Л. Россия: у истоков трагедии 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М., 2001. С. 31.

державная» Россия, что А.Л. Яновым понимается не только как трагедия России, но и трагедия глобального, всемирно-исторического масштаба⁴¹. Автор вовсе не склонен ограничивать себя академическими штудиями, но и дает практические советы, главный из которых заключается в том, что сегодняшняя Россия имеет исторический шанс вернуться в европейскую семью народов, для чего необходимо разрушить «мифы антиевропейского канона, накопившиеся и в науке, и в политике, и в обыденном сознании»⁴². Вполне понятно, что создание «новой национальной схемы» невозможно без критического осмысления исторических трудов предшественников, поэтому А.Л. Янов, демонстрируя несомненную историографическую эрудицию, рассматривает сочинения отечественных и зарубежных авторов и, невзирая на лица и академические регалии, сурово разбирает их построения и системы аргументов. Нелицеприятная критика, скажем, приверженцев «государственной школы» вовсе не означает неуважительного отношения к ним самого А.Л. Янова. В конце концов книгу он посвящает светлой памяти своих наставников С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Но от терпимости автора к чужому мнению или даже от научной корректности не остается и следа, когда речь заходит о блестящей плеяде евразийцев 1920-х гг. А.Л. Янов решительно не приемлет принципиальные положения евразийцев, в частности: мысль Н. Трубецкого о том, что «...то современное государство, которое можно назвать и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом»⁴³; и другую: «Московское государство возникло благодаря татарскому игу»⁴⁴; тезис Г.В. Вернадского: «закрепощение народа на службе государству» унаследовано от ордынских ханов⁴⁵; принципиальное положение К.Н. Леонтьева, принятое позднее евразийцами, о наличии «собственной славяно-азиатской цивилизации», вылившееся позднее в знаменитую евразийскую чеканную формулу:

---

⁴¹ Янов А.Л. Указ. соч. С. 35–37.

⁴² Там же. С. 521.

⁴³ Трубецкой Н.С. История, культура, язык. М., 1995. С. 213.

⁴⁴ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1923. С. 372.

⁴⁵ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 345.

«Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма, ни механическое соединение из элементов той и другой»; имеет место «срединная азиатская культура»⁴⁶.

Однако наибольшее неприятие А.Л. Янова вызывают построения Л.Н. Гумилева. Хваленая американская политкорректность сходит у Янова на нет, когда он рассуждает о «мистификациях» Гумилева, о «навязчивых идеях» Гумилева, когда он ставит на одну доску творчество блестящего ученого Л.Н. Гумилева и писанину мистификатора от исторической науки А.Т. Фоменко. А.Л. Янов не может простить Гумилеву именно то, что миф о «славяно-азиатской цивилизации, изначально чуждой Европе (у евразийцев)», под пером Л.Н. Гумилева превращается в миф о цивилизации, «на смерть враждовавшей с Европой». По Янову, именно с Гумилева «евразийская идея из неевропейской стала антиевропейской»⁴⁷. Итак, А.Л. Янов категорически не приемлет евразийскую концепцию отечественной истории именно из-за ее неевропейской, а затем и антиевропейской направленности. Право автора принимать или не принимать ту или иную научную концепцию никто не ставит под сомнение. Хуже то, что сам Янов, отрицая «степное иго» (его термин) над Русью, отрицая «азиатский деспотизм» в российской государственности до 60-х гг. XVI в., не приемля тезис об исключительности и самобытности России, совершает чудовищное насилие над фактами, по сути дела, фальсифицирует и русскую историю, и русскую историографию. Укажем на некоторые несоответствия его теоретических построений установленным фактам.

1. Часть Русской земли с середины XIII в. оказалась насильственно втянутой в орбиту ордынского влияния, или, по терминологии евразийцев, стала частью империи Чингисхана – отрицать этот факт, кажется, невозможно, как и существование московского улуса Золотой Орды в XV–XVI вв., по крайней мере, с точки зрения татарских ханств, боровшихся с Москвой за наследие золотоордынских ханов. Победило в этой борьбе «христианизированное татарское ханство» (термин Н.А. Бердяева) – Москва. О фактах, как известно, не спорят. С фактами не спорит

---

⁴⁶ Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 32.

⁴⁷ Янов А.Л. Указ. соч. С. 24, 512, 516–517.

и А.Л. Янов. Вместо этого он обрушивается на евразийцев за признание этих фактов.

2. Из рассуждений об ужасах «степного ига» А.Л. Янов делает вывод о том, что с 1480 г., т. е. сразу после формального свержения ига в результате «великого стояния на Угре», Россия сделалась страной вполне европейской, имевшей юридическую защиту частной собственности, развитое местное самоуправление, суд присяжных, права личности, успешно развивающиеся товарно-денежные отношения и т. п., изрядно опередив в этом отношении Европу. Подобное утверждение автора вызывает недоумение. Если сразу после великого стояния на р. Угре и скорой гибели Ахмата Россия моментально становится европейской страной, то «степное иго» не может быть тяжелым, а может быть только номинальным, не влиявшим ни на хозяйственную жизнь, ни на внутреннее устройство русских княжеств. Стало быть, А.Л. Янов должен поддерживать евразийцев и Л.Н. Гумилева в этой части, однако этого не происходит. По сути дела, мы сталкиваемся со следующей ситуацией: на словах яростно отрицая тезис евразийцев, А.Л. Янов его фактически воспринимает, более того – кладет в основу своего видения русской истории.

3. А.Л. Янов вульгаризирует и опошляет евразийскую дихотомию «Запад – Восток». Под его пером на долю Запада (Европы) приходится социальный прогресс, свобода, права личности, собственность, демократия, а на долю востока (Азии) – застой, деспотизм, террор, тотальное огосударствление, подавление личностного начала. А.Л. Янову как будто неизвестно, что на евразийском пространстве к 1480 г. крепостного права, в отличие от Европы, не было, монгольские ханы подчинялись «Ясе» куда более последовательно, чем европейские монархи своим законам, свобода совести в державе чингизидов – норма, монголы не только выбирали себе ханов, но могли смещать их на легальных основаниях и т. п. Не худо бы А.Л. Янову объяснить, почему достижения Руси после падения ига он называет европейскими, если в это время в Европе, по его собственному признанию, многих из них нет еще и в помине. Не логичнее ли назвать их, например, российскими, раз уж их не было тогда ни на Западе, ни на Востоке. Увы, сделать это А.Л. Янов никак не может, ибо страстно отрицает «славяно-азиатскую цивилизацию»,

«срединную евразийскую культуру», т. е. своеобразие развития России в конце XV – первой половине XVI в. В итоге, по Янову, Россия была страной европейской, когда той Европе, которую так идеализирует Янов, еще предстояло появиться.

4. Напрасно А.Л. Янов полагает, что положение о своеобразии российской истории и культуры доминирует не только у евразийцев, но и в отечественной историографии и философии в целом. По крайней мере, в марксистской парадигме мы этого утверждения не найдем. М.Н. Покровский в предисловии к книге Н.П. Павлова-Сильванского «Феодализм в Древней Руси» показал это с полнейшей определенностью: «Для марксистов ответ, конечно, давно был готов – раз экономический процесс в России шел по тем же ступеням, как и на Западе, политическая история должна была представлять те же сходства... Исследователь (Н.П. Павлов-Сильванский. – *Ю.С., Н.С.*) нанес глубокую рану историческому предрассудку (о своеобразии русской истории. – *Ю.С., Н.С.*), усердно культивировавшемуся царизмом... Кто и после этих работ не отказался от «своеобразия», тот или упрямый старовер, или слишком уж запуган авторитетом предшественников... Россия пятьсот лет тому назад политически шла одним путем с Западной Европой, и то, что «приказало долго жить» там (крушение абсолютизма. – *Ю.С., Н.С.*), не воскресить на несколько градусов долготы восточнее»⁴⁸. Подобного рода «подмена тезиса», как это называется в науке логике, к сожалению, характерна для монографии А.Л. Янова. В итоге А.Л. Янову удалось сделать банальные выводы из своего многостраничного исследования, его политические, а отнюдь не только научные, симпатии исказили многосложную картину исторического развития и интерпретацию этого развития в историографии.

Впрочем, мы разделяем критику А.Л. Яновым современного российского евразийства в лице, например, В.В. Ильина и А.И. Панарина. Ноевразийцы ратуют сегодня за «имперский реванш», за восстановление империи на евразийском пространстве, игнорируя, по сути дела, великий принцип общежития народов, сформулированный Л.Н. Гумилевым: «Жить вместе, но не смешиваться». Мы солидарны с А.Л. Яновым в главном его

---

⁴⁸ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 576–577.

тезисе. Совершенно справедливо исследователь отказывается считать Россию «отдельной, принципиально неевропейской цивилизацией», критикуя ее противопоставление Европе⁴⁹. Две упомянутые тенденции – европейская и азиатская, по терминологии А.Л. Янова, – действительно имели место в российской истории фактически с киевских времен, если, конечно, отвлекаясь от откровенно неудачных дефиниций при их обозначении. Мы вполне разделяем тревогу ученого по поводу «терминологического хаоса» в исторической науке, поддерживаем его вывод о том, что методологических, историософских конструкций, на основе которых можно создать качественную схему национальной истории, в арсенале современной исторической науки нет, несмотря на все разнообразие и пестроту методологических подходов, в том числе и самоновейших.

Нас всего лишь не устраивают способ доказательства, некоторые аргументы А.Л. Янова, особенно в части критики работ своих предшественников. Наш автор предлагает весьма нелестную критику положений и выводов многих маститых историков (В.И. Сергеевича, А.А. Зимина, Р.Г. Скрынникова, К. Витфогеля, А. Тойнби и многих других), но все-таки он относится к ним как к коллегам-ученым. Неприятие же евразийской концепции и критика ее создателей – за гранью науки. Наш главный упрек построениям и выводам А.Л. Янова состоит в другом. Предложенная им схема не является именно новой. Американский историк лишь обобщил мнения, уже имевшиеся в литературе, так сказать, переформатировал их, подготовив при этом яркое, во всяком случае, незаурядное исследование, но не решил при этом основной задачи – создать новую схему отечественной истории. Потребность в такой схеме вполне назрела, осознана научной общественностью и властью. Предпринимаются попытки ее создания хотя бы в части учебной литературы. Вот только не повторить бы ошибок прошлого, о которых так ярко в свое время писал Г.П. Федотов: «Почти все крупные исследования национальных и имперских проблем оказались представленными историками националистического направления. Те, конечно, строили тенденциозную схему русской истории, смягчавшую

---

⁴⁹ Янов А.Л. Указ. соч. С. 11.

темные стороны исторической государственности. Эта схема вошла в официальные учебники, презираемые, но поневоле затверженные и не встречавшие корректива»⁵⁰.

Тем не менее определенные подвижки в учебной литературе уже произошли. Из учебников нового поколения истории России исчезло понятие «татаро-монгольское иго» с далеко идущими последствиями.

Новая волна критики построений Л.Н. Гумилева началась в наши дни. Она отличается по многим признакам от того, что происходило в 1990-х гг. Теперь для опровержения гумилевских построений критики используют уже не статьи в научной и общественной периодике, а монографические исследования. Остановимся на работах И.В. Можайсковой и Л.А. Мосионжника.

В постсоветский период многие ученые-гуманитарии в РФ, неудовлетворенные состоянием дел в гуманитаристике, прежде всего в истории вообще, в историософии и методологическом инструментарии исторической науки в частности, пытались предложить альтернативное видение всей русской истории. Вот и доктор экономических наук И.В. Можайскова пыталась выработать собственный метод познания на основе синтеза науки и религии – метаисторический анализ цивилизаций. Греческий корень «мета» имеет следующее основное значение – «следование за чем-либо, переход к чему-либо другому, перемену состояния, превращение»⁵¹. Мы вправе предположить, что «метаистория» у И.В. Можайсковой призвана обозначить перемену состояния истории. Такая методологическая конструкция довольно серьезно критиковалась⁵². Создавая новое понимание отечественной истории, да еще и в теоретическом ключе, ученый должен был по определению комментировать другие подобные попытки, в том числе предпринятые Л.Н. Гумилевым.

И.В. Можайскова подготовила весьма объемный труд «Духовный образ русской цивилизации и судьба России (Опыт метаисторического исследования): в 4-х частях» (М., 2001). Вторая часть ее работы называется «Русский космизм в контексте

---

⁵⁰ Федотов Г.П. Указ. соч. С. 317.

⁵¹ Крысин Л.Т. Указ. соч. С. 478.

⁵² См., например: Кирдина С.Г. *Х и Y экономики*. М., 2004.

противоречий мирового развития, обусловленных господством западной цивилизации». В аннотации заявлено, что по своему жанру эта книга – междисциплинарное научное исследование историко-философского и социологического плана, в котором научный анализ обосновывается на большом информационном материале. В двенадцатой главе с характерным названием, определяющим и тон, и контекст исследования – «Русский космизм как методологическая основа современной теории этногенеза. Национальность и нация» – автор и разбирает концепцию Л.Н. Гумилева.

По мнению И.В. Можайсковой, читателя, далекого от этнографической тематики, восхищало в работе Л.Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» все: глобализм концепции, объясняющий развитие этнического облика планеты, начиная с гоминоидов, внеземное происхождение «фактора икс», пассионарные толчки в процессе этногенеза; наотмашь бьющая критика оппонентов и предшественников (суть учения которых, была, как правило, неизвестна читателю); четырехфазная структура жизни этноса, антиэгоистическая этика пассионариев, свободное включение законов физики и биологии в этнические процессы; блестящее владение всей палитрой красок всемирной истории; множество непривычных идей; эрудированность автора; занимательность повествования и проч. Критические антигумилевские статьи воспринимались этими читателями как ретроградные, необоснованные⁵³.

Со временем, в силу разных причин восторженность прошла, что и потребовало, по мнению И.В. Можайсковой, нового осмысления теории Гумилева, ибо «многие положения его теории, его безусловная авторитетность создают психологический барьер для постановки и решения конкретных вопросов, связанных с жизнью русской нации, русской национальности в составе русской цивилизации и российской государственности⁵⁴. Одновременно автором признается, что критически осмысливать концепцию Гумилева для нее сложно, но И.В. Можайскову сложности не страшат. У нее сразу возникло «настороженное

---

⁵³ Можайскова И.В. Указ. соч. С. 366–367.

⁵⁴ Там же. С. 367.

отношение к критическим экскурсам Гумилева, к некоему схематизму его историко-логической конструкции», затем ее не устроили «глобалистские схемы» Гумилева, охватывающие десятки тысяч лет, при том что писанная история человечества обнимает лишь 6 тыс. лет. Все это вызывает у автора не сомнение, а недоумение. Конкретный материал, используемый Гумилевым, носит, по ее мнению, не аналитический, а иллюстративный характер – отсюда метафоричность доказательств.

Свою задачу И.В. Можайскова усматривает именно в том, чтобы понять суть концепции Гумилева, но не в том, чтобы найти действенные доводы против нее. Задача – максимум: «по-новому прочитайте концепцию Гумилева»⁵⁵. Сделать это она пытается, не употребляя термин «этнос», оперируя прежде всего термином «суперэтнос». Поставив же знак равенства между понятиями «суперэтнос» и «цивилизация» (да еще и приписав это равенство Гумилеву), И.В. Можайскова довольно быстро убеждается, что можно заменить термин «этнос» термином «цивилизационное развитие»⁵⁶. Осуществив и эту операцию, автор приходит к выводу, что положения Гумилева вполне соответствуют доводам А. Тойнби, Ф. Броделя и мн. др., т. е., по крайней мере, не оригинальны. Соответственно, «четырёхфазную динамику развития народов» также нельзя считать открытием Гумилева, ибо четыре фазы усматривали историк-эзотерист П.Д. Успенский (!), а до него Шпенглер, Данилевский и др. У них четыре, и у Гумилева четыре – какая уж тут оригинальность⁵⁷. Суть вещей, как нетрудно убедиться, доктора экономических наук не заинтересовала. Впрочем, И.В. Можайскова склонна видеть новацию Гумилева в обоснованной им динамике развития народов, связанной с природными явлениями.

В итоге автор приходит «к парадоксальному выводу о том, что Гумилев не рассматривает в своей работе этническую проблематику, что предметом его анализа (надо думать, вопреки облыжным заявлениям самого Гумилева. – Ю.С., Н.С.) является биосоциальная составляющая видового разнообразия че-

---

⁵⁵ Можайскова И.В. Указ. соч. С. 369.

⁵⁶ Там же. С. 373.

⁵⁷ Там же. С. 375.

ловечества (антропосферы) в рамках цивилизационных структур»⁵⁸. Соответственно, нет и не может быть никакой новой теории этногенеза, созданной Гумилевым, как не может быть и противопоставления традиционной этнографии, так как предмет исследования у них разный, а общими были только слова «этнос» и «этногенез», которыми и Гумилев, и его оппоненты, по мнению И.В. Можайсковой, абсурдно заменяли понятия «народ», «национальность», «нация», что в корне неверно. Этносы изучают этнографы, а Гумилев, полагает Можайскова, изучал не этносы.

И.В. Можайскова, в отличие от Л.Н. Гумилева, полагает, что процесс этногенеза – процесс биосоциальный, а значит, Гумилев не прав и в этом случае.

Пытаясь выявить вклад Л.Н. Гумилева в науку, И.В. Можайскова убеждается, что он был «достаточно весом», ибо Гумилев:

1) продолжил работы В.И. Вернадского своим тезисом «этнос – феномен биосферы»;

2) поставил вопрос о том, что в эволюции человека велико воздействие некой энергетической подпитки лучами внеземного происхождения – («фактор икс»), история выступает «стимулом» (без дальнейших уточнений);

3) дополнил построения Чижевского о влиянии «Солнца на всемирно-исторический процесс»;

4) предложил много сравнительно частных «постановок вопроса», например о пассионарности;

5) дельно рассуждал о взаимосвязи индивида и коллектива⁵⁹.

Все сделанное Гумилевым позволило И.В. Можайсковой сформулировать вывод – перед нами научная гипотеза, но никак не концепция и не теория⁶⁰, дальнейшее развитие его построений должно позволить выявить, как космический импульс трансформируется в пассионарность людей.

«Краткое резюме» И.В. Можайсковой о гипотезе Л.Н. Гумилева потрясает авторов данного пособия: геобиохимическую энергию живого вещества земли она допускает возможность тол-

---

⁵⁸ Можайскова И.В. Указ. соч. С. 376.

⁵⁹ Там же. С. 377–381.

⁶⁰ Там же. С. 381.

ковать в «телеологическом плане», т. е. как воздействие божественных сил, но признает, что можно толковать и в естественно-научном ключе, ибо это не имеет никакого значения, а важно «наличие неизвестной силы внеземного происхождения, дающей энергетическую подпитку (лучами) определенной части человечества в строго определенном районе Земли», а будет она от Бога или космоса – сути дела не меняет⁶¹.

Признавая вклад Л.Н. Гумилева в науку, И.В. Можайскова подчеркивает «принципиальное расхождение» своих взглядов с концепцией Л.Н. Гумилева. Оно состоит в следующем:

1. Можайскова полагает, что вне реальной этнической истории нельзя создавать концепцию развития видового (этнического) разнообразия человечества;

2. В видовом разнообразии человечества большую, самостоятельную роль играет цивилизационная структура; важно выделять этническую составляющую тех или иных цивилизаций⁶².

Наш комментарий к построениям И.В. Можайской сводится к следующему: законы мышления, изучаемые логикой, предполагают, что из неверной посылки следует неверный вывод. Мы уже указывали на общепринятый факт, положенный Гумилевым в основу своих построений, – биологический вид человека один, он называется *Homo sapiens*. Откуда взялись у И.В. Можайской «видовое разнообразие» человечества, выявить не удастся, как и истоки ее уверенности в том, что понятие «вид» тождественно понятию «этнос». С этим, разумеется, никогда не согласился бы ни Л.Н. Гумилев, ни его критики, о которых шла речь выше, ибо все они все-таки были учеными. И конечно же, не могли перепутать понятия «космическое излучение» (у Гумилева) и «космические лучи» (у Можайской), а из того факта, что природа этого космического излучения науке еще не ясна, не стали бы делать вывод о их божественном происхождении, как поступила И.В. Можайскова. Они – от Ю.В. Бромлея до А.Л. Янова – никогда бы не согласились рассматривать как синонимы понятия «суперэтнос» и «цивилизация» и не могли бы поставить знак равенства между содержанием этих терминов.

---

⁶¹ Можайскова И.В. Указ. соч. С. 383.

⁶² Там же. С. 384.

Термины «этнос» и «нация» в науке различались и до И.В. Можайской, ее собственное толкование терминов малоинтересно, ибо сводят этнос к «общей душе», видовому разнообразию человечества, биосоциальной природе, стимулам развития в виде энергетической космической основы и проч.⁶³.

Путанные и невразумительные представления И.В. Можайской о теории Гумилева, как уже успел заметить читатель, не поддаются даже внятому пересказу. Главную задачу своего исследования И.В. Можайского выполнить не смогла – не то что «прочитать по-новому», но и понять концепцию Л.Н. Гумилева она, увы, не сумела.

С иных позиций подошел к анализу пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева заведующий кафедрой антропологии и социальных технологий Высшей антропологической школы в Кишиневе, доцент Л.А. Мосионжник, напечатавший в Санкт-Петербурге пространную монографию о природе исторического мифа⁶⁴. Автор патетически ставит проблему – где та грань, преступив которую историк превращается в экстремистского идеолога и способствует возрождению антинауки, в том числе псевдоисторического мистицизма. В качестве одного из таких историков и выступает Л.Н. Гумилев; причем они образуют тандем с одним из идеологов фашистской Германии А. Розенбергом, нацистским преступником № 9. Что же не устроило автора в трудах Л.Н. Гумилева?

Не устроил, во-первых и в главных, «теоретический антисемитизм» Гумилева, о котором писали еще двадцать лет назад А. Тюрин, И.М. Дьяконов, Л.С. Клейн. Во-вторых, не устроил тот факт, что память ученого «приватизировали» крайне правые силы – не столько почвенники, сколько реваншисты». Ученый мир, Л.А. Мосионжник в первую очередь, осознал, «что целомудренное и милосердное молчание далее невозможно»⁶⁵. Поэтому он, чтобы у читателя не осталось иллюзии, прямо употребляет термин «фашизм» применительно к творчеству Л.Н. Гумилева. Для доказательства того факта, что гумилевские принципы бы-

---

⁶³ Можайская И.В. Указ. соч. С. 411.

⁶⁴ Мосионжник Л.А. Указ. соч.

⁶⁵ Там же. С. 73.

ли фашистскими, ему потребовалось сравнить взгляды А. Розенберга и Л.Н. Гумилева.

Л.А. Мосионжник «не может исключить» общую социальную основу концепции Гумилева и Розенберга. Оба – выходцы из социальных групп, на глазах утративших привилегированное положение. Оба в зрелом возрасте, рассуждает автор, люмпенизировались и скатились с социального верха на дно, оба стали «националистическими мифотворцами». Он также считает явлением одного порядка «мир крови» у Розенберга и «генетическую память» у Гумилева. Число параллелей в построениях Розенберга и Гумилева автор множит и множит на страницах своей весьма весьма пространной монографии (25 п. л.). Так, весьма тревожит автора принципиальная антигуманность и Гумилева, и Розенберга, их понимание истории как регресса, уничтожения, потерь, что ведет к появлению «ретроутопий» (у Гумилева таковой может выступать «вымышленное царство русско-ордынского симбиоза»); их антидемократизм, их исторический этноцентризм; они сторонники расовой сегрегации, они аморальны, наконец. Но худшее, что есть у Розенберга и Гумилева – антисемитизм, у Гумилева связанный с понятием «антисистема».

Вывод: Л.Н. Гумилев – мифотворец, занятый «редактированием смыслов»⁶⁶, с удручающим антипрофессионализмом и переоценкой собственной роли в науке. Даже художественность слога, которым написаны тексты Гумилева, автор ставит ему в вину⁶⁷.

Л.А. Мосионжник составил ряд таблиц⁶⁸, из которых следует, что все без исключения выделенные автором негативные характеристики, о которых речь шла выше (числом около 30), и которые вообще можно найти у авторов монографий, наличествуют у Гумилева. Даже А. Розенберг имеет на две такие негативные характеристики меньше – у него нет «произвола в физиологии» и «отрицания эксперимента». Остальные характеристики у Розенберга и Гумилева будут общими. Совпадение

---

⁶⁶ *Мосионжник Л.А.* Указ. соч. С. 230.

⁶⁷ Там же. С. 256–257.

⁶⁸ Там же. С. 319–320, 322–323.

содержания мифов, ими отстаиваемых, составляет, по мнению Л.А. Мосионжника, 100 %⁶⁹.

Л.А. Мосионжник сделал в своей работе много больше, чем обещал. Гумилев для него не просто яркий представитель «исторической антинауки», которая защищает интересы групп, сходящих со сцены и желающих удержаться любой ценой вопреки социальному прогрессу, обслуживающая самые низкие духовные потребности. Автор обосновывает «вред от антинаучных расистских построений Л.Н. Гумилева»⁷⁰, а бесконечные сравнения с А. Розенбергом приводят читателя к мнению, что фронтовик Л.Н. Гумилев еще и фашист по своим воззрениям, «сознательно подражавший» Розенбергу. Впрочем, преднамеренный нацизм Гумилева Л.А. Мосионжник отрицает. «Гумилев не пытался быть нацистом. Он написал то, что искренне думал, что считал своим открытием. Он не понимал, что это и есть нацизм»⁷¹, а вовсе не интернационализм, как почему-то считают многие и многие народы СССР. Итак, реальной альтернативой марксизму в РФ, заявляет молдавский антрополог, является прежде всего нацизм. Нельзя допустить, чтобы новые мифы и новые мифотворцы снова были таковыми, заключает свою работу автор.

Мы видим, что Л.А. Мосионжник вернулся к старой безвкусной идее почти 20-летней давности. Но если у прежних критиков теория Гумилева наличествует мысль, что они лишь в потенции могут использоваться в недостойных целях, то Л.А. Мосионжник уже сами теории Гумилева считает фашистскими и тшится убедить в этом читателя.

Между тем этот автор в одном прав: антинаука действительно существует, и его книга – выдающийся образец такого рода опусов. Задавшись целью любой ценой дискредитировать творчество Гумилева, он не останавливается ни перед ложью, ни перед клеветой, не слишком и камуфлируя свои антраша. Где до Л.А. Мосионжника простодушной И.В. Можайской, та лишь заменила конструкции Гумилева своими собственными,

---

⁶⁹ *Мосионжник Л.А.* Указ. соч. С. 326.

⁷⁰ Там же. С. 383.

⁷¹ Там же. С. 387.

да еще с ними же и не согласилась. Негативные оценки Л.Н. Гумилевым некоторых фрагментов истории евреев в Хазарии и на Руси оказались достаточным основанием для появления книги Л.А. Мосионжника.

Впрочем, автор прав и в другом: «Осуждать Гумилева бессмысленно»⁷². Сделанное Л.Н. Гумилевым можно попытаться извратить, но положительного результата в этой части добиться сложно.

Так что же, теории Л.Н. Гумилева вообще неуязвимы для критики? В науке так не бывает, и любая научная теория должна быть поставлена под сомнение, подвергнута критическому разбору. На этом настаивал сам Лев Николаевич. Внесем и мы свою лепту в этот процесс.

Вначале о самой теоретической конструкции Гумилева. Пассионарная теория этногенеза логична, лишена внутренних противоречий, полностью (насколько это вообще возможно для теории) подтверждается фактическим материалом, находится на мощном теоретическом фундаменте, основу которого составляет философский принцип монизма и факт существования геобиохимической энергии живого вещества Земли. Чтобы опровергнуть пассионарную теорию этногенеза Гумилева, необходимо для начала опровергнуть или хотя бы поставить под сомнение эти два начала. Ни один из критиков гумилевских воззрений многомудро и не пытается это сделать – отсюда их жалкий лепет: теория Гумилева плоха уже тем, что термин «этногенез», если его использовать строго, означает «зарождение этноса», а гумилевская теория объясняет бытование этноса от зарождения до глубокой старости и небытия, поэтому она сомнительна.

Одновременно пассионарная теория этногенеза не предлагает ответов на целый ряд вопросов, во всяком случае, сам Л.Н. Гумилев эти вопросами не озадачился. Укажем на некоторые.

1. Пассионарная теория этногенеза вычленила принципиальный механизм возникновения этносов. Но спрашивается – пассионарный толчок и все связанные с ним последующие процессы есть единственно возможный вариант этногенеза или один из многих?

---

⁷² Мосионжник Л.А. Указ. соч. С. 166.

2. Никто не отрицал (Л.Н. Гумилев в том числе), что процессы этногенеза в мировом масштабе протекают непрерывно, а пассионарных толчков, достоверно зафиксированных за несколько тысячелетий, всего девять, причем последний имел место в XVI в. Как и за счет чего протекали процессы этногенеза даже в зонах пассионарного толчка до и после этого пассионарного толчка? Вариант «после» еще можно объяснить микромутациями, переданными по наследству, изменениями генофонда, генетической памятью и проч., но откуда взялись этносы, так сказать, прародители, пусть и пребывающие в состоянии гомеостаза? Чтобы объяснить это, оставаясь в рамках теории Л.Н. Гумилева, приходится либо до бесконечности увеличивать число пассионарных толчков, либо признавать, что этногенез может протекать без пассионарного толчка. Что же из двух?

3. Очевидно, что любой человек обязательно должен принадлежать к одному этносу, чтобы не понимали под последним; но обязательно ли этнос должен принадлежать к какому-то суперэтносу? Возможен ли этнос без суперэтноса? Подвержен ли суперэтнос значительным изменениям в части составляющих его этносов, как далеко эти изменения простираются? Далеко не все европейцы относили к Западной Европе (католическому суперэтносу, по Гумилеву), даже католиков, проживающих в Германии и Польше, а не то что калмыков или лопарей. Для них граница европейских народов проходила по Эльбе даже в середине XVIII в. Всегда ли механизмы, работающие на уровне этноса, применимы к суперэтносу, и всегда ли механизмы, работающие на уровне суперэтноса, оправданно применимы к этносу?

4. Каков пассионарный механизм на уровне личности? Что означает конкретно принципиальный важный для теории Гумилева тезис: пассионарная личность обладает большей способностью поглощать энергию, чтобы расходовать ее на работу. Ну не кожей же он ее впитывает и не ест в три горла. Разумеется, проявляется она в поведении, шире – деятельности. Л.Н. Гумилев так и не объяснил именно это важное звено: космическая (вариант: солнечная) энергия выброшена, попала на землю, наполнила собой определенную территорию – понятно. На этой основе возникли пассионарии – понятно. Но как одно пе-

перосло в другое, с помощью какого именно процесса или механизма – непонятно.

5. Сам Л.Н. Гумилев, подбирая для своей теории доказательную базу, сосредоточился на изучении не всех девяти пассионарных толчков, а только некоторых из них. Он убедился сам и вполне убедил читателей (хотя и не всех), что его теория в этом случае работает. Означает ли это, что его пассионарная теория этногенеза имеет универсальный характер или она применима лишь тогда, когда факт пассионарного толчка зафиксирован достоверно?

Иначе говоря, границы возможного применения гумилевской теории все еще не определены. Сам ученый оставил несколько замечаний и предупреждений на этот счет. Л.Н. Гумилев очень не любил, когда выкладки применяли, скажем, к XIX–XX вв. Свои собственные исследования он заканчивал в лучшем случае XVII в. Что же, пассионарную теорию этногенеза не должно применять к нескольким последним векам истории человечества? Если это так, то почему так? Если же процессы этногенеза в XVIII–XX вв. на Земле сошли на нет или хотя бы застопорились, то кто конкретно из ученых возьмет на себя ответственность за такое мнение?

6. В литературе уже высказано мнение, что теория Л.Н. Гумилева наиболее эффектно используется тогда, когда письменные источники скудны, разрозненны, не позволяют реконструировать события этнической истории в полном объеме. Это мнение представляется нам истинным. Очевидно, что и свою теорию Л.Н. Гумилев создавал для таких случаев. В этом сила его теоретических построений, но никак не слабость. Надлежит только помнить, что его построения не единственно возможные. Вопрос: почему монголы Чингисхана победили своих врагов? Ответ от Гумилева: потому что уровень пассионарности у них был выше, чем у их врагов. А вот ответ, который дает современный ученый-археолог: потому что они обладали более совершенным оружием (имеется в виду монгольский саадак – лук и колчан со стрелами). Монгольский лучник посылал свою стрелу на 400 м, как и его противник. Но мощный сложный лук монгола посылал стрелу куда более тяжелую, чем у его соперника. Одна такая стрела могла убить лошадь под степным всад-

ником, пробить его защитный доспех и т. п. Есть ли противоречия в этих ответах? Нет! Они дополняют друг друга. Невозможно, стало быть, изучать прошлое лишь с позиции гумилевской теории, да и сам Л.Н. Гумилев к этому никогда не призывал.

7. Наконец, чтобы успешно использовать пассионарную теорию этногенеза Л.Н. Гумилева в исследовательской практике, нужно обладать талантами, эрудицией и знаниями самого Гумилева. Без этого, похоже, положительного научного результата не получишь. Приходится (хоть и очень не хочется) признавать, что гумилевская теория не для всех регионов, не для любой исторической эпохи и не для любого историка/этнолога.

Таким образом, постановка вопроса о том, истинна ли теория Гумилева, лишена научного смысла и должна быть конкретизирована по многим позициям. Пока же мы вправе констатировать очевидное: ни хулители, ни адепты и апологеты Л.Н. Гумилева не смогли подняться до качественного, именно научного анализа его теоретических построений и конкретно-исторических выводов выдающегося отечественного ученого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мировым научным сообществом давным-давно признано, что величайшие мировые открытия, определившие на века развитие мировой науки и даже человеческой цивилизации во-первых, не являются следствием безукоризненных логических рассуждений (ученый думал – и додумался), во-вторых, не выводятся из эксперимента, из опыта. Они именно придумываются, сочиняются – время и обстоятельства не важны. По легенде Архимед погрузился в ванну, на Ньютона упало яблоко, Менделеев увидел сон. Многие ученые повторили эксперимент А. Эйнштейна и убедились – теория относительности необъяснима экспериментальным путем.

Л.Н. Гумилев, лежа под тюремными нарами после ареста, тоже придумал свою теорию, которой он придал сообразный вид далеко не сразу. Компрометирует ли этот факт теорию Гумилева? В той же степени, как крики «Эврика!» Архимеда, голым бегущего по улице, компрометируют его выводы, а яблоко – законы классической механики И. Ньютона. Но подобно тому, как законы Ньютона действуют не всегда и не везде, теория Гумилева имеет свою сферу применения, которую лишь следует соответствующим образом определить.

Многие конкретно-исторические сюжеты, изученные Л.Н. Гумилевым, далеко не всегда разрешались автором в контексте его теории этногенеза. К таковым следует отнести целый ряд значимых в научном отношении вопросов, например, о взаимоотношениях со степью, о православной теократии, о способах русской колонизации земель за Уралом и проч. Качество их осмысления Л.Н. Гумилевым не укладывается в высокомерное «Есть мнение!», но очень часто: «Найдено решение!».

Вокруг работ Л.Н. Гумилева на протяжении долгой его жизни в науке возникали споры, разворачивалась полемика. Последняя, как известно, – это такой вид спора, при котором участникам важно не просто найти истину, но опорочить противника.

Сама греческая основа термина означает «воинственный, враждебный». Далеко не всегда участником такой полемики был сам Л.Н. Гумилев. Зачастую он не имел возможности не только публиковать свои ответы в открытой печати, но и вообще отвечать.

Практически все аспекты его научного творчества вызывали острую реакцию «академического сообщества». Востоковеды, прежде всего китаисты, скептически относились к гумилевской интерпретации истории кочевых народов Великой степи, особенно в части их взаимоотношений с Китаем, этнографы остро реагировали на пассионарную теорию этногенеза и ее составляющие, специалисты по русской истории не приняли гумилевской интерпретации истории Древней Руси, прежде всего в части взаимоотношений с кочевниками, а затем и с Золотой Ордой. Как и всякая полемика, споры вокруг гумилевских воззрений редко удерживались в рамках научной дискуссии. Сам Лев Николаевич далеко не всегда был невинной жертвой. Он мог ответить своим оппонентам (если получал такую возможность) в духе их критики. Но только после кончины Гумилева, уже в XXI в., критика его воззрений стала совсем уже разнuzданной. Если в СССР критики Гумилева не соглашались с его взглядами, то в РФ критики Гумилева стали сознательно извращать его построения, подгоняя их под свои сомнительные выводы. Кем только не был Гумилев в глазах своих советских оппонентов, но все-таки фашистскими или нацистскими, антинаучными или псевдонаучными его сочинения не объявлялись никогда. В крайнем случае – советские авторы обвиняли его в русском национализме. Антигумилевскую критику пытались сделать общественно-политическим мероприятием, вынести научные проблемы (как в случае с романом В.А. Чивилихина) на суд общественности.

Справедливости ради отметим, что именно историки и филологи прежде всего не приняли творчество Л.Н. Гумилева и соответствующим образом критиковали его. Философы, географы и биологи относились к нему с большим пониманием, с несомненной заинтересованностью; они критиковали не теорию как таковую, а отдельные интерпретации Л.Н. Гумилева.

Были ли корректными обвинения самого Гумилева в адрес властей, в том числе генералов от науки, научного сообще-

ства в целом? Если принимать во внимание суть его претензий, но не форму, в которую они были облечены, ответ будет положительным¹. Если речь идет о его мнении по конкретному поводу – нет, ибо Гумилев, споря с оппонентами, мог и забыть, что в науке любое мнение вносит свою лепту в понимание тех процессов и явлений, которые становятся предметом изучения.

Мы не должны допустить, чтобы построения Гумилева постигла та же судьба, что и наследие евразийцев. Утратив новизну и актуальность, сделавшись привычными, они не должны потерять еще и читательский интерес. Мы надеемся, иначе говоря, что в науке останутся не только споры и дискуссии вокруг творчества Гумилева, но и само его творчество навсегда останется востребованным.

Л.Н. Гумилев в современной исторической науке чаще всего востребован как «последний евразиец». Сам ученый с гордостью позиционировал себя в качестве приверженца и верного последователя евразийской доктрины, в конце концов оформившейся в стройную научную теорию. Для ее развития сам Л.Н. Гумилев сделал очень много и как ученый, и как популяризатор науки.

Однако фундаментальные научные достижения Л.Н. Гумилева лежат в иной плоскости. Им предложено принципиально новое понимание фундаментального для гуманитарных наук термина «этнос». Данное понятие используется в науке очень давно и весьма широко. Тем не менее содержание его не было ни обосновано с помощью формально-логического или конкретно-научного подходов, ни хотя бы определено сколько-нибудь внятно. В научной литературе, конечно, был вычленен ряд признаков, с помощью которых авторы пытались выделять этносы, действующие в мировой истории или хотя бы сформулировать критерии, основываясь на которых можно было бы выделять этносы в историческом процессе. В качестве таковых чаще всего выступали язык, материальная и духовная культура, религия, территориальная целостность, общность экономиче-

---

¹ См. подробнее: *Гумилев Л.Н.* Справка. Механизм зажима публикаций Л.Н. Гумилева, доктора исторических наук с 1961 г., за период с 1975 по 1985 г. // *Живя в чужих словах. Воспоминания о Л.Н. Гумилеве.* СПб., 2006. С. 237–245.

ской жизни, субъективное ощущение принадлежности к тому или иному народу и проч. Ни один из них не имел универсального характера и не мог применяться для описания любого этноса в любую историческую эпоху. Лидер советской этнографии академик Ю.В. Бромлей в конце концов вынужден был признать, что ни каждый из подобных критериев, ни вся их совокупность на практике не работают. Л.Н. Гумилев, в отличие от большинства советских этнографов, отказался считать этнос явлением исключительно социальным. Под этносом он склонен был понимать естественно сложившуюся, т. е. природную, форму коллективного существования человечества, всего биологического вида *Homo sapiens*, являющегося неотъемлемой составной частью биосферы Земли. Если это так, рассуждал ученый, то изучать этнос можно и должно прежде всего методами естественнонаучными, именно теми, которыми пользуются, например, биология и география. Это привело Л.Н. Гумилева к созданию особой научной дисциплины – этнологии, которая в его понимании является естественнонаучной, но ни в коем случае не гуманитарной.

Этносы – устойчивые, естественно сложившиеся коллективы людей – обладают общностью поведенческих черт, передаваемых из поколения в поколение с помощью механизма наследственности. Эти черты ни в коем случае не случайны, они вырабатываются в процессе адаптации этноса к вмещающему ландшафту и окружающей этнической среде. В конечном счете они формируют стереотипы поведения конкретных представителей данного этноса, этнические традиции в самом широком смысле этого слова, т. е. все то, чем один этнос отличается от другого.

Итак, по Л.Н. Гумилеву, этнос не есть социальное явление, подчиненное лишь логике и закономерностям общественного развития. Этнос в то же время не есть биологическая популяция, ибо поведение и, шире, деятельность людей всегда осознана и подчинена определенной цели. Это природное явление, по Л.Н. Гумилеву, принципиально несводимое ни к классу, ни к словию, ни к партии, ни к хозяйственно-культурному типу, ни к языку, ни к расе. В самом общем виде этнос есть феномен биосферы. Подобный вывод Л.Н. Гумилева, вкупе с теорией пассио-

нарности, по его собственному признанию, был весьма благожелательно встречен «географами, геологами, зоологами, ботаниками и философами», но не вызвал интереса у «историков-источниковедов, филологов и востоковедов»². В литературе предложены объяснения причин такого неровного отношения к данным построениям Л.Н. Гумилева, хотя далеко не все из них содержат сугубо научную аргументацию, доказаны, а не высказаны априори. Остановимся на некоторых.

В самом деле, если этнос есть явление природное, феномен биосферы земли, тогда и люди, человеки, из которых, собственно, и состоят этносы, также есть явление сугубо природное. Это означает только одно: личности, если угодно, исторические личности, также явления природные. То есть творцы и герои, которыми гордится каждый народ и которых так много у любого народа, суть последствия таинственной игры малопонятных для историка природных сил, а папа с мамой, микросреда, социум, сам народ оказываются, что называется, не при делах.

Л.Н. Гумилев признает, что люди, к какому бы этносу они не принадлежали, не одинаковы. Именно сознание, точнее (и тоньше) страсть к чему бы то ни было (победа над врагом, открытие, почести, стяжание богатств, религиозная экзальтация, власть и проч.), т. е. все то, что противоречит природным инстинктам, а зачастую – и здравому смыслу, что является именно антиинстинктом, обозначается ученым как пассионарность (от латинского *passio* – страсть). Носители пассионарности – пассионарии – могут быть, по слову Л.Н. Гумилева, людьми «добрыми и злыми, умными и глупыми, нежными и грубыми. Это не важно; главное, что они готовы пожертвовать собой и другими людьми ради своих целей, которые часто бывают иллюзорны»³.

В своих трудах Л.Н. Гумилев крайне редко употреблял понятие «личность», уж тем более – «историческая личность», предпочитая введенный им в научный оборот термин «пассионарий». Будучи, как настоящий ученый, последовательным, природу пассионарности Л.Н. Гумилев описывал через механизм мутации, вернее, микромутации, когда человек оставался самим собой,

---

² Гумилев Л.Н. Биография научной теории... С. 35.

³ Там же. С. 31.

но вел себя по-другому. Естественно, что историческими личностями становятся не все мутанты-пассионарии, а лишь некоторые. К этому добавим, что совершаться этим микромутациям позволяет биохимическая энергия живого вещества биосферы, при этом сама пассионарность становится наследственным признаком, рецессивным вероятнее всего. Пассионариям, по Л.Н. Гумилеву, противостоят субпассионарии, т. е. обыватели, члены этого же этноса. Не бывает пассионария без субпассионария, как нет Дон Кихота без Санчо Пансы.

Деятельность пассионариев вовсе не всегда удачна. Результат ее зависит от общей активности этнической системы, которую Л.Н. Гумилев обозначал как пассионарное напряжение. Изучив деятельность и жизненный путь Наполеона, Александра Македонского, Чингисхана, Аввакума, Жанны д'Арк и многих других героев всемирной истории, Л.Н. Гумилев убедился, что всех их объединяет непреодолимое внутреннее стремление к активной деятельности, вектор которой не определяется ни условиями социальной среды, ни материальными благами, ни жизненными интересами. Их деятельность сопровождается непониманием и осуждением окружающих их субпассионариев, массовыми жертвами, разрушением культуры, даже гибелью цивилизации. Их деятельность несводима ни к биологическим инстинктам, ни к психологическим и социально-значимым свойствам человека, реализуется либо как активность этнического коллектива, либо как поведенческий импульс.

Естественно, что любой ученый-историк относится к этим построениям настороженно, ибо редко в своих исследованиях он ставит вопрос «почему?», предпочитая отвечать на вопросы «кто?» и «когда?». И это несмотря на то, что, по большому счету, иных собственно научных объяснений появления крупных исторических личностей в литературе не предложено. Не считать же таковыми случай, вызовы времени, волю Божью и т. п.

В современной исторической науке наличествует всплеск интереса к проблеме личности в истории. Казалось бы, именно сегодня должны быть востребованы теоретические конструкции Л.Н. Гумилева. Однако этого не произошло. Мы вправе констатировать тот факт, что Лев Николаевич оказался очень несчастлив в своих учениках, если вообще уместно говорить о

таковых. Даже если его теоретические конструкции не отвергаются с ходу (а сделать это совсем не просто, ибо отрицать сам факт существования биохимической энергии живого вещества биосферы Земли не сможет сегодня никто, равно как и принципиальную возможность микромутации человеческих особей, влияющих на поведенческий императив как этноса, так и отдельной личности), то они игнорируются. Последователи теории Л.Н. Гумилева более заняты ее популяризацией, нежели серьезной научной работой в части ее адаптации к конкретным историческим исследованиям. В итоге, скажем это с горечью, блестящая научная теория все еще смотрится гипотезой, не апробированной на практике в сколько-нибудь значительном масштабе. Яркие исторические сочинения самого Л.Н. Гумилева, написанные с позиций его теоретических штудий историографическую ситуацию не меняют. Объяснения этому следует искать в следующих обстоятельствах.

Современный историк, как правило, не имеет никакой естественнонаучной подготовки, следовательно, не владеет и естественнонаучными методами исследования. В силу этого он оказывается не в состоянии применить их к конкретному историческому материалу. В силу самой природы исторического познания историк пишет историю не так, как она была на самом деле, а так, как она отразилась в исторических источниках. Работать же с источниками методами естественных наук пока что не научился никто. Сам Л.Н. Гумилев предостерегал читателя и возможного своего последователя от стремления использовать его теории применительно к новому времени, тем более применительно к истории XX в. «Аберрация близости», по мнению ученого, серьезно деформирует построение исторической науки. Тут вступает в действие философский принцип, известный как «бритва Оккама»: «сущности не следует умножать без необходимости». Иначе говоря, реалии нового времени можно объяснить и интерпретировать без теорий Л.Н. Гумилева. Так, по мнению Льва Николаевича, и надлежит поступать. Его теоретические конструкции применимы там и тогда, когда в распоряжении историка нет потребного количества исторических источников, прежде всего письменных. Более того, Л.Н. Гумилев никогда не претендовал на истинность своих теорий, пола-

гая, что истины наличествуют только в спекулятивной (умопостигаемой) науке, такой, как математика, которая оперирует не явлениями природы или социума, а числами – созданиями нашего мозга⁴. Он предложил научную теорию, работающую в совершенно определенных условиях, но не истину, свет которой обязателен для всех. Итак, современная гуманитарная наука оказалась не готова подкрепить теоретические изыскания Л.Н. Гумилева научным опытом, исследовательской практикой. Но в полном соответствии с мнением Уильяма Оккама то, что не поддается проверке в опыте (и не сводится к интуитивному знанию), должно быть удалено из науки. Многие и многие современные нам авторы готовы именно так поступить с теоретическим наследием Л.Н. Гумилева.

Лев Николаевич подчеркивал, что он диалектик и материалист, что его теории ни в малейшей степени не расходятся с историческим и диалектическим материализмом, а лишь расширяют сферу их применения. В нынешних условиях его лояльность марксизму также не добавляет ему дивидендов.

Кстати, в марксизме теоретические аспекты проблемы личности в истории проработаны очень качественно. Созданы и прикладные, весьма эффективно работающие методы и методики – методы социальной типизации, например. Советские историки умели их использовать в своих конкретных исследованиях. Сегодня же лавинообразное увеличение публикаций по данной проблеме, столь неудачно названное «антропологический поворот», никак не сопровождается теоретическим осмыслением этой кардинальной проблемы исторической науки.

---

⁴ Гумилев Л.Н. Биография научной теории... С. 10.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Основная литература

Основная литература по евразийству

Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.

Алексеев Н.Н. Советский феодализм // *Общественные науки и современность*. 1992. № 1. С. 110–123.

Алексеев Н.Н. Пути и судьбы марксизма от Маркса и Энгельса до Ленина и Сталина. Берлин: Издательство евразийцев, 1936. 102 с.

Бердяев Н.А. Евразийцы // *Путь*. 1925. № 1. С. 101–105.

Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М. 1965. 374 с.

Вернадский Г.В. Из воспоминаний // *Вопросы истории*. 1995. № 1. С. 129–148.

Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь, 1999. 448 с.

Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь, 1999. 480 с.

Вернадский Г.В. Московское царство: в 2 ч. Ч. I. Тверь: ЛЕАН; Москва: Аграф, 2000. 512 с.; Ч. II. Тверь, 2000. 416 с.

Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М.: Айрис-пресс, 2002. 368 с.

Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь, 2000. 352 с.

Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998. 448 с.

Вернадский Г.В. Русская история. М.: АГРАФ, 2001. 544 с.

Вернадский Г.В. Три решения // *Новое время*. 1994. № 50. С. 43–45.

Евразийская хроника / под ред. П.Н. Савицкого. Вып. V. Париж, 1926. 84 с.; Вып. VI. Париж, 1926. 90 с.; Вып. VII. Париж, 1927. 60 с.; Вып. VIII. Париж, 1927. 56 с.; Вып. IX. Париж, 1927. 70 с.; Вып. X. Париж, 1928. 104 с.; Вып. XI. Париж, 1935. 104 с.; Вып. XII. Париж, 1937. 124 с.

Евразийская хроника. Вып. I–IV. Берлин, 1925. (Сборники литографированные). 80 с.

Евразийский временник. Кн. 3. Берлин, 1923. 124 с.; Кн. 4. Берлин, 1925. 132 с.; Кн. 5. Париж, 1927. 108 с.

Евразийский сборник. Кн. VI. Прага-Париж: Издательство евразийцев. 1929.

Евразийство (Формулировка 1927 г.) // Политическая история русской эмиграции 1920–1940 гг.: документы и материалы / под ред. А.Ф. Киселева. М.: Владос, 1999. С. 260–272.

Евразийство и коммунизм / под ред. П.Н. Савицкого. Париж, 1928.

Евразийство: декларация, формулировка, тезисы. Прага, 1932. 28 с.

Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Институт российской истории РАН, 1997.

Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Кн. 1. София, 1921. 320 с.

Карсавин Л.П. Без догмата // Версты. 1927. № 2. С. 129–144.

Карсавин Л.П. Государство и кризис демократии // Новый мир. 1991. № 1. С. 183–193.

Карсавин Л.П. Евразийская идея в материалистической оболочке (По поводу рукописи «Учение о жизни») // Философские науки. 2004. № 9. С. 69–73; № 10. С. 93–106.

Между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.: Институт философии РАН, 1993.

Мир России – Евразия: Антология / сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высшая школа, 1995. 396 с.

На путях. Утверждение евразийцев. Берлин: Книгоиздательство «Геликон», 1922. 340 с.

Основы евразийства. М., 2002.

Пути Евразии: русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга М., 1992.

Россия и латинство. Берлин: Геликон, 1923.

Савицкий П.Н. Великороссия и Украина // Родное слово. 1926. № 8. С. 10–14.

Савицкий П.Н. К познанию русских степей // Версты. 1928. № 3. С. 215–241.

Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.

Савицкий П.Н. Месторазвитие русской промышленности. Берлин: Издание евразийцев, 1932. 163 с.

Савицкий П.Н. Метафизика хозяйства: сборник статей, посвященный П.Б. Струве. Прага, 1925. С. 143–150.

Савицкий П.Н. Пятилетний план и хозяйственное развитие страны // Новый град, Париж. 1932. № 5. С. 43–55.

Степун Ф.А. Россия между Европой и Азией // Чаемая Россия. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999. 480 с.

Тридцатые годы Париж: Утверждение евразийцев. Париж: Издательство евразийцев, 1931.

Трубецкой Н.С. История, культура, язык. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. 797 с.

Трубецкой Н.С. Мы и другие // Наш современник. 1992. № 2. С. 160–163.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: АГРАФ: 2000. 560 с.
Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М.: АГРАФ, 1998. 432 с.

Монографии Л.Н. Гумилева

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ, 2002. 839 с.

Гумилев Л.Н. История народа хунну. Кн. 1. М.: АСТ, 2002. 412 с.; Кн. 2. М.: АСТ, 2002. 443 с.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь / Гумилев Л.Н. СПб.: Кристалл, 2001. 768 с.

Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: ДИ-ДИК, 1998. 592 с.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1996. 496 с.

Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: ДИ-ДИК, 1997. 560 с.

Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М.: ДИ-ДИК, 1997. 544 с.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М.: Ди Дик, 1996. 640 с.

Гумилев Л.Н. Древний Тибет. М.: ДИ-ДИК, 1996. 557 с.

Гумилев Л.Н. Хунны в Китае: Три века войны Китая со степными народами. М.: Наука. 1974. 236 с. 24 с. с граф. и карт.

Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства: (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М.: Наука. 1970. 432 с.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки / АН СССР. Ин-т народов Азии. М.: Наука, 1967. 504 с.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии: (Историко-географический этюд) / АН СССР. Ин-т истории народов Азии. М.: Наука, 1966. 191 с.

Гумилев Л.Н. Хунну: Срединная Азия в древние времена. М., 1960. 292 с.

Статьи Л.Н. Гумилева

Гумилев Л.Н. Тезисы на соискание ученой степени кандидата исторически наук: Политическая история первого тюркского каганата: (546–659). Л., 1948.

Гумилев Л.Н. Статуэтки воинов из Туюк-Мазара // Сборник музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Т. XII. С. 232–253.

Гумилев Л.Н. Предисловие // Тибетские народные песни / пер. с кит. А. Клещенко. М., 1958. С. 5–10.

Гумилев Л.Н. Динлинская проблема: (Пересмотр гипотезы Г.Е. Грумм-Гржимайло в свете новых исторических и археологических материалов) // Известия Всесоюзного географического общества. 1959. Т. 91. № 1. С. 17–26.

Гумилев Л.Н. Терракотовые фигурки обезьян из Хотана (Опыт интерпретации) // Сообщения Государственного эрмитажа. 1959. Т. 16. С. 55–57.

Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюрков-тугю // Советская археология. 1959. № 1. С. 105–114.

Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестник древней истории 1959. № 1. С. 129–140.

Гумилев Л.Н. Удельно-лестничная система у тюрков в VI–VIII веках (К вопросу о ранних формах государственности) // Советская этнография. 1959. № 3. С. 11–25.

Гумилев Л.Н. Азиатский исток чувашского народного искусства // Советская Чувашия. 1959. 18 авг.

Гумилев Л.Н. Война 589 г. и Гератская битва // Известия Академии наук Таджикской ССР / Отделение общественных наук. 1960. Т. 2 (23). С. 61–74.

Гумилев Л.Н. Географические работы Н.Я. Бичурина в Центральном государственном архиве Татарской АССР // Н.Я. Би-

чури́н (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары, 1960. С. 3–14 (в соавт. с М.Ф. Хван).

Гумилев Л.Н. Китайская хронологическая терминология в трудах Н.Я. Бичурина на фоне мировой истории // Н.Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары, 1960. С. 643–673.

Гумилев Л.Н. Таласская битва 36 г. до н. э. // Исследования по истории культуры народов Востока: Сборник в честь академика И.А. Орбели. М.; Л., 1960. С. 161–166.

Гумилев Л.Н. Бахрам Чубин (Опыт критики источников) // Проблемы востоковедения. 1960. № 3. С. 228–241.

Гумилев Л.Н. Легенда и действительность в древней истории Тибета // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3. С. 103–113.

Гумилев Л.Н. Некоторые вопросы истории хуннов // Вестник древней истории. 1960. № 4. С. 120–125.

Гумилев Л.Н. Великая распря в первом тюркском каганате в свете византийских источников // Византийский временник. 1961. Т. XX. С. 75–89.

Гумилев Л.Н. Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло как историк Центральной Азии // Материалы по отделению этнографии / Геогр. о-во СССР. М., 1961. Ч. 1. С. 49–58.

Гумилев Л.Н. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров // Материалы по отделению этнографии / Геогр. об-во СССР. Л., 1961. Ч. I. С. 15–26.

Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока: География, этнография, история. М., 1961. Вып. II. С. 103–111.

Гумилев Л.Н. Подвиг Бахрама Чубины: подбор и перевод источников, вступительная статья «Битва при Герате» и комментарий Л.Н. Гумилева. Л.: Изд-во гос. Эрмитажа, 1962. 40 с.

Гумилев Л.Н. Хазарское погребение и место, где стоял Итиль // Сообщения государственного Эрмитажа. Л., 1962. Т. XXII. С. 56–58.

Гумилев Л.Н. Хунно-китайская война III–II вв. до н. э. // Древний мир: сборник статей: Академику Василию Васильевичу Струве. М., 1962. С. 410–417.

Гумилев Л.Н. Хазарская Атлантида // Азия и Африка сегодня. 1962. № 2. С. 52–53 (в соавт. с А. Алексиным).

Гумилев Л.Н. Гунны // Советская историческая энциклопедия. Т. 4. Стлб. 889–891.

Гумилев Л.Н. Каспий, климат и кочевники // Труды общества истории, археологии и этнографии / Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. 1963. Т. I (36). С. 41–55 (в соавт. с А.А. Алексиным).

Гумилев Л.Н. По поводу интерпретации Уланкомской надписи // Советская археология. 1963. № 1. С. 295–298.

Гумилев Л.Н. Пульс климата // Комсомольская правда. 1963. 27 июля.

Гумилев Л.Н. Хазария и Каспий (Ландшафт и этнос): I // Вестник Ленинградского ун-та. 1964. № 6. Вып. I. С. 83–95.

Gumilev L. Khazaria and Caspian: (Landscape and Ethnos): Part I // Soviet Geography (New York). 1964. Vol. 5. № 6. P. 54–68.

Гумилев Л.Н. Хазария и Терек (Ландшафт и этнос): II // Вестник Ленинградского ун-та. 1964. № 24. Вып. 4. С. 78–88.

Gumilev L. Khazaria and Terek (Landscape and Ethnos): II // Soviet Geography (New York). 1966. Vol. VII. № 2. P. 14–26.

Гумилев Л.Н. Где она. Хазария? // Неделя. 1964. 7–13 июня (в соавт. с Б.И. Кузнецовым).

Гумилев Л.Н. Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакты Симокатты и в действительности // Византийский временник. 1965. Т. XXVI. С. 67–76.

Гумилев Л.Н. Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло – историк монгольского и калмыцкого народов // Известия Всесоюзного географического общества. 1965. Т. 97. Вып. I. С. 445–447.

Гумилев Л.Н. Ирано-эфталитская война в V в. // Altheim Er., Steihl R. Die Araberinder Alten Welt. Berlin: Walterde Gruyterund Co. 1965. Bd. 5. Tell 2. S. 507–525.

Гумилев Л.Н. Памятники хазарской культуры в дельте Волги // Сообщения государственного Эрмитажа. М.; Л., 1965. Т. XXVI. С. 49–51.

Гумилев Л.Н. По поводу предмета исторической географии (Ландшафт и этнос): III // Вестник Ленинградского ун-та. 1965. № 18. Вып. 3. С. 112–120.

Gumilev L. On the Subject of Historical Geography: (Landscape and Ethnos): III // *Soviet Geography* (New York). 1966. Vol. VII. № 2. P. 27–35.

Гумилев Л.Н. Распря восьмидесятых годов VI века в тюркском каганате // Доклады по этнографии / Геогр. об-во СССР. Л., 1965. Вып. I (4). С. 66–69.

Гумилев Л.Н. Соседи хазар // Страны и народы Востока. 1965. № 4. С. 127–142.

Гумилев Л.Н. Рец. на книгу: С.Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964 // Народы Азии и Африки. 1965. № 6. С. 175–179.

Gumilev L. Les fluctuations du niveau de la mer Caspienne: Variations climatiques et histoire de peuples nomades au sud de la plaine Russe // *Cahiers du monde russe et soviétique* (Paris). 1965. Vol 6. Cahier 3. P. 331–336.

Гумилев Л.Н. Археологические исследования П.К. Козлова в аспекте исторической географии // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. 1966. Т. 98. Вып. 3. С. 240–246 (в соавт. с С.И. Руденко).

Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности (Ландшафт и этнос): IV // Вестник Ленинградского ун-та. 1966. № 6. Вып. I. С. 62–71.

Gumilev L. Heierochronism in the Moisture Supply of Eurasia in Antiquity (Landscape and Ethnos): IV // *Soviet Geography* (New York). 1966. Vol. VII. № 10. P. 34–45.

Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века (Ландшафт и этнос): V // Вестник Ленинградского ун-та. 1966. № 18. Вып. 3. С. 81–90.

Gumilev L. Heterochronism in the Moisture Supply of Eurasia in the Middle Ages (Landscape and Ethnos): V // *Soviet Geography* (New York). 1968. Vol. IX. № 1. P. 23–35.

Гумилев Л.Н. Ландшафт и этнос Евразии за исторический период // Чтения памяти академика Л.С. Берга в связи с его 90-летием со дня рождения: 16–18 марта 1966 г.: тезисы докладов. Л., 1966. С. 29–31.

Гумилев Л.Н. Монголы XIII в. и «Слово о полку Игореве» // Доклады отделения этнографии / Геогр. об-во СССР. Л., 1966. Вып. 2. С. 55–80.

Gumilev L. Les Mongols su XIII-e siecle et le «Slovo o polku Igo-reve» // Cahlers du Monde russe et sovetique (Paris). 1966. Vol. VIII. № 1. P. 37–57.

Гумилев Л.Н. Разновозрастные почвы на степных песках Дона и передвижение народов за исторический период // Изв. АН СССР: Серия географическая. 1966. Т. 1. С. 11–20 (в соавт. с А.Г. Гаель).

Gumilev L. Soils of Varions Ages in the Steppe Sands of the Don and the Migration of peoples in historical times // Soviet Geography (New York). 1968. Vol. IX. № 7. P. 575. 589. (A.G. Gael).

Гумилев Л.Н. Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии (Опыт историко-географического синтеза) // Народы Азии и Африки. 1966. № 4. С. 85–94.

Гумилев Л.Н. Митра и Шэнраб // Филология и история стран зарубежной Африки: Тезисы юбилейной научной конференции Восточного факультета, посвященной 50-летию Великого Октября. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 70–71 (в соавт. с Б.И. Кузнецовым).

Гумилев Л.Н. Несторианство и Русь // Доклады по этнографии / Геогр. об-во СССР: Отделение этнографии. Л., 1967. Вып. 5. С. 5–24.

Гумилев Л.Н. О термине «этнос» // Доклады отделений и комиссий / Геогр. об-во СССР. Л., 1967. Вып. 3: Этнография. С. 3–17.

Гумилев Л.Н. По поводу «единой» географии (Ландшафт и этнос): VI // Вестник Ленинградского ун-та. 1967. № 6. Вып. 1. С. 120–129.

Gumilev L. On the Subject of the Unified Geography («Landscape and Ethnos»): VI // Soviet Geography (New York). 1968. Vol. IX. № 1. P. 36–46.

Гумилев Л.Н. Об антропогенном факторе ландшафтообразования (Ландшафт и этнос): VII // Вестник Ленинградского ун-та. 1967. № 24. Вып. 4. С. 102–112.

Gumilev L. On the Antropogenic Factor In Landscape Formation (Landscape and Ethnos): VII // Soviet geography (New York). 1968. Vol. IX. № 7. P. 590–601.

Гумилев Л.Н. Этнос как явление // Доклады отделений и комиссий / Геогр. об-во СССР. Л., 1967. Вып. 3: Этнография. С. 90–107.

Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967. № 1. С. 53–66.

Гумилев Л.Н. Эфталиты – горцы или степняки? // Вестник древней истории. 1967. № 3. С. 91–99.

Gumilev L. New Data on the history of the Khazaris // Acta Archea-Logica Academiæ Scientiarum Hungaricæ (Budapest). 1967. T. 19. Fasc. 1/2. P. 61–103.

Гумилев Л.Н. Древне-монгольская религия // Доклады отделений и комиссий / Геогр. об-во СССР. Л., 1968. Вып. 5: Этнография. С. 31–38.

Гумилев Л.Н. Кочевые погребения в дельте Волги // Доклады по этнографии / Геогр. об-во СССР: Отделение этнографии. Л., 1968. Вып. 6. С. 33–41.

Гумилев Л.Н. Создание и распад монгольской империи в XIII в. // История стран Азии и Африки в Средние века. М., 1969. С. 205–218.

Гумилев Л.Н. Троецарствие в Китае // Доклады отделений и комиссий / Геогр. об-во СССР. Л., 1968. Вып. 5: Этнография. С. 108–127.

Гумилев Л.Н. Этно-ландшафтные регионы Евразии в исторический период // Чтения памяти Льва Семеновича Берга: VIII–XIV. 1960–1966. Л., 1968. С. 118–134.

Гумилев Л.Н. Этнос и ландшафт: Историческая география как народоведение // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. 1968. Т. 100, Вып. 3. С. 193–202.

Гумилев Л.Н. Кочевой быт от расцвета к исчезновению // Азия и Африка сегодня. 1968. № 2. С. 14–15.

Гумилев Л.Н. Климат и история // Знание – сила. 1968. № 4. С. 28–29.

Гумилев Л.Н. Страна Шамбала в легенде и в истории // Азия и Африка сегодня. 1968. № 5. С. 48–50.

Гумилев Л.Н. Опыт классификации общественно-политических систем древних кочевников // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums (Budapest). 1962. S. 262–269.

Гумилев Л.Н. То же, на япон. яз. // Кокусикан дайгаку дзимбун гаккай кие / Ученые записки гуманитарного научного общества «Кокусикан» (Токио). 1970. № 12. С. 11–19.

Гумилев Л.Н. A kasarok utodai // Kulonenyomat a Tortenelmi Szemle (Budapest). 1968. 1/2 szamabol. С. 11–18.

Гумилев Л.Н. А.Г. Грумм-Гржимайло: научная и общественная деятельность // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. 1969. Т. 101. Вып. 3. С. 288 (в соавт. с Л.А. Смоляниновой).

Гумилев Л.Н. Величие и падение Древнего Тибета // Страны и народы Востока. М., 1969. Вып. VIII: География, этнография, история. С. 153–182.

Гумилев Л.Н. Две традиции древнетибетской картографии (Ландшафт и этнос): VIII // Вестник Ленинградского ун-та. 1969. № 24 (Вып. 4). С. 88–101 (в соавт. с Б.И. Кузнецовым).

Gumilev L. Two traditions of Ancient Tibetan Cartography (Landscape and Ethnos): VIII // Soviet Geography (New York). 1970. Vol. XI. № 7. P. 565–519.

Гумилев Л.Н. Ирано-эфталитская война в V в. // Althelm F., Stiehl H. Die Araler in der Alter Welt (Berlin). 1969. Bd. 5. Tell 2. S. 507–525.

Гумилев Л.Н. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в Средние века (Опыт анализа) // Народы Азии и Африки. 1969. № 3. С. 78–87 (в соавт. с И. Эрдейи).

Gumilev L. A nomad vilag egysede es Sokretusege // Archaeologiai Ekteslto (Budapest). 1969. Vol. 96. № 1. P. 54–617. (Erdelyi Istvan).

Гумилев Л.Н. Бон (Древняя тибетская религия) // Доклады отделений и комиссий / Геогр. об-ва СССР. Л., 1970. Вып. 15: Этнография. С. 72–90 (в соавт. с Б.И. Кузнецовым).

Гумилев Л.Н. К проблеме событий, предшествовавших восшествию Чингизхана на престол // Beitragezur Alten Geschlchte-undderen Nachleben Festschriftfur Franz Altheimzum, 6.10.1968. Berlin, 1970. Bd. 11. S. 238–247.

Гумилев Л.Н. О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнографии (Ландшафт и этнос): X // Вестник Ленинградского ун-та. 1970. № 24. Вып. 4. С. 39–49.

Gumilev L. The Man- Nature relationship according to the data of hystorical Geography arid Ethnology: (Landscape and Ethnos): X // Soviet Geography (New York). 1973. Vol. XII. № 5. P. 321–332.

Гумилев Л.Н. Сергей Иванович Руденко: некролог // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. 1970. Т. 102. Вып. 1. С. 91–93.

Гумилев Л.Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе: сборник статей. М., 1970. С. 455–474.

Гумилев Л.Н. То же. отрывки на венг. яз. / Mcta Orlentalla Academlae Hungarical (Budapest). 1971. Т. 24. Fasc. 1. P. 255–258. Перевел: Sarkozi, Alice.

Гумилев Л.Н. Этногенез в аспекте географии (Ландшафт и этнос): IX // Вестник Ленинградского ун-та. 1970. № 12. Вып. 2: Геология, география. С. 88–93.

Gumilev L. Ethnogenesis from the geographical point of View (Landscape and Ethnos): IX // Soviet Geography (New York). 1972. Vol. XIII. N 1. P. 45–55.

Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени // Доклады отделений и комиссий / Геогр. об-во СССР. Л., 1970. Вып. 15: Этнография. С. 143–157.

Гумилев Л.Н. Место исторической географии в востоковедческих исследованиях // Народы Азии и Африки. 1970. № 1. С. 85–94.

Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1. С. 46–55; № 2. С. 13–50.

Gumilev L. Khazaria and Caspion // The Geographical Review (New York). 1970. Vol. 60. № 3. P. 367–377.

Гумилев Л.Н. Колебания степени влажности и миграции народов в Юго-Восточной Европе с II по IV в. // Actes du VII Congress International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques (Prague. UNESCO). 1971. Vol. 2. P. 951–955.

Гумилев Л.Н. Коллекции С.И. Руденко в Государственном музее народов СССР // Этнография народов СССР: сборник статей. Л., 1971. С. 6–15.

Гумилев Л.Н. Некоторые разъяснения: Письмо в редакцию // Советская этнография. 1971. № 1. С. 176.

Гумилев Л.Н. О странном неприятии географии // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва 1971. Т. 103. Вып. 3. С. 263–267.

Гумилев Л.Н. Письмо в редакцию // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. 1971. Т. 103. Вып. 6. С. 568–569.

Гумилев Л.Н. Этнос – состояние и процесс (Ландшафт и этнос): XI // Вестник Ленинградского ун-та. 1971. Т. 12. Вып. 2. С. 86–95.

Gumilev L. Ethnos – state on process? (Landscape and Ethnos): XI // Soviet Geography (New York). 1973. Vol. XIV. № 6. P. 393–404.

Гумилев Л.Н. Сущность этнической целостности (Ландшафт и этнос): XII // Вестник Ленинградского ун-та. 1971. Т. 12. Вып. 4: Геология, география. С. 97–106.

Gumilev L. The Nature of Ethnic wholeness (Landscape and Ethnos): XII // Soviet Geography (New York). 1973. Vol. XIV. № 9. С. 467–476.

Гумилев Л.Н. От истории людей к истории природы: рец. на книгу Э. Ле Руа Ладюри. История климата с 1000 года / пер. с франц. // Природа. 1971. № 11. С. 116–117.

Gumilev L. Obievenizeme Chazaru / trans. Ivan Savicky. Praha: Miada Fronta. 1971. 180 s.

Гумилев Л.Н. Этническая история Тибета в I тыс. н. э. в связи с историей сопредельных стран // Центральная Азия и Тибет: История и культура Востока Азии. Новосибирск, 1972. Т. 1. С. 73–77.

Гумилев Л.Н. Этнология и историческая география (Ландшафт и этнос): XIII // Вестник Ленинградского ун-та. 1972. Т. 18. Вып. 3: Геология, география. С. 70–80.

Gumilev L. Ethnology and Historical Geography (Landscape and Ethnos): XIII // Soviet Geography (New York). 1973. Vol. XIV. № 9. P. 591–602.

Гумилев Л.Н. Искусство и этнос: Постановка проблемы // Декоративное искусство СССР. 1972. № 1/170. С. 36–41.

Гумилев Л.Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Русская литература. 1972. № 1. С. 73–82.

Гумилев Л.Н. Трагедия «Прикаспийских» Нидерландов // Техника-молодежи. 1972. № 3. С. 21.

Гумилев Л.Н. Изменение климата и миграции кочевников // Природа. 1972. № 4. С. 44–52.

Гумилев Л.Н. Опыт разбора тибетской пиктографии // Декоративное искусство. 1972. № 5. С. 26–31.

Gumilev L. Gli Unni: Un Imperio di Nomadi antagonista dell'antisa Cina / Traduzione di Carlo Cosetti. Torino: Einaudi, 1972. 268 p.

Dzleie dawnych Turkow / pref. Tadeiisz Zubtudowski: Panstwowo Institut Wudawniczy. Werszawa, 1972. 524 s.

Гумилев Л.Н. Внутренняя закономерность этногенеза (Ландшафт и этнос): XIV // Вестник Ленинградского ун-та. 1973. Т. 16. Вып. 1: Геология, география. С. 94–103.

Gumilev L. The Internal regularity of Ethnogenises (Landscape and Ethnos): XIV // Soviet Geography (New York). 1973. Vol. XIV. № 10. P. 651–661.

Гумилев Л.Н. Нужна ли география гуманитариям // Славно-русская этнография: сборник статей. Л., 1973. С. 92–100.

Гумилев Л.Н. Письмо в редакцию // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. 1973. Т. 106. Вып. 5. С. 560.

Гумилев Л.Н. Об антропологии для неантропологов: рец. на книгу: В.П. Алексеев. В поисках предков: антропология и история // Природа. 1973. № 1. С. 111–112.

Гумилев Л.Н. Или гибель Атлантиды, или ритмы в природе: рец. на книгу: Е.В. Максимов. Проблема обледенения Земли и ритмы в природе // Природа. 1973. № 11. С. 116–118.

Gumilev L. Slaadam Icywilizacji Wielkiego Stepu / Przekl. Stefano Vlichalsiego. Warshawa, 1973. 372 s.

Гумилев Л.Н. Несколько по-другому о нашествии монголов и политике Олесницкого (в XIV в.) // Россия / Russia: Studierechercheacuradi Victoria Strada.

Гумилев Л.Н. Хунну // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. Стлб. 687.

Гумилев Л.Н. Сказание о хазарской дани (опыт критического комментария летописного сюжета) // Русская литература. 1974. № 3. С. 160–174.

Gumilev L. Hiedani vymyslene rise: Legenda o «Rizik kneze Jana». Praha: Miada fronta, 1974. 400 s. (Serle «Kolumbus»).

Gumilev L. The secret and the official history of the Mongols In the twelfth and thirteenth centuries: (As they themselves wrote It) // The Countries and peoples of the East: Selected articles. Moskau: Nauka, 1974. P. 193–208.

Gumilev L. Rosmowa z Lwem Gumllowem / Rosmawlat Zbignew Podgorzec // Tygodnik Powszechny (Krakow). 11. VIII. S. 8.

Гумилев Л.Н. Старобурятская живопись: Исторические сюжеты: в иконографии Агинского дацана. М.: Искусство, 1975. 57 с.

Гумилев Л.Н. Викинги не солгали // Природа. 1975. № 5. С. 95–99.

Гумилев Л.Н. Сборник из статей Л.Н. Гумилева об этносе, изданных в Вестнике Ленинградского университета. На обложке и титульном листе автор не указан: Documentatio Ethnographica 5. szam Kezlrat gyanant. Budapest: Damjanlch Janos Muzeum. Szolnok. 1975. 150 p.

Gumilev L. Etnieenese et Biosphere de la Tarre // Acta Ethnographica Academiae Scntiarum Hungarlcal. Budapest, 1975. T. 24. Fasc. 1/2. P. 27–46.

Гумилев Л.Н. Дакота и Хунны (К статье А.Г. Каримуллина «К вопросу о генетическом родстве отдельных языков индейцев Америки с тюркскими») // Вопросы географии США: сборники статей. Л., 1976. С. 123–125.

Гумилев Л.Н. Шато // Советская историческая энциклопедия. Т. 16. Стлб. 134.

Гумилев Л.Н. Г.Е. Грумм-Гржимайдо и рождение науки об этногенезе // Природа. 1976. № 5. С. 112–121.

Гумилев Л.Н. Века и виноградники: рец. на книгу: А. Погащенко. Старожил земли русской: Очерки о русском винограде // Природа. 1977. № 6. С. 147–149.

Гумилев Л.Н. Монголы и меркиты в XII в. // Ученые записки Тартуского гос. ун-та, 1977. № 416: Studia orlentalla et Antiqua. С. 74–116.

Гумилев Л.Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе: сборник статей. 2-е изд., перераб., доп. М., 1977. С. 484–502.

Гумилев Л.Н. Этносфера как одна из оболочек Земли // Ученые записки Ленинградского ун-та. Л., 1977. Вып. 25: Вопросы физической географии и палеографии. С. 24–32.

Гумилев Л.Н. Содержание и значение категории «этнуса» // Всесоюзная конференция «Методологические аспекты взаимодействия общественных, естественных и технических наук в свете решений XXV съезда КПСС»: тезисы докладов и выступлений: I–II. М.; Обнинск. С. 64–68.

Гумилев Л.Н. Биосфера и импульсы сознания // Природа. 1978. № 12. С. 97.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.; Л., 1979. Депонировано ВИНТИ. № 1001–79. Вып. 1. Звено между природой и обществом.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.; Л., 1980. Депонировано ВИНТИ. № 3734–79. Вып. 2. Пассионарность.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.; Л., 1980 [+2] Депонировано ВИНТИ. № 3735–79. Вып. 3. Возрасты этноса.

Гумилев Л.Н. Пространство и время Великой степи / Беседовал Айдер Куркчи // Декоративное искусство. 1979. № 5. С. 31–36.

Gumilev L. Etnogeneza czyli o cyklicznym rozwoju ludzkosci // Zrozumlec Swiat: Rozmowy z uczonymi Radzieckimi. Warszawa, 1980. S. 311–325.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Кипчакская Степь в 945–1225 гг. // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана: тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1980.

Гумилев Л.Н. История: год рождения 1380... / статья подготовлена А. Куркчи // Декоративное искусство. 1980. № 12. С. 34–37.

Гумилев Л.Н. То же. на каз. яз.: 1380 жылы дуниге келген... // Жулдыз (Алма-Ата). 1980. № 9.

Гумилев Л.Н. История колебания уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н. э. по XVI в. н. э.) // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 32–48.

Гумилев Л.Н. Предисловие // Майдар Д., Пюрвеев Д. От кочевой до мобильной архитектуры. М., 1980. С. 5 (в соавт. с Ю.С. Яраловым).

Гумилев Л.Н. Этноты и природная среда // Рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды: межвузовский сборник по комплексной программе Минвуза РСФСР «Человек и окружающая среда: Проблемы охраны природы». Пермь, 1980. Вып. 3. С. 24–29.

Гумилев Л.Н. Эхо Куликовской битвы // Огонек. 1980. № 35. С. 16–17.

Gumilev L. The epoch of the Battle of Kulikovo // Soviet Geography (New York). 1981. Vol. XII. № 2.

Гумилев Л.Н. Взаимодействие наук // Человек и природа. 1981. № 9. С. 56–71.

Гумилев Л.Н. Диалог ученых: Каков феномен культуры малых народов: Л.Н. Гумилев и А. Окладников / Публикацию подготовил: А. Куркчи // Декоративное искусство. 1982. № 8. С. 23–28.

Гумилев Л.Н. Долгая память // Московский комсомолец. 1982. № 15. С. 4.

Гумилев Л.Н. Гуманитарные и естественнонаучные аспекты исторической географии // Экономическая и социальная география: Проблемы и аспекты: сборник научных статей. Новосибирск, 1984. С. 5–24.

Гумилев Л.Н. Эколого-географические исследования системы этноландшафта: Прикладной аспект // Географические исследования для целей планирования, проектирования, разработки и реализации комплексных программ: тезисы докладов секции I VIII съезда Геогр. об-ва СССР (Киев, октябрь, 1983). Ленинград, 1985. С. 147–149 (в соавт. с В.Ю. Ермолаевым, В.А. Масловым).

Гумилев Л.Н. Художественное наследие народов древнего Востока // Искусство стран Востока: Книга для учащихся старших классов. М., 1986. С. 5–19.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и ее соседи в системе международной торговли и натурального обмена // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. 1987. Т. 119. Вып. 3. С. 227–234.

Гумилев Л.Н. Культурогенез и этногенез кочевых и оседлых цивилизаций в Средние века // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов: Алма-Ата, 19–24 октября 1987 г. Алма-Ата, 1987. С. 18.

Гумилев Л.Н. Этнос как звено между природной средой и обществом // XXVII съезд КПСС и проблемы взаимодействия обществ на различных исторических этапах: тезисы докладов и сообщений научной конференции. Нальчик, 15–17 апреля 1987 г. М., 1987. С. 31–32.

Гумилев Л.Н. Почему у нас мало по-настоящему образованных людей: Научные среды // Литературная газета. 1987. 13 мая. С. 12.

Гумилев Л.Н. Люди и природа Великой степи (Опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников) // Вопросы истории. 1987. № 11. С. 64–67.

Гумилев Л.Н. Чего стоит мудрость: На вопросы корреспондента ЛУ отвечает доктор ист. наук Л.Н. Гумилев // Ленинградский ун-т. 1987. 20 ноября. С. 10.

Gumilev L. Landscape and Ethnos: An assessment of L. N. Gumilev's Theory of Historical Geography by John Austin (Muhammed Jamil) Browson // Thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in the Department of Geography. New York: Simon Fraser University, 1987, october. P. 1–31, 541–587.

Gumilev L. My chodzimy własnymi drogami / Z prof. Lwem Gumilewem rozmawia Anna Zebrowska // Polityka. 1987. № 15. 11 apr.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / под ред. канд. геогр. наук К.П. Иванова. М.; Л. Депонировано ВИНТИ. № 7904 – В87. Вып. 4. Тысячелетие вокруг Каспия. Ч. 1. 219.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / под ред. канд. геогр. наук К.П. Иванова. М.; Л., 1987. Депонировано ВИНТИ № 7905 – В87. Вып. 4. Тысячелетие вокруг Каспия. Ч. 2. 189.

Гумилев Л.Н. «История требует справедливости...» / беседу вела Л. Букина // Альманах библиофила: Книга Монголии. М., 1988. С. 343–351.

Гумилев Л.Н. Этносфера и космос // Космическая антропоэкология: Техника и методы исследования: материалы второго Всесоюзного Совещания по космической антропоэкологии. М., 1988. С. 211–220 (в соавт. с К.П. Ивановым).

Гумилев Л.Н. Звено между природой и обществом: 1) Предисловие Х. Микельсаара. Этногенез и биосфера Земли. Пассионарность: II // Радуга (Таллин). 1988. № 1. С. 55–60; № 2. С. 50–59.

Гумилев Л.Н. История – наука естественная, или Визит к профессору Гумилеву / беседу записал Вл. Суворов // Сельская молодежь. 1988. № 2. С. 44–49.

Гумилев Л.Н. Слависты и номандисты: рец. на книгу: А.А. Шенников. Червлёный Яр: Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. // Русская литература. 1988. № 2. С. 228–235.

Гумилев Л.Н. Апокрифический диалог: Изыскания // Нева. 1988. № 3. С. 201–207; № 4. С. 195–201 (в № 4 название: Биография научной теории, или Автонекролог).

Гумилев Л.Н. Наука едина и нераздельна / Интервью Н.В. Одинцова // Вечерний Ленинград. 1988. 11 марта.

Гумилев Л.Н. Негасимые костры: сегодняшний собеседник ЛР доктор наук Л.Н. Гумилев / беседу вел В. Нестеренко // Ленинградский рабочий. 1988. 18 марта.

Гумилев Л.Н. Авторский замысел и сила открытия // Студенческий меридиан. 1988. Апрель. С. 17–19.

Гумилев Л.Н. Корни нашего родства / беседу вел А. Сабиров // Известия. 1988. 13 апреля.

Gumilev L. The roots of our kinship: A. Sabirov of «Izvestia» interviews Lew Gumilyov // Soviet Weekly (London). 1988. 4th june. P. 8–9.

Гумилев Л.Н. О людях, на нас не похожих / Беседа с доктором ист. наук, этнологом Л.Н. Гумилевым, записала Е. Сеславина // Советская культура. 1988. 15 сент. С. 6.

Гумилев Л.Н. Напоминание о Вавилоне / Беседу вела Татьяна ШUTOVA // Век XX и мир. 1988. № 10. С. 24–26.

Гумилев Л.Н. Социально-этнические проблемы и природа: судьба теории и зигзаги истории / беседу с доктором ист. наук Л.Н. Гумилевым ведет публицист И. Шевелев // Человек и природа. 1988. № 10. С. 3–14.

Гумилев Л.Н. Этноты в ландшафтах // Человек и природа. 1988. № 10. С. 15–62.

Гумилев Л.Н. Судьбы теории и зигзаги истории // Человек и природа. 1988. № 10. С. 63–71.

Гумилев Л.Н. Этнос: мифы и реальность // Дружба народов. 1988. № 10. С. 218–231.

Гумилев Л.Н. Национальное и националистическое – различие и рознь / круглый стол в ред. газ. «ЛУ»: Л.Н. Гумилев, Р.Ф. Итс, А.М. Панченко, А.С. Герд // Ленинградский ун-т. 1988. 4, 18 ноября. 2 декабря.

Гумилев Л.Н. Чем опасны мифы истории / С гостем встречался Михаил Рутман // Смена (Л). 1988. 4 дек.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли // Природа и человек. 1988. № 12. С. 56–80; 1989. № 1. С. 59–62; № 2. С. 56–61; № 3. С. 58–62; № 4. С. 54–69.

Гумилев Л.Н. Цэцэдсэн шаштир // Сэтгуул (Улан-Батор). 1988. № 6. С. 147–163.

Gumilev L. Searches for an Imaginary Kingdom of Presfer John. Transl., by R.E. Smith. Cambridge University Press, 1988. 416 p. URL: <http://aaup.princeton.edu/cgi-bin/hfs.cgi/99/cambridge/87015834.ctl>.

Gumilev L. La theore de l'Ethnogenese de Lew Goumiliou // Etudes Sovietiques (Paris). 1988. Oktober. P. 28–32.

Гумилев Л.Н. Трагедия на Каспии в X в. и ПВЛ // Литература и искусство в системе культуры. М.: Наука, 1988. С. 116–122.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / под ред. доктора геогр. наук, профессора В.С. Жекулина. 2-е изд. испр. и доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 496 с.

Рец.: Чемерисская М.И. // Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 184–191.

Гумилев Л.Н. Выбор веры // Истоки. 1989. Вып. 20. С. 373–375.

Гумилев Л.Н. Помни о Вавилоне, или История с географией / беседу с Л.Н. Гумилевым и Л.В. Флоренским вела Т. Шустова // Истоки. 1989. Вып. 20. С. 359–372.

Гумилев Л.Н. Черная легенда: историко-психологический этюд / подг. текста и вступ. статья А. Фарзалиева // Хазар (Баку). 1989. № 1. С. 5–43 (в соавт. с А.И. Куркчи).

Гумилев Л.Н. Авары и обры? (Опыт расшифровки семантики этнонима) // Русская литература. 1989. № 2. С. 188–191.

Гумилев Л.Н. Прародина якутов. Где она? // Молодежь Якутии (Якутск). 1989. 30 марта.

Рец.: А.И. Гоголев. Л.Н. Гумилев глазами этнографа // Молодежь Якутии (Якутск). 1989. 20 апреля.

Гумилев Л.Н. Этнос, история, культура // Декоративное искусство. 1989. № 4. С. 32–33.

Гумилев Л.Н. «Иначе поэта нет...» / беседа Л.Э. Варустина, доктора филол. наук: О матери Анне Ахматовой и о себе // Звезда. 1989. № 6. С. 127–133.

Гумилев Л.Н. Почему выбрал Авеля / интервью А. Мамедова // Елм (Баку). 1989. 20 мая. На азерб. яз.

Гумилев Л.Н. Письмо в редакцию «Вопросов философии» // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 157–161.

Гумилев Л.Н. Человечность превыше всего / беседа с этнологом Л.Н. Гумилевым: записал А. Сабилов // Известия. 1989. 23 июня (Моск. веч. выпуск); 24 июня.

Гумилев Л.Н. Хунны в Азии и Европе // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 64–78.

Гумилев Л.Н. Сила эпохи // Декоративное искусство. 1989. № 7. С. 34–35.

Гумилев Л.Н. Отрицательные значения в этногенезе: Почему необходима новая наука – этнология // Наука и техника (Рига). 1989. № 8. С. 16–19, 24–26.

Гумилев Л.Н. Всем нам завещана Россия / беседу вел майор В. Казаков // Красная звезда. 1989. 21 сент.

Гумилев Л.Н. Мифы и реальность этносферы // Дружба народов. 1989. № 11. С. 195–199.

Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. 253 с.

Гумилев Л.Н. «Искать то, что верно»: Л.Н. Гумилев отвечает на вопросы СОЛИ / беседу вел Вячеслав Огрызко // Советская литература. 1990. № 1. С. 72–76.

Гумилев Л.Н. Этносы и антиэтнос: Главы из книги // Звезда. 1990. № 1. С. 134–149; № 2. С. 119–128; № 3. С. 154–169.

Гумилев Л.Н. Никакой мистики // Юность. 1990. № 2. С. 2–6.

Гумилев Л.Н. Хыялдагы бэхэс // Аваз (Казань). 1990. № 9, 10, 12.

Гумилев Л.Н. Возрождение истории // Предисловие к книге «Закон Божий: Начальные сведения для младшего возраста». Л.: Художественная литература, 1990.

Гумилев Л.Н. Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого (Заметки последнего евразийца) // Наше наследие. 1991. № 3.

Гумилев Л.Н. Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого (Заметки последнего евразийца) // Трубецкая Н.С. История. Культура. Язык / вступ. ст. Н.И. Толстого и Л.Н. Гумилева, сост., подгот. текста и коммент. В.М. Живова; Авст. акад. наук. М.: ПРОГРЕСС: УНИВЕРС, 1995. 798 с. (Серия «Филологимира»).

Gumilev L. Ethnogenesis and the biosphere. M.: Progress, 1990.

Гумилев Л.Н. «Я не был одинок» Л.Н. Гумилев отвечает на вопросы Н. Дубровской // Ленинградская правда 1990. 30 декабря.

Гумилев Л.Н. «Я не был одинок» Л.Н. Гумилев отвечает на вопросы Н. Дубровской // Неделя. 1991. № 6.

Гумилев Л.Н. Меня называют евразийцем / интервью – Андрей Писарева с Л.Н. Гумилёвым // Наш современник. 1991. № 1. С. 62–70.

Гумилев Л.Н. Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава // Дайджест социального соразмышления «Социум». 1992. № 5.

Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии // Наш современник. 1992. № 10.

Гумилев Л.Н. Горе от иллюзий // Вестник высшей школы (Alma Mater). 1992. № 7–9 (в соавт. с В.Ю. Ермолаевым).

Гумилев Л.Н. Чингисхан – неожиданный ракурс // Хара-Давана Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Алма-Ата: КРАМДС-Ахмед Ясави, 1992 (в соавт. с В.Ю. Ермолаевым).

Гумилев Л.Н. Этнические процессы: два подхода к изучению // Социологические исследования. 1992. № 1. С. 50–57 (в соавт. с К.П. Ивановым).

Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. М.: Искусство, 1993.

Гумилев Л.Н. Зигзаг истории // Этносфера: История людей и История природы. М.: Экопрос, 1993.

Гумилев Л.Н. Письма Васе // Мера. 1994. № 4.

Гумилев Л.Н. В какое время мы живем: беседа / Л. Гумилев, Д. Балашов; зап. Л. Антипова // Север. 2002. № 1–3. С. 7–21.

Гумилев Л.Н. Время страстей: фрагмент лекции // История-Первое сент. 2001. № 12 (23–31 марта). С. 10.

Гумилев Л.Н. Куда движутся этносы // Тюркский мир. 1998. № 1. С. 17–21.

Гумилев Л.Н. Искать то, что верно // Советская литература. 1990. № 1. С. 72–76.

Дополнительная литература

Мемуары, воспоминания, переписка

«И зачем нужно было столько лгать?» Письма Льва Гумилева к Наталье Варбанец из лагеря. 1950–1956. СПб., 2005.

Балашов Д.П. Память учителя (Воспоминания о встречах с ученым-историком Л.Н. Гумилевым) // Наш современник. 1993. № 8. С. 140–152.

Вспоминая Л.Н. Гумилева: воспоминания, публикации, исследования. СПб., 2003.

Герштейн Э. Мемуары. М., 2002.

Головникова О.В., Тархова Н.С. «И все-таки я буду историком» (О новых следственных материалах по делу Льва Гумилева и студентов ЛГУ в 1938 году, найденных в Российском государственном архиве) // Звезда. 2002. № 8. С. 114–135.

Гумилев Л.Н. Тридцать писем Васе (В.А. Абросову). 1949–1956 гг. // Мера. 1994. № 4.

Гумилева Н.В. Воспоминания // Лавров С.Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. М., 2003.

Ефремов Ю.К. Слово о Льве Николаевиче Гумилеве (1912–1992) // Известия Русского геогр. об-ва. 1994. Т. 126. Вып. 1. С. 79–86.

Живя в чужих словах. Воспоминания о Л.Н. Гумилеве. СПб., 2006.

Кралин М. Воспоминания о Льве Николаевиче // Наш современник. 2002. № 12. С. 269–273.

Лукницкая В.К. Любовник, рыцарь, летописец. Еще три сенсации из Серебряного века. СПб., 2005.

Переписка А.А. Ахматовой с Л.Н. Гумилевым // Звезда. 1994. № 4.

Савченко А.Н. Семь лет рядом со Львом Гумилевым // Новый мир. 1996. № 2. С. 240–251.

Чуковская Л.К. Воспоминания об Анне Ахматовой. Т. 1–3. М., 1997.

Диссертационные исследования, посвященные творчеству Л.Н. Гумилева

Ахраменко Л.П. Биосферная концепция этногенеза Л.Н. Гумилева: Философско-методологический аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1994.

Воронович А.Н. Материалы личного архива Л.Н. Гумилева как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012.

Гомбожапов А.Д. Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2008.

Загоскин Д.В. Проблема формирования западноевропейской цивилизации в свете историко-теоретического подхода Л.Н. Гумилева: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1998.

Игошева М.А. Культурологический статус концепции этногенеза Л.Н. Гумилева: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1998.

Лагойда Н.Г. Социально-философские аспекты концепции этногенеза Л.Н. Гумилева: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Улан-Уде, 1998.

Трубникова Н.В. Концепция этносов Л.Н. Гумилева и опыт ее интерпретации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 1998.

Диссертационные исследования по евразийству

Бе Гю Сонг. Концепция евразийства в России: истоки и современность: дис. ... канд. полит. наук. М., 1997.

Белошапко А.В. Социокультурная концепция русского евразийства: зарождение и эволюция доктрины: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2005.

Вилента И.В. Концепция истории в научном наследии евразийцев: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

Гавриш М.А. Политическая трансформация современного российского евразийства: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2003.

Гогохия Е.А. Русская революция 1917 г. в идейно-политическом наследии евразийцев: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

Горяев А.Т. Евразийская идея и проблема самоидентификации России: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2003.

Горяев А.Т. Евразийство как явление культуры России: историко-философский аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993.

Данилов С.И. Социальная философия евразийства: (истoki, сущность, современное состояние): дис. ... канд. философ. наук. М., 1994.

Жданова Г.В. Евразийство в современных исследованиях. Философские аспекты: дис. ... канд. филос. наук. М., 2002.

Игнатова С.В. Историко-философский анализ евразийского учения: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1995.

Ищенко Е.Н. Развитие евразийской традиции в трудах Л.Н. Гумилева и современном евразийстве: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004.

Келлер Г.С. Проблема взаимодействия Востока и Запада в историософии евразийства: дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2003.

Коптелова Т.И. Основные факторы развития социума в творчестве евразийцев: автореф. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2005.

Лушников О.В. Предпосылки, формирование и развитие евразийской идеи: история и современность: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008.

Матвеева А.М. Геополитическая концепция исторического развития России первой трети XX века П.Н. Савицкого: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

Никитенко Е.В. Евразийство 1920-х гг.: история противостояния и сравнительный анализ идеологии и деятельности пражского и парижского (кламарского) центров движения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011.

Овчинникова С.П. Российская правовая государственность: евразийский проект Н.Н. Алексеева: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001.

Панченко М.Ю. Политическая история евразийского движения 1926–1929 гг. Фракционная борьба и кламарский раскол: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.

Пишун К.В. Политическое учение евразийства (опыт системной реконструкции и интерпретации): дис. ... канд. полит. наук. М., 1999.

Полякова О.Л. История России в контексте евразийского культурно-исторического синтеза: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005.

Попова А.В. Евразийство в контексте германофильских традиций отечественной мысли. Социально-философские аспекты: дис. ... канд. ф. наук. Омск, 2006.

Самохин А.В. Евразийство как идейно-политическое течение в России XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

Син Бом Сик. Идеи «евразийства» и современный российский идейно-политический процесс: дис. ... канд. полит. наук. М., 1997.

Урханова Р.А. Евразийство как идейно-философское течение в русской культуре XX в.: автореф. дис. ... канд. ф. наук. М., 1992.

Хавжожкова Н.Н. Национальный характер и государственность: Социологический анализ евразийской концепции: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Нальчик, 2001.

Хобта В.В. Евразийство как явление российской политической культуры: дис. ... канд. полит. наук. Уссурийск, 2001.

Шатилов А.Б. Евразийство как феномен политической культуры (20-е гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М, 1999.

Шумакова О.Н. Геополитические аспекты теории евразийцев: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 1996.

Библиографические указатели

Антощенко А.В. Споры о евразийстве // О Евразии и евразийцах: библиографический указатель. Петрозаводск, 2000. С. 7–43.

Зобнин Ю.В., Слободнюк С.Л. Дополнительные материалы к библиографии работ о Н.С. Гумилеве (1988–1990) // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиографии. СПб., 1994.

Лев Николаевич Гумилев: библиографический указатель / под ред. А.Г. Каримуллина. Казань, 1990.

Полушин В.Л. Гумилевы. 1720–2000: Семейная хроника. Летопись жизни и творчества Н.С. Гумилева: XX столетие. Родословное древо. М., 2004.

Статьи и монографии по теме исследования

Аванесова Г.А. Особенности евразийского анализа культуры // Наука о культуре: итоги и перспективы. М., 1998. Вып. 4. С. 28–50.

Андреанов Б.А. Некоторые замечания по поводу статьи Л.Н. Гумилева «Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии» // История СССР. 1968. № 1. С. 233–234.

Артамонов М.И. Снова «герои» и «толпа»? // Природа. 1971. № 2. С. 75–77.

Артамонов М.И., Плетнева М.И. Еще раз о степной культуре Евразии // Народы Азии и Африки. 1960. № 3. С. 89–93.

Афанасьев В. Рецензия на книгу Л.Н. Гумилева «Древние тюрки» // Новый мир. 1968. № 2.

Баграмов Э.А. От евразийской идеи к евразийскому сообществу // Евразия. Культуры. Народы. Религии. 2001. № 1–2. С. 80–85.

Бадмаев В.Н. О «Туранском элементе» в этнополитической концепции евразийцев // Социальная теория и современность. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». М., 1995. Вып. 18. С. 139–145.

Баннх С.Г. Географический детерминизм от Льва Мечникова до Льва Гумилева: Исторические очерки. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 1997.

Беговатов А.И. Россия как Евразия: идеология и геополитика. СПб., 1995.

Богачева Н.В. Еще раз о тайне евразийства // Вестник МГУ. Сер. 18. 1996. № 1. С. 116–119.

Босс О. Учение евразийцев. Перевод первой главы // Начала. 1992. № 4. С. 89–98.

Бромберг Я.А. Евреи и Евразия. М., 2002.

Бромлей Ю.В. По поводу одного «Автонекролога» // Знамя. 1988. № 12. С. 229–232.

Бромлей Ю.В. Человек в этнической (национальной) системе // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 16–28.

Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997.

Вейдле В.В. Россия и Запад // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 63–71.

Вилента И.В. Идея самобытности России в исторической концепции евразийцев // Вестник МГУ. Сер. 8 «История». 1998. № 1. С. 27–41.

Вилента И.В. Евразийство: Проблемы историографии. М., 1993.

Вододагин А. Метафизическая ось евразийства. Тверь, 1994.

Водолагин А.В. Метафизическая ось евразийства // Социальная теория и современность. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». Вып. 18. С. 27–31.

Волкогонова О.Д. Евразийство: эволюция идеи // Вестник МГУ. Сер. 7. 1995. № 4. С. 26–43.

Волкогонова О.Д. Судьба России: Восток или Запад? // Культура и творчество. Тверь, 1995. С. 130–142.

Герасимов Ю.К. Религиозная позиция евразийства // Русская литература. 1995. № 1. С. 159–176.

Гиренок Ф.И. Евразийские тропы // Глобальные проблемы и перспективы цивилизации (Феномен евразийства). М.: ИНИОН РАН, 1993. С. 162–179.

Глебов С. Евразийство между империей и модерном: История в документах: Новое издательство. М., 2010.

Гогохия Е.А. Евразийская мысль об истоках русской революции // Вестник МГУ. История (Сер. 8). 1998. № 5. С. 54–66.

Горбатов А.В., Михайлов Ю.И. Основные школы и концепции культурологии. Кемерово, 2000.

Горяев А.Т. Власть и личность в концепции евразийства // Социальная теория и современность. М., 1992. Вып. 2. С. 77–86.

Горяев А.Т. Россия, «русский элемент» в концепции евразийцев // Социальная теория и современность. М., 1992. Вып. 3. С. 106–110.

Горяев А.Т. Евразийство: «научный замысел» и практические реалии. М.: Рос. ун-т дружбы народов; Элиста: Калмыцкий институт социально-экономических правовых исследований, 2001. 160 с.

Грицанов А.А. Евразийство // Новейший философский словарь. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. С. 351–353.

Гусева А.В. Концепция русской самобытности у евразийцев: критический анализ. Л., 1986.

Данилов С.И. Идея соборности в социальной философии славянофилов и евразийская идеология // Социальная теория и современность. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». Вып. 18. М., 1995. С. 128–139.

Дедова Ю.А. Влияние теории этногенеза Л.Н. Гумилева на развитие философской онтологии // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии: материалы конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. выдающегося евразийца XX в. Л.Н. Гумилева. СПб., 2002. Т. 1. С. 38–41.

Демин В.Н. Лев Гумилев. М., 2007.

Дурновцев В.И., Кулешов С.В. Жизнь и судьба П.Н. Савицкого // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940: в 2 кн. / под ред. Е.П. Чельшева, Д.М. Шаховского. Кн. 1. М.: Наследие, 1994. 420 с.

Дьяков В.А. Русская идея в эмигрантских изданиях 1920–1968 гг. // *Славяноведение*. 1995. № 4. С. 3–16.

Дьяконов И.М. «Огненный дьявол» // *Нева*. 1992. № 4.

Евразийская идея: вчера, сегодня, завтра // *Иностранная литература*. 1991. № 12. С. 213–228.

Евразийская перспектива: материалы академической конференции. М., 1994. 215 с.

Евразийство: за и против, вчера и сегодня: материалы круглого стола // *Вопросы философии*. 1995. № 6. С. 3–49.

Евразийство: теория и практика. М., 2001.

Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1992. 180 с.

Евразия: люди и мифы. М., 2003.

Ельмеев В.Я., Пруель Н.А. К характеристике научного метода Л.Н. Гумилева // *Учение Л.Н. Гумилева: опыт осмысления*: Сб. ст. М. 1998. Т. 1. С. 85–87.

Ерасов Б.С. Антиевразийство и новое евразийство в канун XXI века // *Евразийство: проблемы осмысления*. Уфа: Восточный университет, 2002. С. 15–23.

Ерасов Б.С. Социокультурные и геополитические принципы евразийства // *Полис*. 2001. № 5.

Ерасов Б.С. О геополитическом и цивилизационном устройстве Евразии // *Евразия. Народы. Культуры. Религия*. 1997. № 1–2. С. 25–35.

Ерасов Б.С. Россия в евразийском пространстве // *Общественные науки и современность*. 1994. № 2. С. 57–67.

Ерасов Б.С. Этническое – национальное – цивилизационное в простоанстве Евразии // *Цивилизации и культуры. Россия и Восток: цивилизационные отношения*. М.: Институт востоковедения РАН, 1995. Вып. 2. С. 81–105.

Ермекбаев Ж.А. Теория этногенеза и евразийские идеи Л.Н. Гумилева в преподавании исторических дисциплин. Астана, 2003.

Железнов Ю.Д., Абрамян Э.А., Новикова С.Т. Человек в природе и обществе. Введение в эколого-философскую антропологию. М., 1998.

Иванов А.В. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.

Иванов В.Н. Евразийство // Политическая энциклопедия. М.: Мысль, 1999. Т. 1. С. 371–372.

Игнатов А. «Евразийство» и поиск новой русской культурной идентичности // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 49–64.

Игнатова С.В. Евразийская концепция государства (20–30-е гг. XX в.) // Философия в России. М., 1994. С. 36–52.

Игнатова С.В. Проблема государственности и правосознания в России в работах евразийцев. М., 1994. 25 с.

Исаев И.А. Геополитические аспекты тотальности: евразийство // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 203–222.

Исаев И.А. Евразийство // Политико-правовая утопия в России. Конец XIX – начало XX в. М., 1991. С. 203–234.

Исаев И.А. Евразийство: за и против, вчера и сегодня // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 3–48.

Исаев И.А. Евразийство: идеология государственности // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 42–55.

Исаев И.А. Евразийство: миф или традиция // Коммунист. 1991. № 12. С. 106–118.

Итс Р.Ф. Несколько слов о книге Л.Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» // Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 3–13.

Казнина О.А. Д.П. Святополк-Мирский и евразийское движение // Начала. 1992. № 4. С. 81–88.

Казнина О.А. Н.С. Трубецкой и кризис евразийства // Славяноведение. 1995. № 4. С. 89–91.

Карельская А.П. Л.Н. Гумилев. М.; Ростов н/Д, 2005.

Карлов В.В. Евразийская идея и русский национализм (По поводу ст. В.А. Шнирельмана «Евразийская идея и теория культуры») // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. С. 3–13.

Карлов В.В. О евразийстве, национализме и приемах научной полемики // Этнографическое обозрение. 1997. № 2.1. С. 125–132.

Карташев А.В. Пути единения // Карташев А.В. Церковь. История. Россия. М., 1996. С. 263–270.

Квасова И.И. Общечеловеческие ценности в евразийской концепции культуры // Актуальные проблемы гуманитарных наук. М., 1995. С. 13–15.

Клейн Л.С. К постановке вопроса о происхождении славян // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 1. Л., 1969.

Клейн С.Л. Черные мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева // Нева. 1992. № 4. С. 228–246.

Ключников С. Восточная ориентация русской культуры // Русский узел Евразийства. М., 1997.

Ключников С.Ю. Русский удел евразийства // Наш современник. 1992. № 3. С. 174–180.

Ковалевский П.Е. Исторический путь России. Синтез русской истории по новейшим данным науки. Париж, 1946. Ч. 1. 96 с.

Кожин В.В. Евразийская концепция русской истории // Евразия. 1997. № 1–2. С. 12–19.

Кожин В.В. Историософия евразийцев // Наш современник. 1992. № 2. С. 140–144.

Козлов В.И. О биолого-географической концепции этнической истории // Вопросы истории. 1974. № 12. С. 72–85.

Козлов В.И. Пути околоэтнической пассионарности (О концепции этноса и этногенеза, предложенной Л.Н. Гумилевым) // Советская этнография. 1990. № 4. С. 94–110.

Козлов В.И. Лев Николаевич Гумилев: Историк и этнограф. 1912–1992 // Этнографическое обозрение. 1992. № 5. С. 173–175.

Козлов В.И. Что же такое этнос // Природа. 1971. № 2. С. 71–74.

Колесниченко Ю.В. Опыт евразийства: тема личности в отечественной философии // Вест. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1994. № 1. С. 71–77.

Коптелова Т.И., Пушкин С.Н. Взгляды Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева как идейный источник евразийства // Проблемы духовной жизни: история и современность: сборник научных трудов. Н. Новгород, 2002. С. 108–118.

Коренько В.А. К критике концепции Л.Н. Гумилева // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 22–35.

Королева-Коноплянская Г.И. Теория этногенеза Л.Н. Гумилева // Социально-политический журнал. 1994. № 8. С. 121–125.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2001. 312 с.

Крадин Н.Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. 2001. № 5. С. 21–32.

Крадин Н.Н. Степная Бурятия в составе хуннской империи // Центральная Азия и Прибайкалье в древности: сб. науч. тр. Улан-Удэ; Чита, 2002. С. 132–138.

Крадин Н.Н. Структура и общественная природа Хуннской империи // Вестник Древней истории. 2003. № 4. С. 137–159.

Крадин Н.Н. Теорема Чингисхана: Опыт средневековой глобализации // Родина. 2006. № 9. С. 23–30.

Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.

Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Теорема Чингисхана // Родина. 2006. № 10. С. 47–52.

Кржегов В.С. Взаимоотношения общества и государства в концепции евразийства: «соборность» и тоталитаризм // Социальная теория и современность. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». V. 1. Вып. 18. С. 99–119.

Крылов А.А., Коваленко М.И. Проблемы этнической психологии в свете теории этногенеза Л.Н. Гумилева // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 6: Философия, политология, социология, психология, право. СПб., 1993. Вып. 4. С. 73–81.

Кузнецов Б.И. Проверка гипотезы Гумилева // Природа. 1971. № 2. С. 74–75.

Кузьмин А.Г. Пропеллер пассионарности или приватизация истории // Молодая гвардия. 1991. № 9.

Кульпин Э.С. Гипотеза этногенеза Гумилева и социо-естественная история // Учение Л.Н. Гумилева: опыт осмысления: сб. ст. М., 1998. С. 17–20.

Культурное наследие русской эмиграции: 1917–1940 гг.: в 2 кн. / под ред. Е.П. Лельшева, Д.М. Шаховского. М.: Наследие, 1994. Кн. 1. 420 с.

Курчки А.И. Человек и природа в научном наследии Л.Н. Гумилева // Генетические коды цивилизаций. М., 1995. С. 117–121.

Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М., 2000.

Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М.: Наталис, 2004. 287 с.

Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или О противоположности Л.Н. Гумилева и П.Н. Савицкого // Евразия. Люди и миры. М., 2003.

Ларюэль М. Теория этноса Льва Гумилева и доктрины западных «новых правых» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 36–43.

Левинтов А. Ахиллесова пята текстов Л.Н. Гумилева (попытка анализа) // Государства реальные и вымышленные. 1995.

Лупова А.А. Идеи В.И. Вернадского в философии истории Л.Н. Гумилева // Русская философия: многообразие в единстве. М., 2001, С. 133–136.

Лурье Я.С. Древняя Русь в сочинениях Л.Н. Гумилева // Звезда. 1994. № 10. С. 171.

Лурье Я.С. К истории одной дискуссии // История СССР. 1996. № 4. С. 129.

Лурье Я.С. Древняя Русь в сочинениях Л.Н. Гумилева // Звезда. 1994. № 10. С. 167–177.

Люкс Л. «Третий путь», или Назад в Третий рейх? // Вопросы философии. 2000. № 5. С. 33–45.

Люкс Л. Евразийство // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 105–115.

Люкс Л. Евразийство и консервативная революция // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 57–69.

Люкс Л. Заметки о «революционно-традиционалистской» культурной модели «евразийцев» // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 23–34.

Мавродин В.В. Древнейшие сведения о славянах (К вопросу о происхождении славян) // Вестник ЛГУ. 1956. № 20.

Мальмстад Дж. К истории «Евразийства»: М. Горький и П.П. Сувчинский // Диаспора: Новые материалы. Париж. СПб., 2001. С. 329–346.

Мамонтов С.П. Евразийство, большевизм и современная Россия // Цивилизации и культуры. 1994. Вып. 1. С. 208–221.

Маслин М.А. Евразийские временники как источник классического евразийства // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Философия. 1999. № 1. С. 94–100.

Маслин М.А. Ноевразийство о судьбе России // Научно-методические материалы к курсу «История русской философии». М., 1997. С. 201–209.

Мещеряков Н. Евразийцы // Большая Советская энциклопедия. М.: ОГИЗ РСФСР, 1931. Т. 23. С. 827–828.

Мироненко Н.С. Геополитическая концепция евразийства // Вестник МГУ. Сер. 5. 1997. № 6. С. 53–55.

Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России (опыт метаисторического исследования). Ч. II. М., 2001.

Мосионжик Л.А. Технология исторического мифа. СПб., 2012.

Мяло К. Русский вопрос и евразийская перспектива // Евразийская перспектива М., 1994. С. 101–112.

Найт Н. Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии последних лет. Антология. М., 2005. С. 155–198.

Никитин А. Трилистник Великой степи // Знание – сила. 1971. № 3.

Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Два лика евразийства // Свободная мысль. 1992. № 7. С. 100–110.

Ольшанский Д.В. Евразийство: интеграция или дезинтеграция? // Евразийский проект: реальности, проблемы, концепции. М.: Клуб «Реалисты», 1996. № 16. С. 36–38.

Омельченко Н.А. В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности. М.: РГХИ, 1996. 550 с.

Омельченко Н.А. Политическая мысль русского зарубежья: Очерки истории (1920–1930-х гг.). М.: Планета детей, 1997. 256 с.

Омельченко Н.А. «Исход к Востоку»: евразийство и его критики // Евразийская идея и современность М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2002. С. 10–29.

Омельченко Н.А. Споры о евразийстве: Опыт исторической реконструкции // Полис. 1992. № 3. 156–163.

Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. М., 1998. 280 с.

Орнатский В.Б. Географический детерминизм: Г.Т. Бокль и Л.Н. Гумилев // Русская история и русский характер: материалы Междунар. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. Л.Н. Гумилева. СПб., 2002. Т. 3. С. 47–59.

Очирова Т.Н. Геополитическая концепция евразийства // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 47–57.

Очирова Т.Н. Евразийская концепция культурной самобытности // Социальная теория и современность. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». Вып. 18. С. 47–64.

Очирова Т.Н. Евразийство и пути русского исторического самопознания // Известия РАН. Сер.: Литература и язык. 1993. Т. 52. №4. С. 34–47.

Очирова Т.Н. Историческая концепция евразийства (Обзор) // Философские науки. 1993. № 2. С. 137–158.

Панарин А.С. Западники и евразийцы // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 60–69.

Панарин А.С. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 19–32.

Панарин А.С. «Вторая Европа» или «третий Рим»? Избранная социально-философская публицистика. М.: РАН, 1996. С. 90–126.

Панарин А.С. Евразийство: за и против, вчера и сегодня: материалы круглого стола // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 3–48.

Панарин А.С. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 19–31.

Пашуто В.Т. Русские историки эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 400 с.

Пашенко В.Я. Евразийцы и мы // Вестник московского университета. Серия 12. 1993. № 3. С. 79–89.

Пашенко В.Я. Идеология евразийства. М.: Изд-во МГУ, 2000. 446 с.

Пашенко В.Я. Евразийству 80 лет // Вестник МГУ. Философия (Сер. 7), 2001. № 4. С. 3–19.

Пашенко В.Я. Марксизм, большевизм, революция в зеркале евразийства // Вести. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1999. № 2. С. 82–101.

Пашенко В.Я. Европа и человечество – «Катехизис евразийства» // Евразийская идея и современность. М.: Изд-во РУДН, 2002. С. 72–92.

Пашенко В.Я. Монгольский фактор в истории России // Евразийская идея сегодня. М.: РУДН, 2001. С. 34–42.

Пащенко В.Я. Социальная философия евразийства. М.: Альфа-М, 2003. 450 с.

Петров А.Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 36–59.

Петров А.Н. Новые данные о связи природной ритмики и этносоциальных процессов // Известия русского географического общества. Т. 132. Вып. 3. 2000. С. 85–89.

Петров М.П. С точки зрения географа // Природа. 1976. № 4. С. 152–154.

Пономарева Л.В. Типология евразийства // Русская эмиграция в Европе: 20–30-е гг. XX в. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 199–221.

Пономарева Л.В. «Евразийство»: его место в русской и западноевропейской историко-философской традиции // Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1992. С. 3–9.

Пономарева Л.В. Вокруг евразийства: споры в русской эмиграции // Евразийская идея и современность, М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2002. С. 30–37.

Пушкин С.Н. Евразийские взгляды на цивилизацию // Социс. 1999. № 12. С. 24–33.

Пушкин С.Н. Евразийцы и Советская Россия // Полигнозис. М., 2000. № 2. С. 47–59.

Пушкин С.Н. Историософия евразийства. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 1999.

Пушкин С.Н. Л.Н. Гумилев о православии и католицизме // Православие и культура: XI Рождественские православно-философские чтения. Н. Новгород, 2002. С. 125–133.

Пушкин С.Н. Проблемы этнологии в концепции Л.Н. Гумилева // Философские науки. 2005. № 4. С. 100–121.

Радышевский Д. Соблазн евразийства // Московские новости, 2001. 1–14 мая.

Реальность этнических мифов. М., 2000. С. 34–52.

Рожанский М.Я. Евразийство: образ России. Иркутск: Тускарора, 1999.

Русский узел Евразийства. М., 1997.

Рыбаков Б.А. О преодолении самообмана. По поводу книги Л.Н. Гумилева «В поисках вымышленного царства» // Вопросы истории. 1971. № 3. С. 153–159.

Рыбаков С.Е. Этничность и этнос // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 3–24.

Савкин П., Козловский В. Евразийское будущее России // Ступени. М., 1992. № 2.

Сендеров В.А. Евразийство – миф XXI века // Вопросы философии. 2001. № 4. С. 47–57.

Сендеров В.А. Евразийство: за и против, вчера и сегодня: материалы круглого стола // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 3–48.

Сергеева В.В. Евразийство как традиция // Гуманитарные науки и образование: проблемы и перспективы. Саранск, 1997. С. 267–270.

Сергеева О.А. Л.Н. Гумилев и научные тенденции двадцатого века // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1998. № 6. С. 71–83.

Соболев А.В. Князь Н.С. Трубецкой и евразийство // Литературная учеба. 1991. № 6. С. 121–130.

Соболев А.В. Своя своих не познаша. Евразийство // Начала. 1992. № 4. С. 49–58.

Соболев А.В. Уроки евразийства // Евразийская перспектива. М., 1994. С. 36–50.

Соколов С.М. Философия русского зарубежья: евразийство. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2003. 133 с.

Сорокин Ю.А. Присоединение казахской степи к Российской империи: нарративный дискурс // Азиатская Россия во второй половине XIX – начале XX в. Проблемы региональной истории. Омск, 2008. С. 83–98.

Сорокин Ю.А. «Антропологический поворот» современной историографии в контексте научного наследия Л.Н. Гумилева: тезисы доклада // Актуальные проблемы истории и социально-гуманитарных наук: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Кокшетау, 2014. С. 25–29.

Сорокин Ю.А. Взгляды Л.Н. Гумилева на русско-ордынские отношения XIII в. // Степной край Евразии: историко-культурное взаимодействие и современность: тез. докл. и сообщ. VI Междунар. конф. Омск, 2009. С. 11–14.

Сорокин Ю.А. Гумилев о месте и значении Тюркского компонента в истории Евразии // Тюркская цивилизация: матер.

науч. конф., посвященной 1400-летию Западно-Тюркского каганата. Кокшетау, 2003. С. 49–53.

Сорокин Ю.А. Евразийство Н.С. Трубецкого: прошлое и настоящее // Евразия: народы, культуры, социумы. Астана, 2005. С. 19–23.

Сорокин Ю.А. Исторические воззрения евразийцев в понимании Л.Н. Гумилева // Сотрудничество Казахстана и России – залог создания ЕвРАЗЭС: матер. Междунар. науч. конф. Кокшетау, 2004. С. 123–126.

Сорокин Ю.А. К вопросу об интерпретации Л.Н. Гумилева евразийских воззрений Н.С. Трубецкого // Народы Евразии: культура и общество. Астана, 2004. С. 25–26.

Сорокин Ю.А. К новейшей критике евразийской концепции русской истории конца XV–XVI в. // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность. Астана; Омск; Томск, 2003. С. 13–15.

Сорокин Ю.А. Концепция евразийства и современные научные каноны в освещении тюрко-славянских связей // Независимый Казахстан и научное наследие академика М. Козыбаева: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Т. 5. Петропавловск, 2011. С. 141–145.

Сорокин Ю.А. Л.Н. Гумилев о взаимодействии Великой степи и Русского государства в IX–XVIII в. // Евразийство и Казахстан. Труды Евразийского научного форума «Гумилевские чтения». Т. 1. Астана, 2003. С. 19–25.

Сорокин Ю.А. Л.Н. Гумилев об эмире Тимуре // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность. Омск, 2005. С. 32–36.

Сорокин Ю.А. Научное наследие академика В.В. Бартольда и евразийство // Вестник Кокшетауского университета им. Ш.Ш. Уалиханова. 2006. № 3 (12). С. 38–40.

Сорокин Ю.А. О концепции национальных и межнациональных отношений Н.С. Трубецкого // Валихановские чтения – 17: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Кокшетау, 2013. С. 13–18.

Сорокин Ю.А. Основные идейные конструкции евразийцев в первой половине 1920-х гг. // Козыбаевские чтения – 2014: роль Казахстана в интеграции евразийского пространства: ма-

тер. Междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Петропавловск, 2014. С. 140–145.

Сыздыкова Ж.С. Россия и Восток в свете евразийской концепции // Россия между Западом и Востоком: духовные аспекты цивилизации. М., 1999. С. 90–97.

Титаренко М.Л. Евразийство и цивилизационность // Евразийский проект: реальности, проблемы, концепции. М.: Клуб «Реалисты», 1996. № 16. С. 21–24.

Толстой Н.И. Н.С. Трубецкой и евразийство // Трубецкая Н.С. История, культура, язык. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 5–28.

Тортика А.А., Михеев В.К. «Иудео-хазарский» период истории Хазарского каганата: к продолжению критического анализа концепции Л.Н. Гумилева // Хазарский альманах. М., 2004. С. 109–116.

Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Наука; Изд. фирма «Восточная литература», 1993. 168 с.

Третьяков В. Евразийство как песочные часы. Показывают ли они реальное время? // Евразия. Народы. Культуры. Религии. 2001. № 1–2. С. 86–87.

Троянов А.А. Изучение евразийства в современной зарубежной литературе (Краткий обзор) // Начала. 1992. № 4. С. 99–103.

Урханова Р.А. Философско-исторические основания евразийской культурологии // Философия и культура в России: методологические проблемы. М., 1992. С. 115–124.

Уткин И.А. Запад и Россия: история цивилизаций. М., 2000.

Феннел Д. Кризис средневековой Руси 1200–1304. М., 1980.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.

Хачатурян В.М. Культура Евразии. Этнос и геополитика // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 92–99.

Цымбурский В.Л. Дважды рожденная «Евразия» и геостратегические циклы России // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 5–33.

Цымбурский В.Л. Геополитика для евразийской Атлантиды // Международный евразийский институт экономических и

политических исследований. 27 мая 2000 г. URL: <http://www.iicas.org/articles/library/librrus275001.htm>.

Цымбурский В.Л. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Евразия: люди и мифы. М., 2003.

Цымбурский В.Л. Остров Россия: перспективы российской геополитики // Полис. 1993. № 5. С. 6–23.

Челышев Е.П. Евразия. Проблемы культурного синтеза // Евразия, народы, культуры, религия. 1991. № 1. С. 34–39.

Чемерисская Н.И. Л.Н. Гумилев. Этногенез и биосфера Земли // Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 184–191.

Чемерисская М.И. Лев Николаевич Гумилев и его научное наследие // Восток. 1993. № 3. С. 165–181.

Шевченко В.Н. К современным спорам вокруг евразийской идеи // Социальная теория и современность. Вып. XVIII. Евразийский проект модернизации России, «за» и «против». М.: Российская академия гос. службы при президенте РФ, 1995. С. 32–46.

Шевченко Ю.Ю. Теория этничности, теория этноса и теория этногенеза, или Феномен Л.Н. Гумилева // Учение Л.Н. Гумилева и современность: сб. ст. СПб., 2002. Т. 1. С. 105–117.

Шиловский М.В. Сибирские корни евразийства // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 1. Культурный космос Евразии. С. 102–111.

Ширинский-Шихматов. Российский национал-максимализм и евразийство // Евразийский сборник. Кн. VI. Прага; Париж: Издательство евразийцев, 1929. С. 25–32.

Шнирельман В.А. Евразийство и национальный вопрос // Этнографическое обозрение. 1997. № 2. С. 112–125.

Шнирельман В.А. Евразийцы и евреи // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 11.

Шнирельман В.А. Марлен Ларюэль. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи // Вестник Евразии. 2004. Вып. 2. С. 184–191.

Шнирельман В.А. Русские, нерусские и евразийский федерализм: евразийцы и их оппоненты в 1920-е гг. // Славяноведение. 2002. № 4.

Шнирельман В.А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 8–21.

Шнирельман В.А., Панарин С.А. Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? // Вест. Евразии = Acta Eurasica. 2000. № 3. С. 5–37.

Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989.

Эскин А. Русско-еврейский симбиоз наших дней // Евреи и Евразия. М.: АГРАФ, 2002. 320 с.

Янов А. Учение Льва Гумилева // Свободная мысль. 1992. № 17. С. 104–116.

Янов А.Л. Россия: у истоков трагедии 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М., 2001.

Интернет-ресурсы

Персональный сайт Л.Н. Гумилева. URL: <http://xn--b1abpmd5bxg.xn--p1ai/>.

Сайт «Gumilevica: гипотезы, история, мировоззрение». URL: <http://gumilevica.kulichki.net/info/index.html>.

Информационно-аналитический портал «Центр Льва Гумилёва». URL: <http://www.gumilev-center.ru/about/>.

Сайт «Молодая Евразия». URL: <http://yeurasia.org/>.

Аксюциц В. Соблазн евразийства. URL: <http://www.pravoslavie.ru/iurnal/ideas/eurasiasoblazn.htm>.

Ашкеров А. Глобализация и евразийство: Н.С. Трубецкой. URL: <http://www.traditio.ru:8100/ashkerov/glQbai.htm>.

Баграмов Э. Евразийство национальная идея России? URL: http://www.nasledie.ru/oboz/N09_01/9_03.HTM.

Библиотека первоисточников евразийцев: 20–30-е годы. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/>.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Глава 1.

1. Что должно понимать под евразийством?
2. Что из себя представляло евразийство 1920-х гг.?
3. Каковы ключевые идеи евразийцев в 1920-х гг.?
4. Как понимал «истинный» и «ложный» патриотизм князь Н.С. Трубецкой?
5. Каковы основные интерпретации евразийской идеологии, сформировавшейся в 1920-хх гг. у позднейших ученых?
6. На чем основано неприятие теоретических построений евразийцев: основные аспекты критики.
7. Становление и развитие евразийства. Периодизация процесса.

Глава 2.

1. Как повлияло происхождение Л.Н. Гумилева на его жизненный путь?
2. Насколько вам представляется справедливым утверждение Л.Н. Гумилева о том, что он один раз сидел за папу, другой раз – за маму?
3. Что вы можете сказать о периодизации творчества Л.Н. Гумилева, предложенной А.И. Вороновичем.
4. Как Л.Н. Гумилев толкует понятие «этнос».
5. Укажите основные составляющие теории этногенеза Л.Н. Гумилева.
6. Теория пассионарности Л.Н. Гумилева: за и против.
7. Каково содержание понятий «пассионарная индукция», «пассионарное поле», «пассионарное напряжение»?
8. Природа пассионарности.
9. Фазы этногенеза.
10. Как соотносятся научные взгляды евразийцев с теориями Л.Н. Гумилева?

Глава 3.

1. Какова природа Внутренней Азии.
2. Расскажите о догосударственной истории хунну.
3. Государство у хунну. Модэ.
4. Почему произошла трансформация хунну в гуннов?
5. Каковы основные события в истории тюркютов.
6. Второй тюркский каганат: величие и гибель.
7. Средневековые уйгуры и их государство.
8. Как Л.Н. Гумилев относится к «географическому детерминизму»?
9. Как соотносятся понятия «монголы» и «татары»?
10. Деятельность Чингисхана в оценках Л.Н. Гумилева.
11. Эволюция державы Чингисхана. Движение к «бюрократической монархии».
12. Как оценивали русско-ордынские отношения в отечественной историографии XVIII – начала XX в.
13. Советские историки о русско-монгольских связях XIII–XIV вв.
14. Русско-ордынские связи в понимании Л.Н. Гумилева.

Глава 4.

1. Критика гумилевской теории этногенеза учеными-этнографами. Что их не устраивало в построениях Л.Н. Гумилева.
2. Публикации В.И. Козлова. Суть претензий к научным текстам Л.Н. Гумилева.
3. Полемика о теории пассионарности в годы перестройки.
4. Посмертные критики Л.Н. Гумилева. А.Л. Янов.
5. Л.Н. Гумилев как «русский космист» с позиции метаисторического анализа И.В. Можайского.
6. Л.Н. Гумилев как «экстремистский идеолог», «расист» и нацист.

Учебное издание

Сорокин Юрий Алексеевич,
Суворова Наталья Геннадьевна

ЕВРАЗИЙСТВО Л.Н. ГУМИЛЕВА
К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ
СТЕПНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЕВРАЗИИ

Учебное пособие

Редактор *А.Н. Волынкина*
Технический редактор *Н.В. Москвичёва*
Дизайн обложки *З.Н. Образова*

Подписано в печать 12.11.2015. Формат бумаги 60х84 1/16.
Печ. л. 16,0. Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 14,75. Тираж 100 экз. Заказ 212.

Издательство Омского государственного университета
644077, Омск, пр. Мира, 55а
Отпечатано на полиграфической базе ОмГУ
644077, Омск, пр. Мира, 55а

